

ПЕТЕРБУРГСКИЙ ИНСТИТУТ ИУДАИКИ
ST. PETERSBURG INSTITUTE OF JEWISH STUDIES

**ТРУДЫ ПО ИУДАИКЕ
ИСТОРИЯ И ЭТНОГРАФИЯ**

Выпуск 6

**TRANSACTIONS
ON JEWISH STUDIES
HISTORY AND ETHNOGRAPHY**

Issue 6

**THE HISTORY
OF JEWISH DIASPORA
IN EASTERN EUROPE**

**International Academic Conference Proceedings
in memory of M. G. Stein.
April 29–30, 2012**

St. Petersburg
2012

**ИСТОРИЯ
ЕВРЕЙСКОЙ ДИАСПОРЫ
В ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЕ**

**Материалы
Международной научной конференции
памяти М. Г. Штейна
29–30 апреля 2012 г**

Санкт-Петербург
2012

ББК 63.3(2=611.215)я431
УДК 94(47)(=411.16)(063)
И90

Ответственные редакторы:
М. О. Мельцин, А. Н. Пилипенко

И90 **История** еврейской диаспоры в Восточной Европе: Материалы Междунар. науч. конф. памяти М. Г. Штейна. / Отв. ред. М. О. Мельцин, А. Н. Пилипенко; Петербургский ин-т иудаики. — СПб., 2012. — 208 с. (Труды по иудаике. Сер. «История и этнография». Вып. 6)

ISBN 5-93936-011-4

В сборник включены статьи по истории и культуре еврейской диаспоры Восточной Европы. Внимание авторов сконцентрировано на изучении истории евреев в Российской империи и Советском Союзе, часть работ посвящена более раннему периоду. Рассматриваются проблемы политики властей в «еврейском вопросе», истории формирования еврейских общин, участия евреев в культурной и политической жизни страны, их роли в искусстве, науке, государственной и военной службе, а также в торговле.

ББК 63.3(2=611.215)я431
УДК 94(47)(=411.16)(063)

**ИСТОРИЯ ЕВРЕЙСКОЙ ДИАСПОРЫ
В ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЕ**
**Материалы Международной научной конференции
памяти М. Г. Штейна**

Корректоры *Н. Кузнецова, М. Глебушко*
Верстка *Е. Сальниковой*

Подписано в печать 10.04.12. Формат 60×84 1/16. Гарнитура Петербург.
Печать офсетная. Печ. л. 13. Тираж 300 экз. Заказ №

Отпечатано в ООО «Галаника», СПб., Лесной пр., д. 94

ISBN 5-93936-011-4

© Авторы статей, 2012
© АНОО «Петербургский институт иудаики», 2012

СОДЕРЖАНИЕ

ПРЕДИСЛОВИЕ 9

Л. А. Наливкин (С.-Петербург, Российская Федерация)
ОН БЫЛ МОИМ КУМИРОМ..... 11

ЕВРЕЙСКАЯ ГЕНЕАЛОГИЯ И БИОГРАФИКА

А. И. Хаеш (С.-Петербург, Российская Федерация)
ГЕНЕАЛОГИЧЕСКИЕ СВЕДЕНИЯ О ПЕТЕРБУРГСКИХ ЕВРЕЯХ
В МАТЕРИАЛАХ ДЕПАРТАМЕНТА ОБЩИХ ДЕЛ МВД.....16

И. В. Сахаров (С.-Петербург, Российская Федерация)
ИУДЕЙ В РЯДАХ РОССИЙСКОГО ДВОРЯНСТВА:
АВРААМ ЯКОВЛЕВИЧ ГАРКАВИ (1835–1919) – ВЫДАЮЩИЙСЯ СЕМИТОЛОГ,
СОТРУДНИК ИМПЕРАТОРСКОЙ ПУБЛИЧНОЙ БИБЛИОТЕКИ 23

А. В. Островский (С.-Петербург, Российская Федерация)
ДВА ПИСЬМА ИЗ АРХИВА Д. Г. ГИНЦБУРГА.....32

Т. К. Никольская (С.-Петербург, Российская Федерация)
АДОЛЬФ ИОФФЕ – КАРЬЕРА СОВЕТСКОГО ДИПЛОМАТА
И СУДЬБА ПОТОМКОВ.....38

ЕВРЕИ ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЫ В ТРАДИЦИОННЫХ ОБЩЕСТВАХ

Д. Д. Чочишвили (Гори, Грузия)
РОЛЬ ЕВРЕЕВ В ХРИСТИАНИЗАЦИИ КАРТЛИ.....46

Х. Демироглу (Эдирне, Турция)
ЕВРЕЙСКИЕ ТУРКИ ХАЗАРСКОГО НАСЛЕДИЯ: КАРАИМЫ.....51

С. П. Стренковский (Минск, Республика Беларусь)
САМОУПРАВЛЕНИЕ ЕВРЕЕВ БЕЛАРУСИ В XVI–XVIII вв. 57

Д. З. Фельдман (Москва, Российская Федерация)
О РОЛИ ЕВРЕЙСКОГО КУПЕЧЕСТВА ВЕЛИКОГО КНЯЖЕСТВА
ЛИТОВСКОГО В ТОРГОВЛЕ С РОССИЕЙ
в 1670-е гг. (по материалам РГАДА) 61

ИСТОРИЯ ЕВРЕЙСКИХ ОБЩИН В РОССИИ

Н. С. Чернышёва (С.-Петербург, Российская Федерация) МЕСТЕЧКИ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX– НАЧАЛЕ XX в.: КОЛИЧЕСТВО, ГЕОГРАФИЧЕСКОЕ РАСПРЕДЕЛЕНИЕ, ОСОБЕННОСТИ СТАТУСА.....	68
А. Р. Царикаева (с. Брут, Республика Северная Осетия – Алания, Российская Федерация) ПОВСЕДНЕВНАЯ ЖИЗНЬ ЕВРЕЙСКОГО НАСЕЛЕНИЯ В СОЦИОКУЛЬТУРНОМ ПРОСТРАНСТВЕ г. ВЛАДИКАВКАЗА.....	73
А. В. Бородкин (Ярославль, Российская Федерация) К ВОПРОСУ О ФОРМИРОВАНИИ ЕВРЕЙСКИХ ОБЩИН В ВЕРХНЕМ ПОВОЛЖЬЕ (по материалам Ярославской губернии).....	78
Л. П. Захарова (Тула, Российская Федерация) ЕВРЕИ ВО ВНУТРЕННИХ ГУБЕРНИЯХ НА РУБЕЖЕ XIX–XX вв.: ОПЫТ АДАПТАЦИИ (на примере Тульской губернии).....	82
Д. С. Федотьев (С.-Петербург, Российская Федерация) ЕВРЕЙСКОЕ КУПЕЧЕСТВО ПЕТЕРБУРГА ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX в.	86
Е. С. Норкина (С.-Петербург, Российская Федерация) ВЛАСТЬ И ЕВРЕИ НА ТЕРРИТОРИИ ШОСТЕНСКОГО ПОРОХОВОГО ЗАВОДА (ЧЕРНИГОВСКОЙ ГУБЕРНИИ) в 1860-е–1880-е гг.....	90
А. Т. Царикаев (Владикавказ, Российская Федерация) ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ЕВРЕЕВ ВЛАДИКАВКАЗА в 1920-е гг.	94
Н. С. Васькив (Каменец-Подольский, Украина) ОТОБРАЖЕНИЕ ОСВОЕНИЯ БИРОБИДЖАНА В УКРАИНСКОМ ПУТЕВОМ ОЧЕРКЕ 1930-х гг.....	97
ЕВРЕИ И ГОСУДАРСТВО	
О. А. Любезников (С.-Петербург, Российская Федерация) УЧАСТИЕ Н. Н. НОВОСИЛЬЦОВА В РЕШЕНИИ ЕВРЕЙСКОГО ВОПРОСА В ЦАРСТВЕ ПОЛЬСКОМ И ЗАПАДНЫХ ГУБЕРНИЯХ РОССИИ в 1810-е–1820-е гг.	103

И. Э. Сивопляс (Ульяновск, Российская Федерация) СИБИРСКИЙ ПОЖАР 1864 г.: ПОИСКИ «ЕВРЕЙСКОГО СЛЕДА» В МАТЕРИАЛАХ СЛЕДСТВИЯ.....	107
А. Н. Пилипенко (С.-Петербург, Российская Федерация) ЕВРЕИ НА СЛУЖБЕ В РОССИЙСКОМ ВОЕННО-МОРСКОМ ФЛОТЕ в XIX в.....	111
В. Л. Амчиславский (С.-Петербург, Российская Федерация) К ИСТОРИИ ЕВРЕЙСКОЙ СОЛДАТСКОЙ ОБЩИНЫ САНКТ-ПЕТЕРБУРГА. «ДВОЙНАЯ ЖИЗНЬ» ОТСТАВНОГО УНТЕР-ОФИЦЕРА ГАВРИИЛА НИКОЛАЕВИЧА НИКОЛАЕВА (ХАНО АЙЗИКОВИЧА БУРШТЕЙНА): 1870-е–1880-е гг.....	121
Т. С. Лызлова (Смоленск, Российская Федерация) ЕВРЕЙСКИЕ ОРГАНИЗАЦИИ СМОЛЕНСКА В НАЧАЛЕ XX в.	126
Д. С. Лавринович (Могилев, Республика Беларусь) ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ «СОЮЗА ДЛЯ ДОСТИЖЕНИЯ ПОЛНОПРАВИА ЕВРЕЙСКОГО НАРОДА В РОССИИ» В СЕВЕРО-ЗАПАДНОМ КРАЕ (1905–1907 гг.).....	130
Е. А. Павлеева (Прага, Чехия) «ЕВРЕЙСКИЙ ВОПРОС» В НАЦИОНАЛЬНОЙ ПОЛИТИКЕ ПРАВИТЕЛЬСТВА в 1905–1907 гг.....	134
М. А. Златина (С.-Петербург, Российская Федерация) НАЧАЛЬНЫЙ ЭТАП ПРОЦЕССА ВЫСЕЛЕНИЯ ЕВРЕЕВ ИЗ ПРИФРОНТОВОЙ ЗОНЫ ЗАПАДНЫХ ГУБЕРНИЙ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ В ПЕРИОД ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ (конец июля–сентябрь 1914 г.).....	141
А. Б. Николаев (С.-Петербург, Российская Федерация) К ВОПРОСУ О БОРЬБЕ С АНТИСЕМИТИЗМОМ В ПЕТРОГРАДЕ (март–июль 1917 г.).....	145
В. В. Борисов (С.-Петербург, Российская Федерация) РОССИЙСКИЕ ЕВРЕИ В ПЕРИОД ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ (1918–1920 гг.).....	157
С. В. Струнец (Брест, Республика Беларусь) ЕВРЕИ В ОРГАНАХ СОВЕТСКОЙ ВЛАСТИ В ЗАПАДНОЙ БЕЛАРУСИ (1939–1941 гг.).....	164

ЕВРЕИ В НАУКЕ, КУЛЬТУРЕ И ОБРАЗОВАНИИ

Д. А. Эльяшевич (С.-Петербург, Российская Федерация) КНИГОИЗДАНИЕ НА ЯЗЫКАХ ИВРИТ И ИДИШ В РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ. ПРОБЛЕМЫ ИСТОРИОГРАФИИ.....	170
Е. Г. Певзнер (С.-Петербург, Российская Федерация) ШКОЛЬНОЕ ДЕЛО У ЕВРЕЕВ И ПРОБЛЕМЫ ИНОРОДЧЕСКИХ ШКОЛ В РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ В НАЧАЛЕ XX в.	179
И. В. Земцова (С.-Петербург, Российская Федерация) ФИНАНСОВОЕ ПОЛОЖЕНИЕ СТУДЕНТОВ-ЕВРЕЕВ В ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМИИ ХУДОЖЕСТВ.....	183
Е. А. Загорulyко (С.-Петербург, Российская Федерация) ПРАВОВОЕ ПОЛОЖЕНИЕ УЧАЩИХСЯ ИУДЕЙСКОГО ВЕРОИСПОВЕДАНИЯ В ВУЗАХ САНКТ-ПЕТЕРБУРГА в 1907–1914 гг.	187
В. В. Левченко (Одесса, Украина) ЕВРЕЙСКИЕ УЧЕНЫЕ-ИСТОРИКИ В НАУЧНОЙ ЖИЗНИ ОДЕССЫ В ПЕРВОЙ ТРЕТИ XX в.	192
И. А. Лапина (С.-Петербург, Российская Федерация) ЕВРЕЙСКИЕ ЖЕНЩИНЫ В СОВЕТСКОЙ ПЕДАГОГИКЕ. 1917–1930-е гг.	196
Т. М. Смирнова (С.-Петербург, Российская Федерация) ЛЕНИНГРАДСКИЙ ЕВРЕЙСКИЙ ВОКАЛЬНЫЙ АНСАМБЛЬ (по материалам ЦГАЛИ СПб).....	200
СПИСОК ОСНОВНЫХ СОКРАЩЕНИЙ	205
КОРОТКО ОБ АВТОРАХ.....	206

ПРЕДИСЛОВИЕ

Петербургский институт иудаики возобновляет традицию проведения конференций по истории и культуре евреев Восточной Европы.

Петербургский институт иудаики — старейший центр изучения восточноевропейского еврейства и старейшее высшее учебное заведение этого профиля не только в Санкт-Петербурге, но и в России — всегда активно поддерживал научные исследования в области языка, истории, культуры, этнологии и других дисциплин, традиционно включаемых в понятие «иудаика».

Конференция посвящена памяти Михаила Гиршевича Штейна (1933–2009) — историка, генеалoga, преподавателя, последние годы творческой деятельности которого были связаны с Петербургским институтом иудаики. Всю свою жизнь М. Г. Штейн шел «против течения», занимаясь генеалогией Владимира Ильича Ульянова (Ленина). В советское время искать и обнаруживать среди предков вождя евреев, калмыков, немцев, шведов было опасно. Времена изменились, генеалогия Ленина перестала быть темой государственной важности и, утратив политическое звучание, превратилась в локальное, рядовое генеалогическое исследование, мало интересное широкой общественности. Но Михаил Гиршевич упорно шел своим путем, не признавая в науке колебаний конъюнктуры. Генеалогия Ленина стала темой докторской диссертации М. Г. Штейна, успешно защищенной им незадолго до смерти. Упорство, целеустремленность, мужество ученого, «жестокость» М. Г. Штейна может стать достойным примером для молодых людей, ступающих на непростой путь науки.

В настоящий сборник включено 35 статей, соответствующих заявленным на конференцию докладам. Они посвящены истории и культуре евреев Восточной Европы, точнее, бывшей Российской Империи — от Польши на западе до Биробиджана на Востоке. География стран, из которых прибыли участники, еще шире — она включает и Чехию, и Турцию, и Грузию, и, конечно, Украину, Белоруссию, Россию. Подобная широта свидетельствует о большом интересе к тематике конференции, обусловленном некоторым дефицитом в организации научных дискуссий по иудаике.

Будучи высшим учебным заведением, ПИИ в своей деятельности отдает приоритет воспитанию молодого поколения ученых. Вследствие этого в сборнике представлены как статьи маститых ученых, так и работы аспирантов и даже студентов — тех, кто только начинает свою научную деятельность.

Л. А. Наливкин

(С.-Петербург, Российская Федерация)

ОН БЫЛ МОИМ КУМИРОМ

Михаил Григорьевич Штейн. Судьба подарила мне знакомство и более чем одиннадцатилетнее общение с этим замечательным человеком.

Прошло уже без малого три года, как его не стало, а мне до сих пор иногда кажется, что телефонный звонок, раздающийся в восемь вечера, — это от него. Звонки были едва ли не ежедневными. Мы обменивались новостями — в мире, стране, нашем городе. Потом я зачитывал ему телевизионную программу, и он выбирал, что сейчас и завтра можно послушать. Да-да, это не оговорка: года за два до смерти — и, замечу, еще примерно за полгода до защиты 13 февраля 2008 г. докторской диссертации — он практически ослеп. Кто знает, насколько бы продлилась его жизнь в ожидании эффекта от проведенной глазной операции, если бы не второй инфаркт. Но это была не жизнь.

Приведшая к слепоте глаукома стала последним цветочком в букете его болезней. Но цветок этот был для М. Г. Штейна — ежедневно по несколько часов проводившего в Публичке и посещавшего ее без предъявления пропуска — роковым.

Первое знакомство мое с Михаилом Григорьевичем состоялось заочно. Предварим это воспоминание заключительной фразой автореферата его докторской диссертации «Дворянские роды Ульяновых и Лениных в истории России»: «Возможность объективного освещения вышеуказанных [в диссертации — *Л. Н.*] вопросов появилась только с конца 1980-х — начала 1990-х гг.». Именно тогда — точнее, как раз в конце 1980-х (на исходе «перестройки») — в одном из подземных переходов столицы еще не развалившегося Советского Союза мною всего за рубль была приобретена блекло отскропированная генеалогическая таблица семьи Ульяновых, автором которой был некий Штейн. Характерно,

что продавцом товар представлялся как неопровержимый компромат на «не совсем русское» происхождение нашего вождя.

В то время мои интересы — в том числе научные — были относительно далеки от родословной Владимира Ильича. К тому же совсем незадолго до этой покупки — в первой половине 1980-х гг. — я и вовсе запутался: сотрудником Ленинского мемориала в Ульяновске (бывшем Симбирске, родине Ильича), правда, в местной газете, была опубликована статья, где четко указывалось, что Володя Ульянов родом из малороссов. (Думается, тогдашние официальные биографы Ульянова-Ленина должны были воодушевиться таким неожиданно всплывшим хитросплетением в его родословной).

С 5 ноября 1992 года я стал работать в Санкт-Петербургском историко-мемориальном музее «Смольный» (бывшем филиале Центрального музея В. И. Ленина). Будучи (во второй половине 1990-х годов) переведенным на работу в один из его филиалов — музей-квартиру Елизаровых, — я предложил учредить цикл научно-практических конференций и приуроченных к ним выставок под общим названием «Судьбы русской интеллигенции». Автоматически вырисовывалась ближайшая сюжетная перспектива этих мероприятий: решено было каждое посвятить одному из представителей семейства Ульяновых-Елизаровых, проживавших в этой квартире в период с сентября 1915 года по сентябрь 1917 года. Таковых было семь человек: Марк Тимофеевич Елизаров, его жена — Анна Ильинична Ульянова-Елизарова (старшая сестра В. И. Ленина), их приемный сын — Георгий Лозгачев-Елизаров, мать Ульяновых — Мария Александровна Ульянова (до смерти в 1916 г.), Мария Ильинична Ульянова — младшая сестра В. И. Ленина; а с 4 (17) апреля по 5 (18) июля 1917 г. здесь жили, возвратившись из эмиграции, Владимир Ильич Ленин и его жена — Надежда Константиновна Крупская.

Вскоре я узнал, что М. Г. Штейн — мой земляк. Уточнив имя, отчество и его домашний телефон, я пригласил его выступить на нашей научно-практической конференции (точно не помню — первой или второй). Был получен положительный ответ. Михаил Григорьевич лишь обратил внимание на то, что он хотя и кандидат наук, но экономических. (Позже мне стала известна тема защищенной им в 1972 году диссертации. Приведу ее в сокращении: «Проблемы ценообразования в машиностроении в связи с техническим прогрессом...»). Но при этом он подчеркнул, что изучение генеалогии рода Ульяновых, которой он стал заниматься еще с 1960-х гг., превратила его хоб-

би в профессию: Михаил Григорьевич был в 1990-е годы учителем истории средней школы.

М. Г. Штейн рассказал собравшимся о наиболее видных представителях родословной В. И. Ульянова-Ленина. Выступление длилось около часа (никакими «шпаргалками» он не пользовался), но все слушали его с затаенным дыханием, изумляясь его поистине феноменальной памятью. Рассыпаясь веером, возникали десятки имен связанных с Ульяновыми родов — Беренсов, Гроссшопфов, Чайковских, Эстедтов, Витте и других. Стало прозрачным происхождение семьи Ульяновых. Была раскрыта тайна псевдонима «Ленин».

Михаил Григорьевич тогда подчеркивал, что имена предков Владимира Ильича Ленина к тому моменту были установлены им в основном по материнской линии, но в планах — дальнейшее исследование генеалогического древа по линии отцовской. Однако, прежде всего он хотел закрыть «белые пятна» в биографиях членов семьи Ульяновых. Целеустремленность и планомерность были характерными чертами его научного творчества. Так, если сравнить второе издание его монографии «Ульяновы и Ленины. Семейные тайны» (СПб.: ИД «Нева», 2004) с первым — «Ульяновы и Ленины. Тайны родословной и псевдонима» (СПб.: Вирд, 1997), во втором видны существенные дополнения к главам VIII и IX. В восьмую главу включены новые параграфы — о судьбах Ильи Николаевича Ульянова, Александра и Анны Ульяновых, в девятую главу — параграф о загадочной смерти Надежды Константиновны. Прервал продолжение генеалогического исследования по отцовской линии его уход из жизни.

Наши контакты (в плане его других выступлений в музее-квартире Елизаровых) продолжались до 2006 года, когда летом я перешел (по ряду причин) работать в Музей обороны и блокады Ленинграда. И вот, позвонив Михаилу Григорьевичу и сообщив ему об этом, я обронил фразу о том, что, видимо, наше общение станет реже, на что услышал: «Почему? Я ведь блокадный ребенок. Мне есть что вспомнить».

Обрадованный этим, я пригласил его выступить на научно-практической конференции «Битва за жизнь», посвященной 65-летию начала блокады Ленинграда. Она состоялась 7 сентября 2006 года — накануне годовщины этого печально-памятного события. Воспользовавшись правом организатора конференции, я включил выступление М. Г. Штейна в конец программы. И не прогадал. Его воспоминания, органично сочетаясь со знанием современной историографии битвы за Ленинград и блокады, были не только скрупулезно точными, но и сугубо личностными. Позже вышел сборник материалов этой конферен-

ции, который его воспоминания также завершали. А 28 мая 2008 года, вскоре после защиты докторской, Михаил Григорьевич выступал в нашем музее на «круглом столе» «Израненное детство» — уже с другими блокадными воспоминаниями. Это было его последнее публичное выступление.

Размер статьи не позволяет подробно рассказать о двух перипетиях, связанных с защитой М. Г. Штейном чести и достоинства семьи Ульяновых (в монографии 2004 г. они легли в основу новой главы).

Первый раз это было, когда московский доктор исторических наук — А. А. Арутюнов выпустил в 1990-е–2000-е гг. три книги и целый ряд статей на ленинскую тематику — нелицеприятного характера, ссылаясь, в частности, на архивные документы. Легко удалось вывести его «на чистую воду», т. к. записей его в листах использования соответствующих дел не было обнаружено, по крайней мере — в петербургских архивах.

Второй раз Михаил Григорьевич судился с дайджестом «24 часа», который воспроизвел интервью с «историком» А. П. Кутеневым в одной из петербургских газет. Он тоже оскорблял честь и достоинство семьи Ульяновых. Процесс был затянут (и не на один месяц), зато имя этого господина на страницах наших газет больше не появлялось.

К слову, когда мы первый раз возвращались из зала районного суда по улице Восстания и повернули на Саперный переулок, где жил Михаил Григорьевич, он как бы между делом рассказывал об истории буквально каждого дома, мимо которого мы проходили. Иначе говоря, он проявил себя как великолепный знаток нашего города.

Михаил Григорьевич Штейн. Петербуржец. Ученый. Педагог. Таким он навсегда останется в моей памяти.

ЕВРЕЙСКАЯ ГЕНЕАЛОГИЯ И БИОГРАФИКА

А. И. Хаеш

(С.-Петербург, Российская Федерация)

ГЕНЕАЛОГИЧЕСКИЕ СВЕДЕНИЯ О ПЕТЕРБУРГСКИХ ЕВРЕЯХ В МАТЕРИАЛАХ ДЕПАРТАМЕНТА ОБЩИХ ДЕЛ МВД

Цель статьи — познакомить специалистов с хранящимся в Российском государственном историческом архиве в фонде 1284 «Департамент общих дел МВД», опись 224, корпусом из 14 дел¹, актуальность которых ясна из их названия «О разрешении евреям жительства в С.-Петербурге при родителях, детях, родственниках и опекунах». Дела охватывают период 1906–1913 годов и содержат более 4,3 тыс. документов, которые, судя по листам регистрации выдачи дел, совершенно не известны исследователям.

Каждое архивное дело состоит из прошений, документов, прилагаемых к прошению, и материалов его рассмотрения. Прощения расположены в деле в порядке дат их поступления в Департамент. Материалы, относящиеся к каждому прошению — непосредственно за ним, что удобно при просмотре дел.

Рассмотрим прошения и прилагаемые к ним документы с генеалогической точки зрения. Каждое прошение содержит сведения о фамилии, имени, отчестве, образовании, сословии, месте приписки, адресе просителя или просителей, если их несколько. Те же сведения, дополненные указанием родства и возраста, состава семьи, приводятся обо всех, за кого ходатайствуют. Поисковую значимость этой информации объяснять излишне.

Просителями в описываемых делах выступают, как правило, евреи, проживающие в Петербурге на законных основаниях, то есть лица с высшим образованием, купцы 1 гильдии, еврей-медики (аптекарьские помощники, дантисты, акушерки), еврей-ремесленники, николаевские солдаты или их дети. Немногие просители — из черты оседлости, или только что приехавшие в столицу. Еще реже просители — христиане (в т. ч. крещенные евреи), связанные с евреями браком или по службе.

Примеры просителей-петербуржцев:

Окончившая Петербургскую Консерваторию с дипломом свободного художника дочь раввина Елизавета Михайловна Эльцина²;

Окончивший курс наук в Петербургском университете присяжный поверенный Гершон Ионович Антокольский³;
Зубной врач Дора Иосифовна Нарусова⁴;
Аптекарьский помощник Тобиан Файвушович Тынянов⁵.

Пример просителя из черты оседлости:

Мещанка г. Люцина Витебской губернии Голда Мовшевна Кочман, жительствующая в г. Режице⁶.

Большинство прошений петербуржцев — о поселении при них овдовевших матерей, реже своих вдовствующих отцов, или много реже жены, иногда обоих стариков-родителей.

Так упомянутая Елизавета Эльцина пишет:

«...отец мой раввин Михаил Осипович Эльцин умер 3 ноября 1906 года. Мать Анна Ильинишна Эльцина, 63 лет, осталась совершенно одна в чужом городе...»⁷.

Есть прошения петербуржцев-родителей о поселении при них овдовевших или разведенных дочерей, потерявших при замужестве право жительства, прошения о том же братьев. Старшие братья, закрепившиеся в Петербурге, просят о младших братьях и сестрах, опекуны — об опекаемых, воспитатели — о малолетних воспитанниках.

Подробная мотивировка прошений бесценна для биографов семьи, например:

Художник Исаак Израилевич Бродский просит в 1913 году:

«Имею несовершеннолетнюю сестру Раису, с детства лишившуюся кормильца отца, учившуюся на мои средства до сего года в Петербургской Консерватории и вынужденную оставить ее из-за серьезной болезни рук. Я как старший и единственно устроившийся брат ее, желал бы дать ей возможность продолжить образование и научиться какой-нибудь иной специальности, чем ставшая для нее недоступной музыка. Но, не располагая, с одной стороны, средствами, для того чтобы содержать и учить ее в ином городе, чем Петербург, где я имею постоянное местожительство, а с другой стороны, сталкиваясь с таким обстоятельством, что сестра моя Раиса, как и я, иудейского исповедания, и потому не располагает правом жительства в черте столицы, имею честь покорнейше просить Ваше Превосходительство разрешить сестре моей Раисе Бродской, дочери купца 2-й гильдии гор. Ногайска Таврической губ., проживать при мне...»⁸.

Просители часто подтверждают факты документально. О рождении и смерти прилагают копии метрических актов. Не все их подлинники сохранились в фондах раввинатов, а иногда там и не существовали. Например: за неимением в местечке Краснополье Чериковского уезда обще-

ственного раввина справку о смерти там 18 октября 1892 года дантиста Иегуды-Лейба Давидова Раева выдал Краснопольский мещанский староста⁹. Удостоверение о рождении Песи-Бейли Янкелевны Симкиной в Горках в январе 1897 года вообще не было зарегистрировано в метрической книге и выдано по свидетельским показаниям¹⁰.

О состоянии здоровья стариков, а именно о них большинство прошений, прилагаются подробные свидетельства врачей, особо значимые для генеалогов, интересующихся наследственными болезнями. Среди приложений также удостоверения с места работы и учебы, копии паспортов, свидетельства о благонадежности. Особую ценность представляют посемейные списки, документ почти не встречающийся в семейных архивах и редкий в архивах государственных. По структуре он аналогичен ревизской сказке, но относится к концу XIX–началу XX века, когда сказки уже не составлялись. Список определяет родословие семьи на два-три поколения. В исследованных делах нами обнаружено 45 посемейных списков, к ним мной составлен именной указатель, который прилагается.

Некоторые просители обосновывают свои просьбы ссылками на законы и решения Сената. Эти ссылки важны с точки зрения изучения тогдашней судебной практики. Заключение градоначальника по юридически подкрепленным просьбам особенно симптоматичны. Вот оригинальный пример:

Самсон Бродский, проживающий в С.-Петербурге, ссылаясь на определение Правительствующего Сената от 26 мая 1900 г. за № 76, о разрешении инженерам-технологам из евреев содержать евреев домашних слуг, просил разрешить ему нанять служителем Гедеона Давидовича Шполянского. Ходатайство Бродского было отклонено со ссылкой на то же определение Сената по делу Якова Ландау, которым право иметь слугу из евреев признано за инженерами-технологами из евреев, окончившими курс в Петербургском технологическом институте, тогда как Бродский получил звание инженера-технолога в Рижском политехническом институте.

Наконец, изредка прошениям в делах предпосланы или к ним приложены личные письма на имя директора департамента от видных персон или его хороших знакомых, оказывающих просителям протекцию.

Разобравшись с составом и содержанием прошений, перейдем к ознакомлению с процедурой их рассмотрения. Она была однотипна и хорошо отлажена. Полученное прошение немедленно направлялось Петербургскому градоначальнику с просьбой «сообщить, с возвращением прошения, надлежащие сведения и Ваше заключение по сему прошению».

Ответы Петербургского градоначальника поступали через месяц, два и более. Генеалогически они очень информативны: сведения о просителе — возраст, семейное положение, профессия, материальное положение, благонадежность, с какого времени в Петербурге, также часто сведения о лице, о котором ходатайствуют, и его родне. Большинство заключений градоначальника по прошениям — негативные.

О неблагонадежных лицах ответы градоначальника особенно подробны. Так, живущая в Петербурге Фанни Ландау, 72 лет, нуждаясь в уходе за нею дочери Менухи, просила в 1906 году разрешить Менухе жить в Петербурге. Из ответа градоначальника:

«Менуха Ландау, Полтавская мещанка, 39 лет от роду, иудейской веры. По сообщению СПб. Охранного Отделения, Менуха Ландау в 1890 г. привлекалась в качестве обвиняемой к дознанию при СПб. Губернском Жандармском Управлении, постановлением которого ... была отдана под особый надзор полиции. В разрешение сего дознания по Высочайшему повелению от 22 Января 1892 года Ландау было вменено в наказание предварительное содержание под стражей. Затем, по распоряжению Департамента полиции ... Менуха Ландау была подчинена негласному надзору полиции. Названная еврейка училась за границею на высших женских курсах и предполагает держать экзамен на звание женщины врача. ... удовлетворение настоящего ходатайства представляется нежелательным»¹¹.

Если сведения из прошения были неочевидны или неполны, Департамент общих дел запрашивал того губернатора, где жило или было приписано лицо, о котором ходатайствуют.

Ответы губернаторов также генеалогически очень информативны. В них о запрашиваемом лице сообщается: возраст, профессия, состав семьи, с какого времени и где проживает, материальное положение, благонадежность. Мнение за или против прошения здесь отсутствует.

Например, Виленский губернатор сообщает: «...Сморгонская Ошмянского уезда мещанка Ривка Шмуилова Анцелиович, 60 лет, иудейского вероисповедания, постоянно проживала в местечке Креве Ошмянского уезда, после же смерти мужа, три месяца тому назад, уехала в город Режицу Витебской губернии, где живет при своей замужней дочери Гите. Сыновья ее Самуил и Абрам живут в СПб. Анцелиович имеет в местечке Креве малоценный дом»¹².

В ответах градоначальника и губернаторов встречаются сведения и о близких родственниках, проживающих за границей.

По прошению провизора Геселя Берковича Фрейнка Ковенский губернатор сообщает, что мать просителя «Шейна Мееровна Фрейнк —

вдова, имущества никакого не имеет, семейство Фрейнк состоит из пяти сыновей и двух дочерей, из коих два сына и одна дочь проживают в СПб., остальные в Америке»¹³.

В Департаменте общих дел на основе собранных материалов готовили проект решения, которое директор Департамента представлял на подпись товарищу министра. Хотя Петербургский градоначальник в подавляющем большинстве случаев высказывался за отказ просителю, Департамент занимал значительно более мягкую позицию. Положительное решение направлялось просителю и градоначальнику. Отрицательное — только просителю.

Сказанного достаточно, чтобы понять значимость названных дел и привлечь к ним внимание генеалогов.

¹ РГИА. Ф. 1284. Оп. 224. Д. 105 — 1906 г.; Д. 163 — 1907 г.; Д. 238, 239 — 1908 г.; Д. 315, 316 — 1909 г.; Д. 383, 384 — 1910 г.; Д. 510, 511 — 1911 г.; Д. 580, 581 — 1912 г.; Д. 700, 701 — 1913 г.

² РГИА. Ф. 1284. Оп. 224. Д. 105. Л. 405.

³ Там же. Д. 239. Л. 145.

⁴ Там же. Д. 239. Л. 107.

⁵ Там же. Д. 163. Л. 276.

⁶ Там же. Д. 163. Л. 1.

⁷ Там же. Д. 105. Л. 405.

⁸ Там же. Д. 701. Л. 184–185.

⁹ Там же. Д. 105. Л. 225.

¹⁰ Там же. Д. 700. Л. 85.

¹¹ Там же. Д. 105. Л. 166.

¹² Там же. Д. 383. Л. 278.

¹³ Там же. Д. 238. Л. 49.

Приложение

АРХИВНЫЕ РЕКВИЗИТЫ ПОСЕМЕЙНЫХ СПИСКОВ

Фонд 1284. Описание 224

Фамилия, имя, отчество, место приписки	Год составления списка	Дело	Листы
Айзенштейн Вульф Гершкович, полтавский мещанин	1895	315	10–11
Александр Мовша Абрамов, шкловский мещанин	1875	581	75–76
Альтшулер Абрам Меерович, мещанин Вильямпольского общества	1898	315	128–129
Аронов Гамшей Ицков, оршанский мещанин Смольянского общества	1908	581	33–34

Фамилия, имя, отчество, место приписки	Год составления списка	Дело	Листы
Берловиц Хая-Тельза, виленская мещанка	1909	315	155–156
Бломберг Бер Янкелев, либавский мещанин	1906	700	35–36
Вейнберг Лейзер Бенъямин, рижский мещанин	1910	510	8–9
Волковьский Леонтий Самуйлов, горецкий мещанин	1897	383	271–172
Волошин Абрама Гамшеевич, одесский мещанин	1895	316	117–118
Гиндин Арон Абрамов, полоцкий мещанин	1874	510	13–14
Гинзбург Хаим Абрамов, минский мещанин	1904	580	235–236
Глокман Иосель Пинхусович, дусятский мещанин	1876	383	2–3
Гордин Лейвик Сроелевич, двинский мещанин	1912	581	241–242
Гринблат Шама Абрамович, мещанин г. Винница	1891	510	140–141
Жилов Мовша Залманов, двинский мещанин	1875	315	56–57
Иофе Кадеш Зельманов, виленский мещанин	1912	580	157–158
Каплан Лейзер Михалевич, россиенский мещанин	1896	239	464–465
Клубок Евель Гилелев, новогрудский мещанин	1904	581	19–20
Кушак Исай Рафалов, люцинский мещанин	1874	700	106–107
Левит Иокель Иоселевич, житель г. Пенза	1912	580	84–85
Лившиц Мовша Шмуїлов, дисненский мещанин	1911	511	105–106
Малкин Янкель Лейба Айзиков, чаусский мещанин	1910	580	199–200
Мараховский Лейб Ицыко-Шлемович, мещанин Бериславского общества	1910	383	129–130
Матусовский Мошко-Сруль Иосев, мещанин г. Александрии Херсонской губернии	1874	701	20–21
Мунвез Берка Вульфов, минский мещанин	1894	383	167–168

Фамилия, имя, отчество, место приписки	Год составления списка	Дело	Листы
Неменов Мовша Нисонович, мещанин гор. Быхова	1897	316	70–71
Олькеницкий Пинхос Лейбович, мещанин Эйшишского общества	1904	238	127, 130
Пашковский Янкель Мовшев, витебский мещанин	1874	511	144–145
Познер Марк Михайлов, купец г. Грозный	1884	581	138–139
Пружан Беньямин Шебсель Ицкович, виленский мещанин	1899	510	78–79
Раева Нихама-Бейля Абрамовна, климовическая мещанка Петровического общества	1894	105	226–227
Райз Бруха Янкель-Давидовна, брестская мещанка	1878	239	2–3
Рапопорт Перец Борухов, речицкий мещанин	1904	511	57–58
Розенблат Юдка Шмуїлович, двинский мещанин	1891	315	170–171
Рыбак Абрам Лейбович, мещанин Друйского общества	1903	238	237–239
Рыдник Аба Нусимович севастопольский мещанин	1909	316	16–17
Симкин Янкель Генухов, горецкий мещанин	1910	700	87–88
Телятицкий Лейба Сендерович, мещанин м. Хомск	1899	384	22, 24
Франкфурт Меер Бендетович	1893	581	215–216
Фридлянд Ефроим Нахманов, мещанин Слуцкого общества	1904	383	89–90
Харитонов Абрам Гершович, керченский мещанин	1907	239	120–121
Цитрон Лейба Мошков, кишиневский мещанин	1910	581	49–50
Цыпин Пейсах Борухов, мирский мещанин	1904	510	87–88
Шницерова Лея Юдовна, мещанка Тихиничского общества	1899	383	72–73
Элиашберг Цалель Иоселев, двинский мещанин	1898	700	116–117

И. В. Сахаров

(С.-Петербург, Российская Федерация)

ИУДЕЙ В РЯДАХ РОССИЙСКОГО ДВОРЯНСТВА: АВРААМ ЯКОВЛЕВИЧ ГАРКАВИ (1835–1919) — ВЫДАЮЩИЙСЯ СЕМИТОЛОГ, СОТРУДНИК ИМПЕРАТОРСКОЙ ПУБЛИЧНОЙ БИБЛИОТЕКИ

Этно-конфессиональный состав потомственного дворянства Российской Империи в целом был весьма разнородным, что было связано с разнородностью этнического и религиозного состава населения страны. Вместе с тем, по разным причинам, представительство отдельных этноязыковых и конфессиональных групп в составе этого привилегированного сословия России в абсолютном и относительном выражении далеко не соответствовало ни численности тех или иных групп, ни их доле во всем населении страны. Так, по разным причинам, в составе российского дворянства было сравнительно много грузин и поляков и сравнительно мало армян, латышей, литовцев, представителей коренных народов Северного Кавказа и Средней Азии (по отношению к их общей численности).

Особенно обращает на себя внимание тот факт, что, несмотря на значительную численность и достаточно заметную долю во всем населении империи, в составе высшего сословия страны почти не было евреев. Это отражало как особенности социального состава еврейского населения, так и, прежде всего, характер российской государственной политики, в целом направленной на всяческую дискриминацию евреев (в частности, почти полная невозможность поступления на государственную службу). Впрочем, эти ограничения касались только тех, кто исповедовал иудаизм (исключение, и то не во всех случаях, составляли караимы); стоило же еврею отречься от веры своих предков и перейти в христианство, как дискриминационные ограничения отпадали. Соответственно, можно привести ряд примеров того, как крещеные евреи и их потомки возводились в дворянское достоинство как польскими королями (до присоединения Польши к России), так и российскими императорами, и некоторые из них впоследствии делали блестящую карьеру.

Однако сравнительно мало известно о том, что некоторым евреям, сохранившим иудейское вероисповедание, благодаря их одаренности, энергичности, зажиточности и, наконец, удачливости, удавалось не только

преодолеть различные ограничения, наложенные на их единоверцев, но и получить за выдающиеся заслуги, оказанные ими на гражданской или военной службе или на ниве благотворительности, законное право на возведение в потомственное дворянское достоинство. Изучение архивов Сената, Государственного Совета, Министерства юстиции и Министерства внутренних дел позволило выявить немало подобных конкретных случаев и, вместе с тем, показать, как претворение в жизнь заслуженного законного права на приобретение дворянства наталкивалось на антисемитскую позицию большинства региональных дворянских корпораций и некоторых высокопоставленных бюрократов в Санкт-Петербурге, что имело своим следствием учреждение общей для империи дворянской родословной книги, находившейся в непосредственном ведении Герольдмейстера Департамента Герольдии Правительствующего Сената¹.

* * *

Одним из примеров еврея-иудея, удостоенного возведения в потомственное дворянское достоинство Российской Империи, может служить Авраам Яковлевич Гаркави, выдающийся семитолог, библиотекарь Императорской Публичной библиотеки, видный деятель еврейской общины Санкт-Петербурга².

А. Я. Гаркави родился в семье, укоренившейся в городе Новогрудок Минской губернии, выдвинувшей ряд благочестивых и высокообразованных деятелей и занимавшей в еврейской общине этого города заметное место. Отец А. Я. Гаркави Яков, сын Элияху, высокоученый и почитаемый новогрудский раввин, в конце жизни переселился на постоянное жительство в Иерусалим, где основал и возглавил ешивот (высшую религиозную школу) и где и скончался в 1893 г. По родовому преданию, признаваемому еврейскими учеными, Гаркави возводили свою генеалогию к известному ученому Раши, считавшемуся потомком царя Давида³.

В формулярном списке о службе А. Я. Гаркави, составленном в 1916 г., указано, что он родился 15 ноября 1839 г.; однако здесь же сделана рукописная приписка «сам утверждает: 1835 года»⁴, и в различных справочных изданиях, в которых он упоминается, в качестве года рождения фигурирует именно 1835.

В личном деле студента Императорского С.-Петербургского университета А. Я. Гаркави⁵, изученным А. И. Хашем⁶, отложился следующий документ: «По окончании в 1863 г. на казенном содержании курса Виленского Раввинского Училища по раввинскому отделению, состоящего из семи классов, соответствующих гимназическому курсу, и трех специальных классов, — в продолжении коего обучался еврейским предме-

там: Библии, Мишне, Гемаре, Своду и Перечню религиозных узаконений, Нравоучению и Основанию Еврейской Веры, Духовному красноречию, Еврейскому и халдейскому языкам, Истории Еврейского Народа; общим предметам: Русскому языку и Русской Словесности, Истории всеобщей и Российского государства, Географии, Математике, Физике и Немецкому языку и, как при отличном поведении оказал во всех приведенных предметах отличные успехи, удостоен 15 мая 1863 года ... звания раввина. Разрешением г. министра народного просвещения от 14 мая 1863 года за № 4618 дозволено ему, Гаркави, вступить в один из Императорских университетов, с тем, дабы по окончании университетского курса отслужил узаконенный срок за полученное им содержание в Виленском Раввинском Училище...»⁷. В том же деле сохранилось и свидетельство о том, что Гаркави «совершенно бедного состояния» и что он не имеет никакого источника ко внесению платы за обучение в университете. В октябре 1863 г. Гаркави стал студентом Восточного факультета С.-Петербургского университета по еврейско-арабскому отделению, причем он был освобожден от взноса платы за слушание лекций в 1863/1864 учебном году по бедности⁸.

Проследим служебную карьеру А. Я. Гаркави.

Согласно формулярному списку⁹, по окончании курса наук в университете с ученой степенью кандидата Высочайшим приказом по Министерству народного просвещения (далее МНП) Гаркави был командирован с ученою целью на два года за границу с 13 марта 1868 г. 20 октября 1868 г. удостоен ученой степени магистра истории Востока. На основании представленного и публично защищенного рассуждения под заглавием «О первоначальном обиталище семитов, индоевропейцев и хамитов» удостоен факультетом восточных языков Императорского С.-Петербургского университета ученой степени доктора истории Востока и 30 октября 1872 г. утвержден в этой степени Советом того же университета. Приказом министра народного просвещения за № 23 причислен к МНП с 23 декабря 1872 г. Правительствующим Сенатом по Департаменту герольдии утвержден в чине коллежского асессора со старшинством с 23 декабря 1872 г. Высочайшим приказом по МНП за № 7 командирован с ученою целью на пять месяцев за границу с 9 июня 1873 г.

По Высочайшему повелению, приказом Министра народного просвещения за № 3 определен, что делалось в редчайших случаях, сверхштатным библиотекарем Императорской Публичной библиотеки (далее ИПБ), с отчислением от МНП, с 9 января 1876 г., и с этого времени связал всю свою служебную карьеру и научную деятельность с этой би-

блиотекой (благодаря, в частности, тому, что в ней хранилась огромная коллекция еврейских рукописей, собранных А. С. Фирковичем). Предложением директора ИПБ от 20 января 1876 г. за № 61 поручено заведывание Отделением книг на еврейском языке. Указом Правительствующего Сената от 22 августа 1877 г. за № 111 произведен, за выслугу лет, в надворные советники со старшинством с 23 декабря 1876 г. С разрешения Министра народного просвещения с 20 июля по 20 сентября 1877 г. командирован на IV Археологический съезд в Казани. Предложением директора ИПБ от 1 ноября 1877 г. за № 947 назначен штатным библиотекарем с 1 ноября 1877 г. 26 декабря 1877 г. За отлично-усердную службу Всемилостивейше пожалован орденом Св. Станислава 3-й степени, для не христиан установленным. Указом Правительствующего Сената от 30 апреля 1881 г. за № 45 произведен, за выслугу лет, в коллежские советники со старшинством с 23 декабря 1880 г. За отлично-усердную службу 30 января 1881 г. Всемилостивейше пожалован орденом Св. Анны 3-й степени, для не христиан установленным. С 1 августа по 1 сентября 1884 г. командирован на VI Археологический съезд в Одессе. Государь Император, по всеподданнейшему докладу Министра народного просвещения, 27 сентября 1884 г., удостоив благосклонного принятия составленного им «Исследования о новооткрытых рукописях Ветхого Завета в пергаментных свитках, найденных на острове Родос», Всемилостивейше соизволил повелеть благодарить Гаркави за поднесение означенного исследования. 26 декабря 1884 г. за отлично-усердную службу и особые труды Всемилостивейше пожалован орденом Св. Станислава 2-й степени, для не христиан установленным. Указом Правительствующего Сената от 23 апреля 1885 г. за № 28 произведен, за выслугу лет, в статские советники, со старшинством с 23 декабря 1884 г. Высочайшим приказом по МНП от 15 апреля 1886 г. за № 4 командирован с 1 мая по 1 сентября 1886 г. с ученою целью на четыре месяца за границу, с выдачею в единовременное пособие четырехсот рублей из сборов, предназначенных на образование евреев. В 1887 г. избран в члены-корреспонденты Королевской Академии Истории в Мадриде и получил диплом на это звание. Испанский король по ходатайству этой Академии пожаловал Гаркави орден Изабеллы Католической (La Real orden de Isabella catolica), на принятие и ношение которого в 25 день апреля 1889 г. последовало Высочайшее соизволение. Согласно удостоению Комитета Министров, 28 декабря 1890 г. Гаркави Всемилостивейше пожалован орденом Св. Анны 2-й степени, для не христиан установленным. Директором ИПБ, согласно прошению¹⁰, оставлен на службе при Библиотеке, по выслуге 25-летнего срока по учебной части Ведомства МНП, еще на пять лет, с 18 апреля

1899 г. 18 апреля 1899 г., вследствие представления Директора Библиотеки, по выслуге 25-летнего срока службы, временно Управляющим МНП назначена пенсия в размере восьмисот рублей в год. 1 января 1900 г. Всемилостивейше награжден орденом Св. равноапостольного князя Владимира 4-й степени.

Определением Правительствующего Сената 20 декабря 1901 г. Гаркави, до того числившийся происходившим из новогородских мещан, был признан в потомственном дворянском достоинстве¹¹.

Дело о дворянстве А. Я. Гаркави¹² содержит ряд документов, отражающих бюрократическую сторону делопроизводства по признанию А. Я. Гаркави в потомственном дворянском достоинстве, право на которое он получил пожалованием ему ордена Св. Владимира 4-й степени. Среди этих документов — собственноручное прошение Гаркави в Правительствующий Сенат по Департаменту Герольдии об утверждении его в дворянском достоинстве (датировано 18 мая 1901 г.), подать которое доверено студенту С.-Петербургского университета Якову Ионовичу Гурляндю; формулярный список о службе (составлен 11 мая 1901 г.); копия текста определения Правительствующего Сената от 20 декабря 1901 г. о признании А. Я. Гаркави в потомственном дворянстве и о выдаче ему свидетельства на это достоинство; собственноручно подписанное прошение Гаркави, поданное в Правительствующий Сенат по Департаменту Герольдии 8 июня 1912 г. о признании в потомственном дворянстве его жены Цивии Гаркави и о внесении его с женой в общую для Российской Империи дворянскую родословную книгу; копия текста определения Правительствующего Сената от 2 мая 1913 г. о положительном решении ходатайства А. Я. Гаркави; копии с статьи содержимой Герольдмейстером общей для империи дворянской родословной книги за 1913 г. о записи А. Я. Гаркави и его жены в часть 3-ю указанной книги и соответствующего свидетельства, данного от Герольдмейстера Департамента Герольдии (датировано 25 июня 1913 г.).

По возведении в потомственное дворянское достоинство служба А. Я. Гаркави в ИПБ продолжалась¹³. Согласно приказам директора Библиотеки с 1905 по 1908 гг. он исполнял обязанности члена Хозяйственного Комитета ИПБ. Приказом директора ИПБ от 9 января 1906 г. за № 2, согласно прошению, оставлен на службе при Библиотеке, по выслуге 30-летнего срока собственно по учебной части МНП еще на пять лет, и тогда же Министром народного просвещения назначена первая прибавка к пенсии, а размере 160 рублей в год. Приказом директора ИПБ от 12 января 1911 г. за № 1, согласно прошению, оставлен на службе при Библиотеке, по выслуге 35-летнего срока собственно по учебной части МНП

еще на пять лет, и тогда же Министром народного просвещения назначена вторая прибавка к пенсии, в размере 160 рублей в год. На основании Высочайшего повеления, последовавшего в 21 день февраля 1913 г., предоставлено право ношения на груди Высочайше учрежденной, в память 300-летия царствования Дома Романовых, светло-бронзовой медали. Приказом директора ИПБ от 27 января 1916 г. за № 3, согласно прошению, оставлен на службе при Библиотеке, по выслуге 40-летнего срока собственно по учебной части МНП еще на пять лет.

Формулярные списки о службе А. Я. Гаркави содержат также нижеследующие сведения. Содержания получал в год в 1901 г.: жалованья 1000 руб., столовых 900 руб., квартирных 600 руб., пенсии 800 руб. (итого 3300 руб.)¹⁴; в 1916 г.: жалованья 1000 руб., столовых 900 руб., квартирных 600 руб., пенсии 1120 руб. (итого 3620 руб.)¹⁵. По данным на 1901 г., имел благоприобретенное имение: деревянный дом на Петербургской стороне по Большой Пушкинской улице под № 47, оцененный в Обществе Взаимного Страхования в 4100 руб.¹⁶ По данным на 1916 г., ни у него самого, ни у его жены ни родового, ни благоприобретенного имения якобы не было¹⁷, хотя он продолжал жить по тому же адресу, который указан выше¹⁸.

Указанные документы А. Я. Гаркави отражают лишь формальные стороны его научной карьеры и вообще не касаются его общественной деятельности.

Между тем, А. Я. Гаркави был выдающимся ученым-сеMITологом, редким знатоком истории и культуры еврейского народа, замечательным источниковедом едва ли не во всех областях иудаики. Его становлению как ученого способствовал тот поистине судьбоносный факт, что он стал сотрудником ИПБ. Цитируя его биографов, Л. А. Шилов подчеркивал, что на долю Гаркави выпало «редкое счастье ... стоять в течение нескольких десятилетий у самого почти неисчерпаемого кладеза материалов по истории еврейского народа и еврейской литературы — собраний еврейских и арабских рукописей Фирковича, хранящихся в ИПБ»¹⁹. Именно их изучение, пишет Л. А. Шилов, стало делом жизни Гаркави: он осуществлял разбор, каталогизацию, научное описание древнееврейских, халдейских, самаритянских, еврейско-арабских рукописей собраний Фирковича и иерусалимского архимандрита Антония и публиковал наиболее редкие и значительные из них. Круг его научных интересов был чрезвычайно широк: история Древнего Востока в целом, еврейские история, этнография и литература, история иудейских сект и ранних христианских общин Палестины, караимов и хазар, евреи в России, Польше и Литве, взаимоотношение евреев и славян. Итогом этих

занятий стало несколько сот публикаций: многочисленные статьи и заметки, помещенные в различных отечественных и зарубежных периодических изданиях, книги, каталоги... Нельзя не упомянуть, например, выпуск многотомной серии «*Studien und Mitteilungen aus der Keiserlichen Öffentlichen Bibliothek zu St.-Petersburg*», в которой помещены сочинения средневековых еврейских писателей из собрания ИПБ, с комментариями Гаркави. Он подготовил и издал несколько каталогов еврейских рукописей из собрания ИПБ. Под его редакцией был осуществлен перевод на русский язык ряда крупных трудов по истории евреев²⁰. Его научные заслуги получили широкое признание: он был членом целого ряда научных обществ, как российских, так и иностранных.

Наконец, Гаркави играл видную роль в жизни еврейской общины Санкт-Петербурга. Многие годы он состоял членом ее правления, исполнял обязанности старосты хоральной синагоги, ведал ее хозяйственными делами. Кроме того, он активно участвовал в деятельности Общества для распространения просвещения между евреями в России.

Формулярные списки дают представление о семейном положении А. Я. Гаркави.

Первым браком он был женат на Марии Борисовне Кленской. «Из представленного свидетельства, выданного С.-Петербургским Обществом Раввинов от 19 июня 1891 г. за № 745 видно, что Гаркави разведен согласно законам еврейской религии с его законною женою Марию Борисовною, урожденною Кленскою, двадцать третьего апреля 1874 г. Развод сей в метрической книге разведшихся из купцов за 1874 г. значится записанным под № 3»²¹. От первого брака у А. Я. Гаркави была дочь Теофилия, родившаяся 12 июня 1871 г.²² Т. А. Гаркави вышла замуж за Хаима Залмановича Кагана, прослушавшего полный курс по юридическому факультету С.-Петербургского университета, с которым, однако, уже в 1891 г. развелась²³. Дальнейшими сведениями о ней мы не располагаем.

2 ноября 1908 г. А. Я. Гаркави вступил в брак со вдовой С.-Петербургского 2-й гильдии купца Цивией Вульфовой Моносзон (родившейся 25 марта 1860 г.), вероисповедания иудейского, и того же числа согласно законам еврейской религии они были повенчаны; в метрической книге о бракосочетавшихся евреях из купцов за 1908 г. этот факт значится записанным под № 86²⁴.

Остается непонятным, почему обе указанные выше записи сделаны в метрической книге, относящейся к лицам купеческого сословия. Впрочем, не исключено, что это было связано с сословной принадлежностью обеих жен А. Я. Гаркави. Так, вплоть до 1913 г. Ц. В. Гаркави, как и много-

численные родственники ее первого мужа, числилась в списке лиц, получавших сословные свидетельства по 1-й и 2-й гильдиям и свидетельства на торговые предприятия (до 1910 г. она выбирала свидетельства под фамилией Моносзон), и содержала мануфактурный магазин в доме 45 по Садовой улице²⁵.

8 июня 1912 г. А. Я. Гаркави подал прошение в Правительствующий Сенат по Департаменту Герольдии, в котором ходатайствовал о признании его жены в потомственном дворянстве и о внесении его с женою в общую для Российской Империи дворянскую родословную книгу, находящуюся в Правительствующем Сенате²⁶. В мае 1913 г. это ходатайство было удовлетворено²⁷, и в архиве хранятся копия удостоверения, данного от Герольдмейстера Департамента Герольдии 25 июня 1913 г., в том, что А. Я. Гаркави и его жена внесены в третью часть общей для Российской Империи дворянской родословной книги, содержимой Герольдмейстером, и копия соответствующей записи в родословной книге²⁸.

После революционных событий 1917 г. в Петрограде А. Я. Гаркави продолжал службу в библиотеке. В начале ноября 1918 г., возвращаясь с работы, он был сбит грузовиком на Садовой улице, получил тяжелые травмы и 15 марта 1919 г. скончался. Похоронен на Еврейском Преображенском кладбище. Могила сохранилась (участок 0/4 старый, место 93), однако первоначальное надгробие утрачено, вместо него установлена современная бетонная стела²⁹.

В архиве РНБ хранятся также документы, касающиеся попыток в 1926 г. добиться назначения персональной пенсии вдове А. Я. Гаркави Цивии Вульфовне, проживавшей в то время по адресу: Ленинград, ул. 3-го Июля (нынешняя Садовая), дом 63, кв. 5. Они свидетельствуют о том, что, в частности, этот вопрос по ходатайству Народного комиссариата просвещения рассматривался в апреле 1926 г. на заседании Совета Народных Комиссаров РСФСР (так называемого Малого Совнаркома), и в итоге в назначении пенсии Ц. В. Гаркави было отказано³⁰. Сведениями о ее дальнейшей судьбе мы не располагаем.

¹ Вопрос о евреях, возведенных в дворянское достоинство Российской Империи, был обстоятельно изложен в докладе автора настоящей статьи, заслушанном на одном из научных заседаний Пятнадцатого Всемирного конгресса по иудаике, состоявшегося в Иерусалиме в августе 2009 г.

² Краткие биографические сведения о нем, включая перечень его научных трудов, опубликованы, в частности, в следующих изданиях: Шилов Л. А. Гаркави Авраам Яковлевич // Сотрудники Российской национальной библиотеки — деятели науки и культуры. Т. 1: Императорская Публичная библиотека, 1795–1917. СПб., 1995. С. 149–153.

³ Интересные сведения о родственном окружении А. Я. Гаркави сообщил мне Анатолий Ильич Хаеш, за что выражаю ему свою признательность. Благодарю также Сер-

гея Львовича Гаркави, ознакомившего меня с материалами по родословной Гаркави, опубликованными на иврите.

- ⁴ Формулярный список о службе библиотекаря Императорской Публичной библиотеки статского советника Авраама Яковлевича Гаркави. Составлен в 1916 г. (далее: Формулярный список 1916 г.) // ОАД РНБ. Ф. 1. Оп. 1. 1876 год. Д. 59 (Дело А. Я. Гаркави; далее: Личное дело А. Я. Гаркави). Л. 81об.
- ⁵ ЦГИА СПб. Ф. 14 (Петроградский университет). Оп. 3 (Личные дела студентов). Д. 2483: Дело А. Я. Гаркави.
- ⁶ Хаеш А. И. Новые документы о студенческих годах А. Я. Гаркави (неопубликованная заметка, подаренная А. И. Хаешем автору настоящей статьи в 1991 г.).
- ⁷ Свидетельство, выданное из Виленского раввинского училища (датировано 8 июля 1863 г.) об окончании А. Я. Гаркави курса училища // ЦГИА СПб. Ф. 14. Оп. 3. Д. 2483. Цит. по: Хаеш А. И. Новые документы о студенческих годах А. Я. Гаркави.
- ⁸ Сообщенные в упомянутой выше статье Л. А. Шиловой сведения о том, что А. Я. Гаркави был сыном зажиточного торговца, очевидно ошибочны.
- ⁹ Формулярный список о службе библиотекаря Императорской Публичной библиотеки статского советника Авраама Яковлевича Гаркави. Составлен 11 мая 1901 г. (далее: Формулярный список 1901 г.) // РГИА. Ф. 1343. Оп. 35. Д. 5325: Дело о дворянстве Авраама Гаркави. Л. 4–9.
- ¹⁰ В своем прошении на имя директора ИПБ Н. К. Шильдера он пишет о своем желании продолжить службу в библиотеке, «пока небо пошлет мне силы и здоровье» // Личное дело А. Я. Гаркави. Л. 70.
- ¹¹ Свидетельство, данное А. Я. Гаркави из Департамента Герольдии Правительствующего Сената о признании его в потомственном дворянском достоинстве // Там же. Л. 147.
- ¹² РГИА. Ф. 1343. Оп. 35. Д. 5325. Л. 1–21.
- ¹³ См.: Формулярный список 1916 г. Л. 81–87.
- ¹⁴ Формулярный список 1901 г. Л. 4об.
- ¹⁵ Формулярный список 1916 г. Л. 81об.
- ¹⁶ Формулярный список 1901 г. Л. 4об.
- ¹⁷ Формулярный список 1916 г. Л. 81об.
- ¹⁸ Сведения об этом домовладении содержатся в архиве Петроградского городского кредитного общества: ЦГИА СПб. Ф. 515. Оп. 1. Д. 1580 (О залоге имущества А. Я. Гаркави, А. Я. Федосеева, М. В. Чуркиной по Б. Пушкарской ул. 41; тут же в скобках указан адрес, восстановленный на 1917 г., — Б. Пушкарская, 47); д. 1580а (О залоге имущества А. Я. Гаркави по Б. Пушкарской ул., 47); оп. 73. Д. 82 (По прошению стат. советника Авраама Яковлевича Гаркави о приращении городской земли ко двору его, в Петер. части от Б. Пушкарской улицы). Содержащиеся в указанных делах многочисленные документы свидетельствуют, в частности, о том, что дом был приобретен Гаркави у А. Я. Федосеева в мае 1888 г. и что он продолжал владеть им по крайней мере до 1915 г. За сообщение о названных делах и информацию об их содержании благодарю Анну Васильевну Тихоцкую.
- ¹⁹ Шилов Л. А. Гаркави Авраам Яковлевич. С. 151.
- ²⁰ Список основных печатных трудов А. Я. Гаркави опубликован в упомянутой статье Л. А. Шиловой. Более подробные сведения см. в сборнике, изданном в его честь: *Bibliographie der Schriften und Aufsätze A.Harkavy // Festschrift zum Geburtstag A.Harkavy's*. SPb., 1908. Краткий, но содержательный анализ вклада А. Я. Гаркави в науку помещен в «Энциклопедии иудаики»: Harkavy, Albert (Abraham Elijah) // *Encyclopaedia Judaica*. Vol. 7 (Fr-Na). Jerusalem, 1971. P. 1339–1341, portr.; непонятно, почему здесь Авраам Гаркави назван Альбертом.
- ²¹ Формулярный список 1901 г. Л. 5; Копия свидетельства: Личное дело А. Я. Гаркави. Л. 63.

- ²² Обрывок формулярного списка о службе А. Я. Гаркави (год составления неизвестен) // Личное дело А. Я. Гаркави. Л. 62.
- ²³ Копия свидетельства, данного Витебским общественным раввином Бером дочери статского советника А. Я. Гаркави Теофилии Авраамовне в том, что 28 февраля 1891 г. она развелась с мужем ее Х. З. Каганом // Личное дело А. Я. Гаркави. Л. 54.
- ²⁴ Копия свидетельства о бракосочетании А. Я. Гаркави и Ц. В. Моносзон, выданное С.-Петербургским общественным раввином 26 апреля 1909 г. // Дело о дворянстве Авраама Гаркави. Л. 14–14 об. (заметим, что в названном свидетельстве указано, что это был его третий (!) законный брак; судя по всему, это описка); Формулярный список 1916 г. Л. 82.
- ²⁵ Справочная книга о лицах С.-Петербургского купечества и других званий, акционерных и паевых обществах и торговых домах, получивших с 1 ноября 1912 г. по 1 января 1913 г. сословные свидетельства по 1-й и 2-й гильдиям, промысловые свидетельства 1 и 2 разрядов на торговые предприятия... СПб., 1913. С. 190 (по недоразумению фамилия Цивии Вульфовой в указанном справочнике написана неправильно — Горкави).
- ²⁶ Прошение А. Я. Гаркави о внесении его с женою в дворянскую родословную книгу // Дело о дворянстве Авраама Гаркави. Л. 11.
- ²⁸ Определение Правительствующего Сената от 2 мая 1913 г. // Там же. Л. 17–17 об.
- ²⁸ Там же. Л. 20 и 21.
- ²⁹ Кобак А. В., Пирютко Ю. М. Исторические кладбища Санкт-Петербурга. М.: Центрполиграф; Изд. 2-е, дораб. и испр. М.; СПб., 2011. С. 577. См. также дополнительные сведения и фотографию нынешнего надгробия в Интернете. URL: http://jekl.ru/index.php?page=shop.product_details&flypage=shop.flypage&product_id=13545&category_id=7288&manufacturer_id=0&option=com_virtuemart&Itemid=1
- ³⁰ ОАД РНБ. Ф. 10/1 (Личные дела). 1926 год. Д. 860 ([Ц. В.] Гаркави).

А. В. Островский

(С.-Петербург, Российская Федерация)

ДВА ПИСЬМА

ИЗ АРХИВА Д. Г. ГИНЦБУРГА

В отделе рукописей Российской национальной библиотеки в фонде Давида Горацевича Гинцбурга сохранилось следующее письмо:

«Многоуважаемый барон Гинцбург!

Дмитрий Васильевич и Елена Дмитриевна поручили мне выразить Вам глубокую благодарность за сочувствие и обещанное содействие и помощь в моем деле. Мою же горячую благодарность я не в состоянии выразить словами. Бог Вас наградит за то, что Вы, многоуважаемый Барон, делаете для меня. Согласно Вашему указанию, прилагаю краткий *currículum vitae*¹ моего мужа. До гроба благодарная Вам Злата Евновна Радомыльская. Петербург. 9 мая 1908 г. Ул. Жуковского, д. 23. Кв. 4»².

За что З. Е. Радомыльская благодарила Д. Г. Гинцбурга, мы узнаем из ее письма от 2 июня 1908 г.:

«Многоуважаемый Барон!

Спешу сообщить Вам радостную для меня весть и выразить Вам мою искреннюю благодарность за все то, что Вы для меня сделали. Мужа моего — Радомыльского — освободили. Я уверена, что освобождение его было ускорено только благодаря Вашему письму и хлопотам у градоначальника. Мужа моего выслали из Петербурга. Он должен был уехать в трехдневный срок. Выслали его надолго и только из города или же и из губернии тоже, я не знаю. Как бы там ни было, мой муж свободен, и я думаю, что всем этим обязана только Вам да Дмитрию Васильевичу. Примите еще раз мою искреннюю благодарность. С совершенным почтением Зл[ата] Радомыльская»³.

Давид Горацевич — сын известного предпринимателя барона Горація Осиповича (Евзелевича) Гинцбурга — в представлении не нуждается⁴.

А кто такая Злата Евновна Радомыльская и кто был ее мужем?

Согласно материалам Департамента полиции, в 1908 г. был арестован только один человек с такой фамилией — Овсей-Гершон Аронов Радомыльский, имевший жену Злату Евновну⁵.

О.-Г. А. Радомыльский родился в сентябре 1883 г. в городе Елисаветграде Херсонской губернии в мещанской семье. В конце 1890-х гг. приобщился к революционному движению и в 1902 г. эмигрировал. После произошедшего в 1903 г. раскола РСДРП примкнул к большевикам. В 1905 г. его направили для нелегальной работы в Петербург. Здесь он стал членом Петербургского комитета РСДРП⁶. В 1907 г. под фамилией «Зиновьев» принял участие в Пятом съезде партии⁷ и был избран в состав Центрального комитета⁸.

30 апреля 1908 г. О.-Г. А. Радомыльский, получивший позднее известность как Г. Е. Зиновьев, был арестован. 7 мая Петербургское ГЖУ возбудило против него формальное дознание. 8 мая он был допрошен⁹. А на следующий день его жена уже благодарила Д. Г. Гинцбурга за готовность помочь в освобождении ее мужа. Согласно существовавшим правилам, одновременно с допросом на обвиняемого составлялась специальная анкета — «литера Б». Однако «литера Б» на О.-Г. А. Радомыльского почему-то была заполнена только 17 мая. 9 июня, через неделю после второго благодарственного письма З. Е. Радомыльской, на свет появилось постановление об изменении меры пресечения — «литера В», из которой явствует, что арестованный был отдан под особый надзор полиции в г. Елисаветграде. 12 июня вместо Елисаветграда он отпра-

вился в город Полоцк Витебской губернии, а откуда «в первой половине сентября выбыл за границу»¹⁰.

Итак, волею судеб Давид Горадиевич Гинцбург оказался причастен к освобождению из-под ареста одного из лидеров партии большевиков, будущего вождя Коминтерна. Здесь, вероятно, следует отметить и то, что, по имеющимся данным, «с 1908 г.» З. Е. Радомысльская (урожденная Бернштейн) «исполняла вместе с Н. К. Крупской обязанности секретаря ЦК РСДРП»¹¹.

Из писем Златы Евновны видно, что она не была знакома с Давидом Горадиевичем лично. Посредниками между ними выступали некие «Дмитрий Васильевич» и «Елена Дмитриевна». Знакомство с архивом Д. Г. Гинцбурга показывает, что среди его корреспондентов был человек, которого звали Дмитрий Васильевич и у которого была дочь Елена — это Дмитрий Васильевич Стасов¹².

Дмитрий Васильевич был сыном известного архитектора Василия Петровича Стасова (1769–1848)¹³. Из восьми детей Василия Петровича¹⁴ особую известность получил его сын Владимир (1824–1906)¹⁵, ставший искусствоведом и литературным критиком¹⁶.

Дмитрий Васильевич (1828–1918) закончил Училище правоведения и посвятил себя адвокатуре¹⁷. Несмотря на то, что его фамилия фигурирует в словаре «Деятели революционного движения в России», активного участия в революционном движении он не принимал. А в 1906 г. стал одним из организаторов либеральной Партии демократических реформ¹⁸, которую возглавлял М. М. Ковалевский (среди ее членов были В. Д. Кузьмин-Караваев, А. С. Посников, М. М. Стасюлевич, С. Д. Урусов)¹⁹.

От брака с Поликсеной Степановной Кузнецовой (1839–1918) Дмитрий Васильевич имел шестерых детей, младшей из которых являлась упоминавшаяся Елена²⁰. Когда-то имя Елены Дмитриевны Стасовой было широко известно, так как она принадлежала к ленинской гвардии большевиков и несколько раз, в том числе, в 1905 г., исполняла обязанности секретаря ЦК РСДРП²¹.

Что же связывало Д. В. Стасова и Д. Г. Гинцбурга?

Когда повествуется о жизни Дмитрия Васильевича, обходится стороной один очень важный момент в его деятельности — это участие в предпринимательстве.

Рассказывая о своем детстве, Елена Дмитриевна буквально вскользь упоминала, что «очень дружила с сыновьями горного инженера Ауэрбаха»²². Между тем названный ею «горный инженер» Александр Александрович Ауэрбах был ртутным королем России и возглавлял созданную

им фирму «А. А. Ауэрбах и К^о», пост председателя Правления которой занимал Дмитрий Васильевич Стасов²³. Дмитрий Васильевич занимался не только ртутным, но и золотопромышленным бизнесом, и как золотопромышленник являлся компаньоном Горадия Евзелевича Гинцбурга²⁴.

Поэтому когда арестовали Г. Е. Зиновьева, вероятнее всего, его жена обратилась за помощью к Е. Д. Стасовой, она — к отцу, а отец — к сыну одного из своих партнеров по бизнесу²⁵.

Что же двигало Д. Г. Гинцбургом, сразу же откликнувшимся на подобное обращение? Для ответа на этот вопрос, требуется выяснить не только его взаимоотношения с семьей Стасовых, но и его отношение к революционному подполью.

В связи с этим следует отметить, что в архиве Д. Г. Гинцбурга сохранилось 20 писем личного характера за 1902–1908 гг. (46 листов), под которыми фигурирует подпись «Ваш Шура». Как установили сотрудники Отдела рукописей РНБ, автором этих писем был Александр Станиславович Волковыцкий, находившийся с Гинцбургами в родственных связях²⁶. Между тем, в 1905 г. А. С. Волковыцкий являлся членом Боевой технической группы Петербургского комитета РСДРП. Он «жил в Петербурге на Васильевском острове» у своего дяди И. Я. Гинцбурга (1859–1939)²⁷, известного к тому времени скульптора²⁸, и использовал «свои комнаты» сначала как «экспедиционный пункт по почтовой рассылке листовок революционного содержания», а затем как «склад оружия»²⁹.

Было ли известно Давиду Горадиевичу о революционной деятельности его родственника, мы не знаем. Но имеющиеся в нашем распоряжении материалы свидетельствуют, что в его окружении находились и другие «неблагонадежные» лица.

Осенью 1905 г. в Петербурге появились первые легальные социал-демократические газеты: большевистская «Новая жизнь» и меньшевистская «Начало». Редактором-издателем первой газеты стал писатель Николай Максимович Виленкин, известный под псевдонимом Минский³⁰, редактором-издателем второй — Давид Маркович Герценштейн³¹.

Опубликовавший свою первую поэму на страницах «Народной воли»³², Н. М. Минский на рубеже 1870–1880-х гг. был домашним учителем в семье Гинцбургов³³, а затем накануне революционных событий 1905 г. состоял на службе в «Волжско-Каспийском нефтепромышленном и торговом обществе»³⁴, председателем Правления которого являлся Давид Горадиевич Гинцбург³⁵.

В юности определенную дань революционным увлечениям отдал и Давид Маркович Герценштейн. Более того, в 1869–1870 гг. он привле-

кался по делу С. Г. Нечаева³⁶, а затем принадлежал к кружку М. Натансона³⁷. Закончив в 1873 г. Военно-Медицинскую Академию, Д. М. Герценштейн сначала занимался медицинской практикой, а затем ушел в общественную и коммерческую деятельность³⁸. В 1905 г. он занимал пост директора уже упоминавшегося «Волжско-Каспийского нефтепромышленного и торгового общества»³⁹.

Получается, что из стен возглавляемого Д. Г. Гинцбургом акционерного общества вышли редакторы-издатели обеих социал-демократических газет.

В то же время имеется документ, свидетельствующий, что в рассматриваемое время Д. Г. Гинцбург имел и непосредственные связи с революционным подпольем. Весной 1905 г. Департамент полиции перехватил список, по которым рассылалась газета «Искра». В Петербурге ее получателем значился «барон Гинцбург», живший на 1-й линии Васильевского острова в доме № 4⁴⁰. По этому адресу в книге «Весь Петербург на 1905 г.» значится Давид Горацевич Гинцбург⁴¹.

Использовался ли адрес Д. Г. Гинцбурга для получения названной газеты из-за границы с целью ее распространения в столице, или же Давид Горацевич принадлежал к ее постоянным читателям, предстоит выяснить. В любом случае следует признать, что Давид Горацевич по меньшей мере проявлял интерес к революционному движению.

В связи с этим особого внимания заслуживает история с секретарем директора Департамента полиции Василием Сергеевичем Зыбиным, который 30 ноября 1904 г. неожиданно был отправлен в отставку⁴². «С наименьшим удивлением узнал об уходе Васи Зыбина. Ну, и дела» — писал по горячим следам И. Ф. Манусевич-Мануйлов⁴³. В. С. Зыбин был уличен во взятках: в материалах Департамента полиции фигурирует достаточно крупная по тем временам сумма — 10 тыс. руб. Причем, если верить документам, тем человеком, который использовал В. С. Зыбина для подкупа других, более высокопоставленных чинов департамента, был «барон Гинцбург»⁴⁴.

Как уже показано в литературе, подкуп чинов Департамента полиции и других органов политического сыска дореволюционной России использовался или для проникновения в секреты этих учреждений, или для облечения участи арестованных⁴⁵.

Это дает основание думать, что содействие Давида Горацевича Гинцбурга в освобождении Г. Е. Зиновьева не было случайным. Более того, рассмотренный материал дает право поставить вопрос о необходимости специального выяснения связей семьи Гинцбургов как с либеральной оппозицией, так и революционным подпольем.

- ¹ Дословно — «жизненный путь», в данном случае — биографическая справка.
- ² ОР РНБ. Ф. 183. Оп. 1. Д. 980. Л. 1.
- ³ Там же. Л. 3.
- ⁴ Слиозберг Г. Б. Барон Г. О. Гинцбург, его жизнь и деятельность. Париж, 1933; Кельнер В. Е. Давид Магид и его генеалогия Гинцбургов // Вестник еврейского университета в Москве. 1996. №1 (11). С.160–168.
- ⁵ ГАРФ. Ф. ДП, VII Д., 1908. Д. 3041: Об Андрее Турба. Л. 2.
- ⁶ Аксютин Ю. В. Зиновьев Григорий Евсеевич // Политические деятели России, 1917 г.: Биограф. слов. М., 1993. С. 117–121; Иванова И. И. Троцкий и его земляки // Из глубины времен. Вып. 4. СПб., 1994. С. 80–81.
- ⁷ Пятый (Лондонский) съезд РСДРП. Апрель–май 1907 г. Протоколы. М., 1967. С. 854.
- ⁸ Там же. С. 597.
- ⁹ ГАРФ. Ф. ДП, VII Д., 1908. Д. 3041: Об Андрее Турба. Л. 2.
- ¹⁰ Там же.
- ¹¹ Российская еврейская энциклопедия. Т. 1. М., 1994. С. 126–127.
- ¹² Письма В. В., Д. В. и П. С. Стасовых — Д. Г. Гинцбургу // ОР РНБ. Ф. 183. Оп. 1. Д. 1095–1098. 1883–1908. 65 л.
- ¹³ Винклер П. П. Дворяне Стасовы. Б.м., Б.г. С. 1–6; Тыжненко Т. Е. Василий Стасов. Л., 1990.
- ¹⁴ Николай (1818), Александр (1819), Владимир (1824), Дмитрий (1828), Борис (1830), Софья (1820), Надежда (1822), Ольга (1826) (Винклер П. П. Указ. соч. С.1–6).
- ¹⁵ Маркевич А. П. Стасов — гражданин, критик, демократ. Киев, 1969; Лебедев А. К. Владимир Васильевич Стасов: Жизнь и творчество. М., 1976.
- ¹⁶ Стасов В. В. Собрание сочинений. Т. 1–4. СПб., 1894–1906.
- ¹⁷ Легкий Д. М.: 1) Дмитрий Васильевич Стасов — юрист и общественный деятель (1828–1918 годы). Автореф. дис. на соиск. учен. степ. канд. ист. наук. Саратов, 1991; 2) Адвокатура в общественной жизни Российской империи. (По материалам деятельности Д. В. Стасова). Автореф. дис. на соиск. учен. степ. д. ист. наук. Саратов, 2005; 3) Дмитрий Васильевич Стасов: Судебная реформа 1864 г. и формирование присяжной адвокатуры в Российской империи. К 150-летию судебной реформы 1864 г. в России. СПб., 2011.
- ¹⁸ Хайлова Н. Стасов Дмитрий Васильевич // Политические партии в России. Конец XIX–первая треть XX вв.: Энциклопедия. М., 1996. С. 590; Партии демократических реформ, мирного обновления, прогрессистов. Документы и материалы. 1906–1916 гг. М., 2002. С. 514.
- ¹⁹ Хайлова Н. Партия демократических реформ // Политические партии... С. 418–419.
- ²⁰ Сергей (1866), Андрей (1870), Борис (1878), Варвара (1862), Зинаида (1864), Елена (1873) (Винклер П. П. Указ. соч. С. 1–6).
- ²¹ Левидова С. М., Салита Е. Г. Елена Дмитриевна Стасова, Л., 1969; Липилин В. Г. Абсолют. Л., 1990.
- ²² Стасова Е. Д. Страницы жизни и борьбы. Изд. 3-е. М., 1988. С. 16.
- ²³ Дмитриев-Мамонов В. А. Указатель действующих в Империи акционерных предприятий и торговых домов. Т. 1. СПб., 1905. С. 17.
- ²⁴ Список золота и платинопромышленных фирм в России. СПб., 1906. С. 6 (фирма «Алтайское золотопромышленное дело»).
- ²⁵ Когда в 1918 г. был арестован брат Давида Горацевича Александр, то после допроса Ф. Э. Дзержинским его не только освободили, но и предоставили возможность уехать за границу (Фролов В. Н. Любопытная телеграмма // Из глубины времен. 2000. № 12. С. 328–330).
- ²⁶ Волковсский А. С. — Гинцбургу Д. Г. 1902–1908 гг. // ОР РНБ. Ф. 183. Оп. 1. Д. 332. Л. 1–46.

- ²⁷ Боевая техническая группа при ПК и ЦК РСДРП. 1905–1908 гг.: Биобиблиографический словарь. СПб., 1999. С. 41.
- ²⁸ Гинцбург И. Я.: 1) Из моей жизни. СПб. 1908; 2) Из прошлого. Л. 1924; Скульптор Илья Гинцбург. Воспоминания. Статьи. Письма. Л., 1964.
- ²⁹ Боевая техническая группа... С. 41.
- ³⁰ Карелина М. Большевистская газета «Новая жизнь». М., 1955; Гринберг А. М. Первая легальная большевистская газета «Новая жизнь». Алма-Ата, 1958.
- ³¹ Кураев А. «Начало» // Политические партии... С. 389–390.
- ³² Русские писатели. Т. 4. М., 1999. С. 79.
- ³³ Там же; Слиозберг Г. Б. Гораций Осипович Гинцбург. С. 39.
- ³⁴ Весь Петербург на 1901 год. Ч. 2. С. 103.
- ³⁵ Там же. С. 138.
- ³⁶ Д. М. Герценштейн // Речь. 1916. 25 июня.
- ³⁷ Деятели революционного движения в России. Т. 1. Ч. 2. Шестидесятые годы. М., 1928. С. 81–82.
- ³⁸ Памяти Давида Марковича Герценштейна // День. 1916. 25 июня.
- ³⁹ Весь Петербург на 1905 год. Ч. 2. СПб., 1905. С. 153.
- ⁴⁰ ГАРФ. Ф. 102. ОО. 1905. Д. 1666. Пр. 1. Д. 98.
- ⁴¹ Весь Петербург на 1905 год. Ч. 2. С. 157.
- ⁴² Островский А. В. Кто стоял за спиной Сталина. Изд. 2-е. СПб., 2004. С. 554.
- ⁴³ Козьмин Б. П. С. В. Зубатов и его корреспонденты. Охранники, жандармы и провокаторы. М.; Л., 1928. С. 105.
- ⁴⁴ Островский А. В. Указ. соч. С. 554.
- ⁴⁵ Там же. С. 514–566.

Т. К. Никольская

(С.-Петербург, Российская Федерация)

АДОЛЬФ ИОФФЕ — КАРЬЕРА СОВЕТСКОГО ДИПЛОМАТА И СУДЬБА ПОТОМКОВ

Адолф Абрамович Иоффе (1883–1927) — выдающийся дипломат раннего советского периода, оппозиционный деятель, друг Льва Троцкого — родился в г. Симферополе Таврической губернии в богатой еврейской семье. Отец Абрам Яковлевич Иоффе был крупным подрядчиком, купцом 1-й гильдии, приписанным к Москве¹. Он принадлежал к верхушке местной еврейской общины, был старостой Симферопольской хоральной синагоги², состоял блюстителем Симферопольского еврейского одноклассного училища³, товарищем председателя правления общества пособия бедным евреям Симферополя и т. д.⁴ Несмотря на семейное

благополучие, его сын Адольф, как многие еврейские юноши того времени, рано увлекся идеями революционного преобразования общества и в 1902 г. вступил в РСДРП. Среди меньшевиков он сделался лидером⁵, а в Вене сблизился с Л. Д. Троцким, помогая ему издавать газету «Правда»⁶. В 1917 г., на VI-м съезде РСДРП(б), он с группой межрайонцев присоединился к большевикам, а в дни Октябрьского переворота входил в Военно-Революционный Комитет⁷.

В конце ноября 1917 г. Иоффе и главнокомандующий Н. В. Крыленко были направлены на Двинский фронт для предложения немцам переговоров о мире от имени Советского правительства⁸. Иоффе возглавлял делегацию в первом раунде переговоров (ноябрь–декабрь 1917 г.)⁹, а после прибытия в Брест-Литовск Троцкого¹⁰ состоял ее участником и политическим экспертом. Желая поддержать принцип «ни войны, ни мира», он 24 февраля 1918 г. подал в ЦК заявление о том, что, являясь противником заключения мира, отказывается от участия в работе делегации, однако, подчиняясь партийной дисциплине, готов быть консультантом¹¹.

Карьеру Иоффе можно разделить на два периода, хронологически совпадающих с ранними этапами истории советской дипломатии. Первый из них (конец 1917–1920 гг.) был моментом ставки на мировую революцию, когда территориальная целостность и интересы отдельной страны теряли значение. Иоффе вполне разделял эти жестокие иллюзии. В брошюре «Внешняя политика советской России» он подчеркивал преимущественно агитационное значение Брестских переговоров: «Через головы германских министров и генералов российские революционеры обращались к народам»¹². По его мнению, мировая революция была настолько близка, что Советскому правительству не следовало бояться потери не только Москвы и Петрограда, но даже Казани и Челябинска¹³.

Вместе с тем, Иоффе не мог не чувствовать тяжесть национального унижения, которое переживала тогда Россия. Так, на вопрос главы немецкой делегации, как ему понравился «наш Брест-Литовск», Иоффе ответил, что уже бывал в этом русском городе¹⁴. Сталкиваясь с небрежением западных дипломатов к себе и своим коллегам, он понимал, что это вызвано не только ненавистью к большевизму, но и презрением к России, потерявшей престиж великой державы.

В апреле 1918 г. Иоффе получил назначение в Берлин на пост полномочного представителя РСФСР. Врач по образованию, он не имел опыта дипломатической работы, однако природные способности, воспитанность, знание иностранных языков и европейской жизни помогали ему

на ходу овладевать нужными навыками. К сожалению, он занимался тогда не одной дипломатией. Л. Фишер, автор книги «Жизнь Ленина», вспоминал свой разговор с бывшим полпредом: «Посольство, утверждал Иоффе, “было главным штабом германской революции. Я покупал тайную информацию у германских чиновников и передавал ее радикальным деятелям [...] Я заплатил 100 000 марок за оружие для революционеров. Тонны антимонархической и антивоенной литературы печатались за счет нашего посольства. Мы хотели свергнуть монархию и прекратить войну...” [...] “В конце концов, — сказал он с сожалением, — мы осуществили мало. [...]”. Подумав минуту, он добавил: “Но, кажется, мы сократили войну на месяц и спасли много жизней”»¹⁵.

В. И. Ленин придавал большое значение присутствию Иоффе в Берлине, хотя был недоволен его трениями с Г. В. Чичериным. Он по-своему заботился о репутации полпреда и распорядился не сообщать ему о расстреле императорской семьи: «Пусть Иоффе ничего не знает. Ему там в Берлине легче врать будет»¹⁶.

Тогда же произошли перемены в личной жизни Иоффе. Он женился довольно рано. По воспоминаниям родственников, Берта Ильинична была девушкой редкой красоты, но происходила из бедной семьи. Отец Адольфа согласился на этот брак, ошибочно полагая, что семейная жизнь отвлечет сына от революции. В 1906 году у Иоффе родилась дочь Надежда. Теперь секретарем полпреда стала некая Мария Михайловна Гиршфельд. Эта, по мнению сотрудника посольства Г. А. Соломона, некрасивая, но напористая и не обремененная моральными предубеждениями девушка вступила в связь со своим начальником. Особых с ним отношений она не только не скрывала, но всячески подчеркивала. Иоффе не умел настоять на более тактичном поведении. Роман открыто развивался на глазах у трудового коллектива, больной жены и 12-летней дочери Адольфа Абрамовича¹⁷. Дело закончилось разводом и браком с Марией Михайловной. Любопытно, что в предсмертном письме Иоффе называет ее «малоприспособленная к самостоятельной жизни»¹⁸. Во втором браке у него родился сын Владимир. Его первая супруга впоследствии вышла замуж за одного из помощников Лазаря Кагановича.

Осенью 1918 г. правительство Германии наконец-то отреагировало на подрывную деятельность советских дипломатов. 6 ноября, за несколько дней до победы восстания, полпредство в полном составе выслали из страны.

В последующие полтора-два года правительство большевиков не признавало ни одним государством мира. Потерпели крах восста-

ния в Европе. Россия оказалась в полной изоляции, и достижение международного признания стало первостепенной задачей внешней политики. Иоффе был одним из главных вершителей нового курса. В 1920 г. он руководил переговорами о мире последовательно с Эстонией, Литвой, Латвией и Польшей. Там он столкнулся с требовательностью этих стран, которые, собственно, и на карте появились благодаря революции в России. На переговорах Иоффе торговался по каждому пункту, доказывая несостоятельность условий с точки зрения доктрин международного права¹⁹. Так, Латвия взамен на признание Советской России потребовала возмещения всех убытков от 1-й Мировой войны, на что Иоффе отвечал: «Весь мир жесточайшим образом пострадал от войны, и Латвия не может быть исключением за наш счет»²⁰. Унизительные уступки, на которые, однако, приходилось идти Советскому правительству, были расплатой за политический авантюризм первых лет.

В 1922 г. представители РСФСР были впервые приглашены на международную конференцию в Генуе. Иоффе вошел в состав делегации. В своем докладе ВЦИКу о Генуэзской конференции он отмечал: «Времена Бреста, когда советские представители на переговоры с буржуазными дипломатами смотрели, главным образом, [...] с точки зрения революционирования Европы, — для переживаемой эпохи миновали»²¹. Положительным итогом этого обстоятельства Иоффе считал перегруппировку международных сил: часть Европы «начинает ориентироваться на Россию»²².

В 1922 г. он был направлен на Дальний Восток, где небезуспешно вел переговоры с Китаем и Японией²³, однако, в том же году его карьера пошла на спад. В Китае Иоффе заболел неизвестной инфекционной болезнью²⁴, последствием которой стало множественное воспаление нервов. Он лечился в Кремлевской больнице, советских санаториях и дважды отправлялся за границу — в 1924–25 и 1927 гг.²⁵ По свидетельству близких, лечение за границей помогло, но завершить курс ему не дали²⁶. В промежутки облегчения он выполнял дипломатические миссии, некоторое время служил полпредом в Австрии, занимался публицистикой и т. д. Во внутрипартийной борьбе Иоффе поддержал троцкистскую оппозицию. Не склонный к политическим интригам, он возмущался методами, что применяли против своих оппонентов прежние товарищи (включая использование антисемитских настроений).

Физические страдания усугублялись муками моральными. До революции сын богатого купца, а позже высокопоставленный комиссар, Иоффе привык, что его, по крайней мере, материальные желания ис-

полнялись. Теперь он болезненно переживал свою беспомощность, подозревал даже товарищей-оппозиционеров в попытках оттеснить его от дел под предлогом заботы о здоровье²⁷. В сентябре 1927 г. на медицинской консультации лечебная комиссия ЦК установила у пациента целый комплекс недугов, включая туберкулез обоих легких и хронический полиневрит²⁸. В отправке за границу ему отказали — на основании, что лечение обойдется слишком дорого.хлопоты Троцкого и других оппозиционеров скорее усугубили решение ЦК не выпускать Иоффе из страны²⁹. Вскоре он слег окончательно и терпел «адские боли»³⁰, которые заглушал наркотиками. Заграничное лечение превратилось для больного в панацею: он просил и, как вспоминают, умолял отправить его в Вену³¹. Но даже в таком отчаянном положении Иоффе, похоже, и в голову не приходило добиться лечения отказом от своих взглядов и дружбы с Троцким.

7 ноября 1927 г. в Москве и Ленинграде сторонники троцкистско-зиновьевской оппозиции в последний раз вышли на демонстрацию со своими лозунгами. За это Троцкий и Зиновьев были исключены из ВКП(б). 17 ноября 1927 г. Адольф Абрамович Иоффе выстрелом из револьвера покончил с собой. В предсмертном письме Троцкому он, помимо личных мотивов трагического решения («вряд ли можно признать для кого-нибудь нужной жизнь в невероятных мучениях, лежа без движения и без возможности вести хоть какую-нибудь работу»³²), подчеркивал свое гражданское возмущение репрессиями против оппозиции и особенно исключением из партии Троцкого: «В этом смысле моя смерть является протестом борца, который доведен до такого состояния, что никак и ничем иначе на такой позор реагировать не может»³³. Письмо заканчивалось наивной просьбой к другу позаботиться о жене и детях, когда тот вернется к власти³⁴. О них действительно «позаботились», но не Троцкий.

Иоффе был похоронен 19 ноября на Новодевичьем кладбище, причем многочисленная траурная процессия приняла вид своеобразной оппозиционной демонстрации³⁵. У могилы друга Троцкий произнес одну из последних в СССР публичных речей³⁶. Хотя сам Иоффе избежал политических обвинений, его семья вскоре подверглась репрессиям. Мария Михайловна была отправлена в ссылку в Среднюю Азию, затем она много лет провела в лагерях, а в 1970-е годы эмигрировала в Израиль. Дочь Надежду с грудным ребенком сослали в Сибирь³⁷. Надежда Адольфовна Иоффе (1906–1999), экономист по профессии, была репрессирована трижды, а в 1991 г. эмигрировала в США. Она имела 4-х дочерей: Наталью, Киру, Ларису и Валерию³⁸. Сын Владимир, которому на мо-

мент гибели отца было 8 лет, еще в детстве был разлучен с матерью, а в 1937 году погиб в тюрьме г. Томск³⁹. В советское время имя Иоффе было полуопальным из-за его принадлежности к оппозиции⁴⁰, сейчас о нем редко вспоминают по другим причинам. Тем не менее, А. А. Иоффе остается одним из выдающихся деятелей раннего советского периода, особенно в области международной политики и дипломатии.

¹ Вся Россия. 1895. Ст. 1378.

² Календарь и памятная книжка Таврической губернии на 1901 г. Симферополь, 1901. С. 62.

³ Там же. С. 45.

⁴ Там же. С. 63.

⁵ Вопросы истории КПСС. 1989. № 11. С. 132.

⁶ Троцкий Л. Моя жизнь. Иркутск, 1991. С. 216–217.

⁷ О своей деятельности в 1917 г. А. А. Иоффе подробно отчитался в «Анкету участника Октябрьского переворота» // Вопросы истории КПСС. 1989. № 11. С. 132–137.

⁸ Дипломатический ежегодник. М., 1992. С. 304.

⁹ О первом раунде переговоров в Бресте см. воспоминания члена делегации эсера С. Д. Масловского (Мстиславского): Брестские переговоры. Пг., 1918; См. также: Троцкий Л. Д. Указ. соч. С. 347–363.

¹⁰ Дойчер И. Троцкий. Вооруженный пророк. 1879–1921. М., 2006. С. 365–366, 369.

¹¹ Политические деятели России. 1917. Биографический словарь. М., 1993. С. 126.

¹² Иоффе А. (В. Крымский). Внешняя политика советской России. М., 1918. С. 21.

¹³ Там же. С. 23.

¹⁴ Иоффе Н. А. Воспоминания об отце // Новая и новейшая история. 1990. №3. С. 97.

¹⁵ Фишер Л. Ленин и Германская революция // Искусство кино. 1991. № 8. С. 88.

¹⁶ Так позднее вспоминал сам Иоффе, ссылаясь на рассказ Ф. Э. Дзержинского (См.: Алексеев В. В. Гибель императорского дома: взгляд три четверти века спустя // Уральский исторический вестник. Екатеринбург. 1994. №1. С. 65).

¹⁷ Соломон (Исецкий) Г. Среди красных вождей. М., 1995. С. 30–75.

¹⁸ Большевик. 1927. № 23–24. С. 150.

¹⁹ РСФСР. Годовой отчет НКВД к VIII съезду советов. (1919–1920). М., 1921. С. 51–52.

²⁰ Там же. С. 51.

²¹ Иоффе А. А. (В. Крымский). Генуэзская конференция. М., 1922. С. 24.

²² Иоффе А. А. (В. Крымский). От Генуи до Гааги. М.; Пг., 1923. С. 21.

²³ Иоффе А. Россия и Япония // Новый Восток. 1923. №4. С. 11.

²⁴ Иоффе Н. А. Воспоминания об отце. С. 100.

²⁵ Ярославский Е. Философия упадничества // Большевик. 1927. №23–24. С. 138–140.

²⁶ Троцкий Л. Указ. соч. С. 510.

²⁷ Иоффе А. Письмо Троцкому. 12 августа 1927 г. В сб.: Коммунистическая оппозиция в СССР. 1923–1927. Т.4. USA, 1988. С. 80–81.

²⁸ Большевик. 1927. №23–24. С. 146.

²⁹ Иоффе Н. А. Друг отца — Л. Д. Троцкий // Дипломатический ежегодник. М., 1992. С. 323.

³⁰ Большевик. 1927. №23–24. С. 148.

³¹ Соломон Г. Указ. соч. С. 302.

³² Большевик. 1927. №23–24. С. 149.

³³ Там же.

- ³⁴ До адресата письмо не дошло; текст был опубликован в журнале «Большевик» с издательскими комментариями Е. Ярославского. См.: *Философия упадничества*. С приложением письма А. Иоффе // *Большевик*. 1927. №23–24. С. 135–151.
- ³⁵ Дойчер И. Троцкий. Безоружный пророк. 1921–1929. М., 2006. С. 406–407.
- ³⁶ Ее текст см.: *Новая и новейшая история*. 1990. №3. С. 108–109.
- ³⁷ Иоффе Н. А. Воспоминания об отце. С. 101.
- ³⁸ Эти и некоторые другие сведения о семье Иоффе сообщила автору д. и. н. Белла Давидовна Гальперина, лично знавшая Надежду Адольфовну.
- ³⁹ Попов А. Адольф Иоффе — сын миллионера, ставший послом революции // *Первая крымская информационно-аналитическая газета*. № 90. 9–15 сентября 2005 г. URL: www.1k.com.ua.
- ⁴⁰ В т. 3 «Истории дипломатии» (М.; Л., 1945), где рассматривается период 1919–1939 гг., имя А. А. Иоффе отсутствует, однако включена информация о выполненных им миссиях и подписанных международных документах.

ЕВРЕИ ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЫ В ТРАДИЦИОННЫХ ОБЩЕСТВАХ

Д. Д. Чочишвили
(Тори, Грузия)

РОЛЬ ЕВРЕЕВ В ХРИСТИАНИЗАЦИИ КАРТЛИ

У еврейской диаспоры Грузии многовековая история. В VI в. до н.э. царь Нового Вавилона Навуходоносор покорил Иерусалим, пленил его население и угнал в Вавилон. Некоторым удалось бежать и рассеяться. Часть беженцев достигла Картли и обратилась к старосте Мцхеты с просьбой выделить им землю и разрешить им поселиться в Мцхете¹. Староста выполнил их просьбу и расселил евреев в Занави (другое название — Херки), на берегу реки Арагви². С тех пор в Картли постоянно увеличивался приток евреев, которые обосновывались в разных городах и создавали в них иудейские еврейские этнические общины³, игравшие определенную роль в экономической жизни государства. На протяжении веков евреи не теряли связь со своей исторической родиной и всегда были в курсе текущих политико-религиозных событий в Иерусалиме.

Грузинские исторические источники: «Крещение Картли» (IX век) и «Житие Картли» (XI век) единодушно подчеркивают большую роль евреев в становлении христианства в Картли.

Согласно «Крещению Картли», в I веке на суд над Христом (у евреев — Йегошуа) в Иерусалим были призваны и еврейские представители Картли. Туда прибыли Элиоз Мцхетели, Лонгинос Карснели, Таленав и Мисаэл⁴. Главой делегации являлся Элиоз.

Мать отправлявшегося в Иерусалим Элиоза просила его не принимать участие в суде над Христом и не брать на себя грех за кровь невинного. Она считала, что Йегошуа мог быть прав в своих убеждениях.

Эту просьбу матери можно интерпретировать как существование мессианских идей среди евреев Картли. Как известно, в конце I века до н. э. в еврейской общине стали широко распространяться мессианские идеи. Следует отметить, что эти идеи, распространившиеся в римской провинции Палестина и призывавшие к освобождению от римского господства, вызывали массовую эйфорию среди евреев, уже рассеянных в древнем мире.

Что касается еврейской общины Картли, то мы можем утверждать, что с проповедями Христа она была не только хорошо знакома, но часть общины даже представляла Христа мессией, спасителем. Так же думала и мать Элиоза.

Элиоз и другие евреи Картли не принимали участия в казни Христа; они не кричали, как другие: «кровь Его на нас и детях наших» (Мф., 27, 25).

После распятия Христа его одежды разделили (Иоанн 19, 23, Матфей 27, 35, Марк 15, 24, Лука, 23, 24), в том числе одеяние, которое по легенде не было сшито, а было соткано цельно (Иоанн 19, 23). Для сочувствующих Христу грузинских евреев сохранить одеяние Христа, привезенное в Картли Элиозом, не представляло трудности.

Вернувшись в Картли, Элиоз узнал о кончине матери, умершей в момент казни Христа. Однако его ждало еще одно бедствие: встретившая его со слезами сестра умерла, прижимая к сердцу одеяние Христа, с которым ее и похоронили.

В начале четвертого века в столице Картли Мцхете и других городах проживали сильные еврейские этно-религиозные общины. Часть из них находилась на довольно высоком социальном уровне: у них была свобода вероисповедания, передвижения внутри страны и за рубежом, неограниченная торгово-экономическая деятельность. У них было реальное движимое имущество⁵. Все это частично определялось толерантностью местной политической системы, что имело свое объяснение: еврейская община никогда не претендовала на территориальный сепаратизм. Именно благодаря евреям складывались грузино-палестинские отношения, которые оказали большое позитивное влияние на дальнейшее развитие грузинской христианской культуры.

Еврейская община имела в Мцхете некрополь, две синагоги и пользовалась всеми правами культурно-религиозной общины.

В IV веке в Римской империи христианство было узаконено Миланским эдиктом. Грузия оказалась перед сложной дилеммой: либо признать отсталое, языческое, менее культурное персидское государственное влияние, либо ориентироваться на прогрессивную, развитую культуртрегерскую Римскую империю. Царский двор Картли сделал свой выбор, объявив государственной религией христианство. В 326 г. христианство было признано официальной государственной религией Картлийского царства.

О христианизации Картли имеются грузинские, греческие, латинские, сирийские и армянские источники. Все эти источники единодушно заявляют о роли Нино из Каппадокии (грузинские источники), Нуне (армянские источники), пленницы иберов — христианки, вылечившей иберийскую царицу (греко-латинские источники), в христианизации Картли.

По данным грузинских источников, Нино была племянницей патриарха Иерусалима и служила живущей в Иерусалиме Саре Ниафор,

от которой и узнала о одеянии Иисуса Христа⁶. Вместе с несколькими попутчицами она прибыла сначала в Армению, затем в Картли. По пути в Мцхету, Нино на один месяц остановилась в городе Урбниси, где проживала сильная еврейская община.

Из Урбниси Нино направилась в Мцхету и обосновалась у садовника, в саду царского дворца. Она часто ходила в еврейский квартал, чтобы узнать о судьбе одеяния (плащаницы) Христа. Ее учеником стал раввин Абиатар из колена Вениаминова, воспитанный по законам Моисея, весьма грамотный человек. У него была дочь Сидония, ставшая вместе с несколькими другими еврейкам последовательницей Нино.

В «Деяниях...»⁷ сказано, что просветительница Нино неоднократно справлялась о местонахождении плащаницы Христа. В Мцхете знали, что в том месте, где были захоронены одежды Христа, ранее была захоронена накидка Ильи пророка⁸, дарованная Илейей своему любимому ученику Елисею, а затем принесенная евреями в Картли.

Место захоронения плащаницы Христа в Мцхете почиталось евреями особенно. Здесь находился алтарь, где постоянно воздавались молитвы. В IV в., когда святая Нино пришла в Картли, этому строению было почти триста лет. Оно одновременно выполняло функцию погребения (как известно, вышедшие из употребления в синагоге ритуальные предметы подлежали захоронению в специально отведенных для этого местах).

После разрушения Второго Храма евреи, рассеянные в древнем мире, пытались объяснить причину катастрофы своей страны. Согласно Писаниям, для них это было проявлением гнева Божьего, и они искали спасения. Выход для евреев заключался в покаянии в грехах. И тогда, якобы, Господь возвратил бы их на свою землю. Последнее же переселение длилось вот уже триста лет, и, несмотря на молитвы и раскаяние, надежды на возвращение не было. Тогда часть евреев пришла к убеждению, что в свое время они не распознали истинного Мессию, и он был казнен, за что они и наказаны.

В результате проповедей Нино Абиатар и другие евреи стали разделять мнение, что их соотечественники совершили ужасную ошибку, участвуя в казни Христа. В силу этого Абиатар не жалел сил, распространяя христианское учение в Мцхете. Именно Абиатару и Нино принадлежит большая заслуга в том, что царская чета в Картли приняла христианство. В древних грузинских источниках Абиатар даже упоминается как «второй Павел». Следует отметить, что христианство приняли и Абиатар, и его дочь Сидония. Естественно, с этим фактом не смирились евреи Картли и объявили его предателем. С другой стороны, Сидония и Абиатар стали для Святой Нино главной опорой. Нино объявила Абиатара на-

стоятелем прихода. Грузинская православная церковь должным образом оценила заслуги Абиатара и канонизировала его как святого.

Еврейская община Мцхеты встретила обращение Абиатара в христианство с враждебностью и даже решила побить камнями. Абиатару удалось избежать смерти благодаря усилиям картлийского царя Мириана. С помощью Абиатара Нино удалось провести обряд консекрации синагоги — на ней был поднят крест. Это было последней каплей в процессе разрушения еврейской общины: мощная еврейская религиозная община рассеялась по всему Кавказу.

В значительной степени евреи способствовали принятию христианства не только на территории Картли, но и за рубежом, в том числе в великой Римской империи, что объясняется тем, что в начале формировались иудейско-христианские общины, которые отождествляли нового Бога с Богом-Отцом.

Факты, подтверждающие вклад евреев в христианизацию Картли, обнаружены во многих гробницах на территории Мцхеты. Интересно, что христианство и до объявления государственной религией постепенно распространялось среди населения Картли. Наглядным примером служит гробница III века на территории Мцхеты, где найден медальон с ранними христианскими символами — рыбой и якорем. Аналогичные гробницы найдены там, где компактно жили евреи. Этот факт косвенно подтверждает важность участия евреев в распространении христианской религии среди грузинского народа на начальном этапе. Следует подчеркнуть и то, что наиболее важные христианские реликвии — плащаница Христа и накидка пророка Илии были принесены в регион евреями.

По многочисленным грузинским источникам в Картли часть церквей и храмов строилась на местах прежних еврейских синагог. Отсюда можно сделать заключение, что в четвертом веке часть евреев в Картли добровольно обратилась в христианство.

Историки полагают, что архитектура древних храмов, построенных на территории Мцхеты, в определенной степени подверглась влиянию еврейской архитектуры.

Например, по мнению Г. Болквадзе, первый храм в Мцхете повторяет архитектурные формы Храма Соломона⁹. Он представлял стоа — здание с двумя рядами колонн. В строительстве церквей и часовен активное участие принимали местные еврей-христиане. Им прекрасно были известны особенности строительства и архитектуры известных еврейских часовен, и при строительстве христианских церквей в Картли эти особенности всегда учитывались.

Таким образом, исходя из вышесказанного, евреи сыграли большую роль в распространении христианской религии в Картли, что естественно, так как новая религия не могла опираться на существовавшую в регионе языческую веру. Это можно объяснить многими факторами, однако главным является то, что до принятия христианства еврейская культура в Картли была уже известна почти 10 веков, и еврейские традиции, образ жизни, религия для местного населения были более или менее знакомы.

Следует отметить, что по существующей легенде, «чудотворная» колонна, построенная в Мцхете, сотворила первое чудо именно со слепым еврейским мальчиком, вернув ему зрение.

Католикос — Патриарх Всея Грузии Илия II отметил большой вклад евреев в христианизацию Картли: «Евреи принесли грузинам истинную веру, веру в единого Бога»¹⁰.

На протяжении веков грузины никогда не имели никакой конфронтации с евреями. Причиной этого исследователи считают то, что местные евреи с древнейших времен были оторваны от своих государственных центров и свое социальное и культурное развитие целиком связали с будущим Грузией. За спиной евреев не стояла какая-либо чужая политическая сила, и грузинской феодальной общественности ничто не угрожало. Существенно и то, что евреи заселили регион еще до его христианизации.

Христианизацию Картли евреями укрепило в дальнейшем грузинское феодальное государство, связав происхождение царских фамилий с библейскими корнями. Царский дом Багратионов официально закрепил в титулатуре свое «давидово-соломоново» происхождение, а на гербе изображены были одеяние (плащаница) Христа, лира и копье Давида.

¹ ქართლის ცხოვრება, ტექსტი დადგენილი ყველა ხელნაწერის მიხედვით ს. ყაუხჩიშვილის მიერ, ტ. 1, თბ., 1955, გვ. 15–16 (Картлис цховრება = История Грузии / Подготовил к изданию по всем основным рукописям С. Г. Каухчишвили. Т. 1. Тбилиси, 1955. (На груз. яз.). С. 15–16).

² Давид И. История евреев на Кавказе. Т. 1. Тель-Авив, 1989. С. 26; დავიდი იცხ., ნაწერები, წ. 1, ტელ-ავივი, 1976, გვ. 230 (Давид И. Сочинения. Т. 1. Тель-Авив, 1976. (На груз. языке). С. 230).

³ ჩოჩიშვილი დ., ებრაულ-ქართული ურთიერთობების ისტორია ძვ. წ. VI ს-დან ძვ. წ. IV ს-მდე, გვ. 56–57 (Чочишвили Д. История грузино-еврейских отношений с VI в. до н. э. по IV в. н. э. Тбилиси, 2004. (На груз. языке). С. 56–57).

⁴ ძველი ქართული აგიოგრაფიული ლიტერატურის ძეგლები, წ. 1, თბ., 1963, გვ. 87 (Памятники древнегрузинской агиографической литературы. Т. 1. Тбилиси, 1963. (На древнегруз. языке). С. 87).

⁵ Там же. С. 146.

⁶ Там же. С. 78.

⁷ Имеются в виду «Деяния равноапостольной Нино», входящие в «Памятники древне-грузинской агиографической литературы».

⁸ Там же. С. 130.

⁹ ზოლქვაძე გ., პირველი ქრისტიანული ტაძარი მცხეთაში — ქვემო ეკლესია „წმიდა წმიდათა“, „ძიებანი“, თბ., 1998, გვ. 72–79 (Болквадзе Г., Первый христианский храм в Мцхете — нижняя церковь «святое из святых» // Исследование. Тбилиси, 1998, С. 72–79).

¹⁰ ილია მეორე, სრულიად საქართველოს კათოლიკოს-პატრიარქი, ებრაელებმა ქართველებს ჭეშმარიტი სარწმუნოება ჩამოგვიტანეს, „მეწორა“, № 8 (89), 2000, (Католикос — Патриарх Всея Грузии Илия II. Евреи принесли грузинам истинную веру, веру в единого Бога // Менора. 2000. №8 (89)).

X. Демироглу (Эдирне, Турция)

ЕВРЕЙСКИЕ ТУРКИ ХАЗАРСКОГО НАСЛЕДИЯ: КАРАИМЫ

Хазары сформировали западную ветвь Великой Турецкой конфедерации (Тюркский каганат), основанной в 552 году². Хазары, которые были преданы до периода стагнации Тюркскому каганату, после 630-х годов вместе с булгарами, которые, как и они, входили в состав Великой Турецкой конфедерации, начали борьбу за власть к северу от Черного и Каспийского морей³. Победа хазар стала причиной распада Великой Булгарии и расселения булгар в разных частях Восточной Европы⁴.

До середины VII в. хазары практически не сталкивались с Византийской империей, но начиная с 650 г. все чаще воевали с ней. Показав свое превосходство в борьбе с Византией и заключив в 651 г. мирный договор с империей, они объявили о своей независимости. После этого хазары были в состоянии войны или мира с двумя важными силами — с арабами и Византией⁵. В этой борьбе хазары находились не только под политическим, но и под религиозным давлением со стороны этих двух государств. Наличие и православной, и мусульманской общин в регионе, где они доминировали, делало положение хазар еще более сложным. Назначенный в 732 г. губернатором Азербайджана Мерван бин Мухаммед после распространения своего господства над армянами и другими кавказскими народами выбрал своей новой целью государство хазар⁶. В 737 г. омейяды с большой армией вышли в поход против хазар, и в результате этого похода хазары понесли огромные потери⁷. В результате этого, правитель

хазар, испугавшись, принял ислам. После того, как опасность со стороны омейядов миновала, правитель хазар объявил о возвращении к прежней религии (тенгри)⁸. После этих событий хазары, несмотря на возвращение к вере своих предков, не вмешивались в перемену религии народа, которым управляли. Некоторые исследователи, затрагивая данный вопрос, говорили о том, что хазары, оставив ислам, вернулись к язычеству. Но правильнее будет сказать о возвращении их к вере предков. Когда посланник, пришедший к правителю хазар из Константинопольского двора, предложил тому принять христианство, правитель хазар ответил, что византийцы и хазары имеют во многом схожие верования, однако в вопросе «веры в Бога» их взгляды различны. Правитель хазар также отметил, что византийцы верят в троицу, а хазары же в единого Бога⁹. С другой стороны, развитие событий показало, что рано или поздно хазары должны были принять какую-либо веру.

Не приняв ни православие, ни ислам, хазары приняли иудаизм, несмотря на то, что он не был важной политической силой в данный период. Время принятия иудаизма хазарами — спорный вопрос. Хотя в некоторых исследованиях и говорится о том, что хазары, оставив ислам, сразу приняли иудаизм¹⁰, большинство ученых, опирающихся на работы Аль-Масуди¹¹, говорили о научной ошибке в упомянутой дате¹². По мнению Махмута Наны, евреи направились на хазарскую территорию из-за ограничений их свобод у аббасидов в период правления халифа Харуна Ар-Рашида¹³. Однако доподлинно известно, что евреи с давних времен подвергались гонениям на византийских и арабских территориях. Цукерман утверждал, что хазары приняли иудаизм в 860-х годах¹⁴. В свете всех этих споров можно утверждать, что хазары приняли иудаизм не ранее 780-х гг. и не позднее 850-х гг.

Довольно мало сведений о расселении хазарских иудеев после раздела Хазарского каганата между русскими, волжскими булгарами и Византией. Кроме того, неизвестно также их количество на тот период времени¹⁵. По мнению Прицака, главная причина в отличии верования у иудеев и хазар — это принятие хазарами иудаизма не от религиозных деятелей, а благодаря купцам-иудеям¹⁶. С. Шишман же утверждал, что во время принятия иудаизма хазарами, наряду с купцами, важную роль играли и миссионеры. По его мнению, правитель хазар Булан принял иудаизм благодаря миссионерам-купцам¹⁷. Турецкие иудеи получили название «караи» или же «караимы». Хотя в некоторых исследовательских работах и можно встретить утверждение, что система верования у караимов отличается от верования нынешних иудеев¹⁸, караимов за иудейскую веру называли «еврейскими турками»¹⁹. Потомки иудеев-

хазарских турков — караимы на сегодняшний день проживают в разных частях света. Естественно, что есть некоторые различия у хазар, которые приняли иудаизм позже, от иудеев-евреев²⁰.

В настоящее время караимский язык используется караимами, проживающими в Польше и Литве. Язык караимов принадлежит к кыпчакской группе²¹. Караимы, проживающие в Крыму, со временем под влиянием татар начали использовать татарский язык, как свой собственный, а потому крымские караимы не используют настоящий караимский язык. Раддлофф также утверждал, что караимы до прихода татар использовали кыпчакский язык²². Караимы после прихода в Крым внесли свой вклад в развитие торговли в данном регионе. Известно, что в конце XIV века в Крыму проживало 400 караимских семей²³. Паллас во время своей поездки в Крым в 1768–1769-х годах упоминает о караимах. По его мнению, в Крыму караимская общность насчитывает более 1000 человек. Они проживают вместе с татарами и говорят на татарском языке²⁴. Во время исследования караимской кухни также была отмечена ее схожесть с татарско-турецкой²⁵. Эта схожесть также легко может быть замечена в народных песнях: караимские схожи с крымско-татарскими, и что более важно, с турецкими народными песнями²⁶. Также легко заметить, что даже народные песни караимов, проживающих на сегодняшний день в Польше и Литве, схожи с нынешними турецкими народными песнями²⁷. Книга А. Заячковски «Karaims in Poland, History-Language-Folklore-Science» (Караимы в Польше, История-Язык-Фольклор-Наука) — самое подробное произведение о караимах. В данной книге говорится о близости культур караимов с другими тюркскими народами²⁸. Заячковски также утверждает, что религиозная жизнь польских караимов не отличается от религиозной жизни караимов Крыма и Литвы²⁹. В 1989 году, согласно статистическим данным, в Литве проживало 289 человек, называвших себя караимами³⁰. На сегодняшний же день количество караимов в Литве неизвестно.

Хотя первые поселения караимов и находятся в хазарском регионе, за то, что в другие части света они расселились из Крыма, они получили также название «крымские турки-иудеи» или же «крымские караимы». В 1783 году, после выхода Крыма из-под османского влияния, караимы, несмотря на то, что они были иудеями, были выгнаны из Крыма, как и турки. Турки, переехавшие из Крыма в Стамбул, начали здесь новую жизнь³¹. Один из них, Симака из Гозловы, в 1772 году, после взятия Крыма русскими, переехал с семьей в Стамбул, здесь он сумел подняться до духовного лидера стамбульских караимов³². Изначально караимам, оставшимся в Крыму, русское управление не разрешало открывать рели-

гиозные учреждения. Оставшиеся в Крыму караимы получили это право лишь 3 марта 1837 года³³. Некоторые караимы, развив торговую деятельность, даже сумели открыть свое дело в Москве³⁴. Немцы, войдя в Крым в 1941 году, сумели овладеть всей территорией Крыма за очень короткий период времени. В оккупированном Крыму немцами было уничтожено 67 тысяч евреев. Среди них были и караимы³⁵. Во время второй мировой войны и после советским правительством были отправлены из Крыма в ссылку турки, среди них были и караимы³⁶.

Караимы, начиная с византийского времени, основали свою общность в Стамбуле и развивали здесь свою деятельность. С. Шишман, исходя из записей Туделли Бенджамина, торговца XII века, отмечал, что в Каракоие проживало 500 караимов, и что район Стамбула Каракой (или же Карай кой) получил свое название из-за проживающих здесь караимов³⁷. Караимские турки играли большую роль в торговле Османского государства в каждый период времени. После взятия Адрианополя (Эдирне) Муратом Первым этот город стал важным центром для балканских караимов. После взятия Стамбула Мехмед Завоеватель (Фатих султан Мехмед) не вмешивался в деятельность караимского общества, а наоборот, позволял им быть близко к дворцу³⁸. Караимы со временем начали испытывать нехватку собственного населения. Даже религиозных деятелей были вынуждены приглашать из-за пределов Стамбула³⁹. В данном вопросе самую большую поддержку стамбульским караимам оказали крымские караимы. Симака из Гозловы, известный религиозед Луки и такие ученые, как А. Фиркович, приехав в Стамбул из Крыма, внесли большой вклад в развитие караимов⁴⁰. В период христианской Византии караимы временами выселялись из Стамбула; выгнанные из Стамбула во время крестовых походов караимы после завоевания Стамбула Мехмедом вторым стали местным населением этого города, и уже больше никогда не покидали этих мест.

Однако из-за строгого запрета брака между родственниками у караимов, их численность сокращалась. К концу 1970-х годов стамбульское общество караимских турков насчитывало около 150 человек, сегодня же, к сожалению, эта цифра составляет где-то 60–70 человек⁴¹.

В настоящее время караимы проживают в различных частях света. По мнению А. Кёстлера, корни восточноевропейских евреев происходят от хазарских турков⁴². Л. Поляков также выдвинул подобную мысль⁴³. Хорошо известно, что после принятия иудаизма государство хазар стало очень притягательным центром для евреев. Однако считать всех евреев, проживающих в настоящее время в Восточной Европе, потомками хазар (турков), неверно. По мнению самых известных исследователей истории

хазар Артамонова, Дунлопа и Петера Б. Голдена, все иудеи, помимо караимов — это евреи, не являющиеся турками, проживавшие на хазарских землях и пришедшие сюда после⁴⁴. По нашему мнению, караимы — это единственная общность, проживающая в Восточной Европе, чьи корни связаны с хазарами. Все исследователи истории хазар сходятся во мнении в данном вопросе. В настоящее время караимы, проживающие в Украине, России, Польше, Литве и Турции, являются потомками хазар. Караимы, еврейские турки хазарского наследия.

¹ На иврите частица «им» обозначает множественное число, поэтому в слове «караимы» на русском языке множественное число присутствует дважды. Так как слово караимы было заимствовано из литературы на русском языке, оно так и будет использовано в данной статье.

² Дополнительные сведения о Тюркском каганате со времени образования до периода стагнации см. Таşağıl A. *Gök-Türkler / Ahmet Taşağıl*. Ankara, 1995. S. 1–197; Gömeç S. *Kök Türk Tarihi / Saadetin Gömeç*. Ankara, 1997. S. 1–77.

³ Несмотря на общее (тюркское) происхождение, хазары и булгары воевали за власть и превосходство над друг другом. Булгары (болгары) имеют происхождение из династии Ту-ло; тогда как хазары происходят из рода Ашина династии Ту-ло и заняли место около династии Ну-ши-пи. О происхождении хазар из рода Ашина см. *Hudud al-ALAM / transl. by V. Minorsky*. London, 1970. P. 161–162; *Hududü'l-alem mine'l-meşrik ile'l-magrib*. Tahran, 1983. S. 192–193.

⁴ Демироглу Х. «Історичні матеріали про волзьких булгар» / Хасан Демироглу // Актуальні проблеми вітчизняної та всесвітньої історії. Вип. 21. Рівне, 2011. С. 571.

⁵ Yücel U. «Hazar Hakanlığı» / Mualla Uydu Yücel // *Türkler Ansiklopedisi*. Cilt 2. Ankara, 2002. S. 446–451.

⁶ О походе арабов на государство хазар см.: Kurat A. N. *Abu Muhammad Ahmad bin 'Asam al-Kūfī'nin Kitāb al-Futūh'u // Dil-Tarih ve Coğrafya Fakültesi Dergisi*. Ankara, 1949. Cilt VII. Sayı. 2. S. 255–273.

⁷ İbnü'l-Esir. *İslam Tarihi / пер. на тур. яз. Yunus Apaydın*. Cilt 5. İstanbul, 1986. S. 178.

⁸ Artamonov M. İ. *Hazar Tarihi / пер. на тур. яз. Ahsen Batur*. İstanbul, 2004. S. 294–298.

⁹ Zajackowski A. «Hazar Kültürü ve Varisleri», *Hazarlar ve Musevilik / пер. на тур. яз. Osman Karatay. Çorum*, 2005. S. 127.

¹⁰ Д. М. Дунлоп, исходя из источников на иврите, отмечал, что хазары могли принять иудаизм в 740-м году. (Dunlop D. *The History of the Jewish Khazars*. New York, 1967. P. 116, 170). Но не поддается логике столь быстрое влияние иудеев на высшие чины в хазарском государстве, поскольку иудеи подвергались гонениям и в Византии и Аббасидском халифате в период между 730 и 740-м годом.

¹¹ По мнению Месуди, хазары приняли иудаизм в 786–809 гг. В период правления аббасидского халифа Харуна Ар-Рашида. *Mesudî. Murûc ez-Zeheb (Altın Bozkırlar) / пер. на тур. яз. Ahsen Batur*. İstanbul, 2004. S. 69.

¹² Artamanov M. İ. A. g. e. S. 361; Kafesoğlu İ. *Türk Milli Kültürü / İbrahim Kafesoğlu*. İstanbul, 1993. S. 161.

¹³ Nânâ M. *Yahudi Tarihi / Mahmut Nânâ*; перев. на тур. яз. Ahsen Batur. İstanbul, 2008. S. 564.

¹⁴ Zuckerman C. *Hazarlarda İkili Yönetimin Kökeni ve Yahudiliğe Geçiş Şartları / Constantine Zuckerman*; перев. на турецк. Bülent Keneş // *Türkler Ansiklopedisi*. Cilt 2. Ankara, 2002. S. 488.

- ¹⁵ Karatay O. «Hazar'ın Musevileşme Tarihi» / Osman Karatay // Uluslararası Karay Çalışmaları Sempozyumu Bildirileri Kitabı. Bilecik, 2011. S. 88–90.
- ¹⁶ Pritsak O. «Türk-Slav Ortak Yaşam: Güneydoğu Avrupa'nın Türk Göçebeleri» / Omelyan Pritsak; пер. на тур. яз. Osman Karatay // Türkler Ansiklopedisi. Cilt 2. Ankara, 2002. S. 518.
- ¹⁷ Szyszman S. Le Roi Bulan et le Probleme de la Conversion des Khazars // X. Milletlerarası Bizans Tetkikleri Kongresi Tebliğleri. İstanbul, 1957. S. 249–252.
- ¹⁸ Более подробно о иудейском веровании караев или караимов см.: Kutluay Ya. İslâm ve Yahudi Mezhepleri / Yaşar Kutluay. İstanbul, 2001. S. 257–282.
- ¹⁹ Исходя из произведений таких исследователей, как: Шабан Кузгун, Л. Немой и А. Макс, можно утверждать, что караимы были против талмуда и раввинистической литературы. Kuzgun Ş. Hazar ve Karay Türkleri / Şaban Kuzgun. Ankara, 1985. S. 155–156.
- ²⁰ Brook K.-A. Hazar Yahudileri / Kevin Alan Brook; пер. на тур. яз. İsmail Tuğçalı. İstanbul, 2005. S. 235.
- ²¹ Мусаев К. М. Краткий грамматический очерк караимского языка. Москва, 1977. С. 5–6.
- ²² Şarşaloğlu S. «Kırım Karai Türkleri» / Sereya Şarşaloğlu // Türk Yılı 1928. Ankara, 2009. S. 632–633.
- ²³ Шапшал С. Караимы в Крыму / Серей Шапшал; перевод Ю. А. Полканов. Симферополь, 2003. С. 5–8.
- ²⁴ Pallas P. S. Reise Durch Verschiedene Provinzen des Russischen Reichs / Peter Simon Pallas; предисловие Dietmar Henze. Graz, 1967. Bd. I. S. 276, 289.
- ²⁵ Лебедева Э. И. Рецепты караимской кухни. Симферополь, 1992. 272 с.
- ²⁶ Полканов Ю. А. Обряды и обычаи крымских караимов-тюрков, женитьба, рождение ребенка, похороны. Бахчисарай, 1994. С. 10–16.
- ²⁷ Kowalski T. Karaimische texte im dialekt von Troki / Tadeusz Kowalski. Krakov, 1929. S. 141–143; Firkovič M. I. Karay Yırları. Vilnius, 1989.
- ²⁸ Zajaczkowski A. Karaims in Poland: History-Language-Folklore-Science. Varşova, 1961.
- ²⁹ İbrahimoğlu Ç. B. «A. Zajaczkowski. Karaims in Poland. Varşova, 1961» / Çağatay Bedii İbrahimoğlu // Tarih Dergisi. İstanbul, 1963. Cilt XIII. Sayı 17–18. S. 287–292.
- ³⁰ Yılmaz S. «Karay (Karaim-Karait) Türklerinin İsrail'e Göç Serüveni: Sonun Başlangıcı» / Salih Yılmaz // Uluslararası Karay Çalışmaları Sempozyumu Bildirileri Kitabı. Bilecik, 2011. S. 513.
- ³¹ Лебедева Э. И. Очерки по истории крымских караимов-тюрков. Симферополь, 2000. С. 6–7.
- ³² Şişman S. «İstanbul Karayları» // İstanbul Enstitüsü Mecmuası. İstanbul, 1957. Cilt III. S. 101.
- ³³ Лебедева Э. И. Очерки... С. 7.
- ³⁴ Katık N. «Kırmiskie Karaimi-organizator i vladelstı tabačnoy promışlennosti rossiyskoy imperii» / Nataliya Katık // Uluslararası Karay Çalışmaları Sempozyumu Bildirileri Kitabı. Bilecik, 2011. S. 469–473.
- ³⁵ Özcan K. Vatana Dönüş Kırım Türklerinin Sürgünü ve Milli Mücadele Hareketi (1944–1991) / Kemal Özcan, İstanbul, 2002. S. 49.
- ³⁶ Caferoğlu A. Sovyet Rusya İdaresindeki Esir Milletler // Türk Kültürü Dergisi. Cilt 21. Ankara, 1964. S. 32.
- ³⁷ Şişman S. A. g. m. S. 99–100.
- ³⁸ Şişman S. A. g. m. S. 100.
- ³⁹ Ahmetbeyoğlu A. «İstanbul'un Solan Bir Rengi: Karay Türk Cemaati» / Ali Ahmetbeyoğlu // Uluslararası Karay Çalışmaları Sempozyumu Bildirileri Kitabı. Bilecik, 2011. S. 482–483.
- ⁴⁰ Şişman S. A. g. m. S. 100–101.
- ⁴¹ Ahmetbeyoğlu A. A. g. m. S. 482.

- ⁴² Koestler A. Onüçüncü Kabile Hazar İmparatorluğunun Mirası / Arthur Koestler; пер. на тур. яз. Belkis Çorakçı. İstanbul, 1976. S. 173–194.
- ⁴³ Poliakov L. The History of Anti-semitism / Leon Poliakov; transl. by Richard Howard. New York, 1976. P. 283–286.
- ⁴⁴ Artamonov M. İ. Hazar Tarihi... S. 575; Dunlop D. M. Hazar Yahudi Tarihi / Пер. на тур. яз. İstanbul, 2008. S. 277–282; Golden Peter B. Hazar Çalışmaları / Пер. на тур. яз. Egemem Ç. Mızrak. İstanbul, 2006. S. 33.

С. П. Стренковский (Минск, Республика Беларусь)

САМОУПРАВЛЕНИЕ ЕВРЕЕВ БЕЛАРУСИ В XVI–XVIII вв.

В XVI–XVIII вв. самоуправление городов Великого княжества Литовского (далее — ВКЛ) развивалось в русле основных принципов феодального права. Одной из его черт был партикуляризм. В связи с этим отдельные части городских общин пользовались разными правовыми нормами и обычаями. Население городов ВКЛ в XV–XVIII вв. было многонациональным и поликонфессиональным. Количество евреев в городах Беларуси до середины XVII в., по мнению З. Ю. Копысского, составляло около 10%¹. В XVIII в. произошло определенное увеличение числа еврейского населения городов. Однако при этом общинная жизнь пришла в упадок, произошло обеднение еврейского населения².

На протяжении рассматриваемого времени основными правовыми актами, которые регулировали положение евреев в Беларуси, были так называемые генеральные привилегии, которые, начиная от великого князя Витовта, подтверждались каждым последующим великим князем литовским (королем польским). Согласно им, евреев не могли судить трибунал ВКЛ, земские и городские суды, а лишь замковые суды. Судебные дела, которые возникали между евреями, должны были судить их старшие «согласно закону своему». Присягу по крупным делам евреи должны были приносить на «десяти Божьих заповедях», а по малым, взявшись за дверную ручку синагоги³. Привилегия евреям Пинска 1 апреля 1632 г. уточняет, что крупными считались дела, превосходящие 50 гривен серебра⁴.

Вопросы участия евреев в выплате городских налогов и повинностей должны были регулироваться соглашениями или «пактами» с города-

ми⁵. Эти же «пакты» и отдельные грамоты должностных лиц государства содержали дополнительные привилегии отдельных общин. Так, в Пинске евреи несли четвертую часть податей, платили городские налоги со старых и вновь приобретенных лавок на рынке. При этом им разрешалось свободно торговать с гостями и арендовать четвертую часть городских доходов. Евреи, которые платили ратуше чинш (оброк с недвижимости) и выполняли подводную повинность, освобождались от «особых еврейских податей»⁶. Евреи в Пинске, как отмечалось в письме старосты 13 июня 1617 г., могли пользоваться равными с мещанами вольностями, «как проживающие под единым колоколом». Им разрешалось на «школьном» участке, где размещалась синагога, иметь баню и водоем для мытья⁷. Также евреи в Пинске совместно с мещанами привлекались для ремонта замка, острога, рва. Они могли иметь мясные лавки около синагоги, пользоваться городскими пастбищами⁸. Сама же каменная синагога была отстроена согласно привилегии 24 апреля 1638 г. При этом подчеркивалось, «чтобы не мешала иезуитам»⁹.

О порядке самоуправления в еврейских общинах говорит привилегия брестским евреям. Устанавливалось четверо старших, которые «все дела рассматривали, и судили, и решали, и виновных штрафами наказывали согласно обычаю права их еврейского». Такой порядок был установлен после смерти Михеля Езофовича, которые первоначально осуществлял управление и суд единолично¹⁰. Следует заметить, что назначение таких «генеральных сенъоров» несколько противоречило еврейским традициям. Так, респонс Мойзеса Исерлеса из Кракова говорит, что раввин, назначенный королем или воеводой, только тогда имеет настоящую власть, когда на его назначение выразил согласие кагал. Поэтому Езофович для разбора судебных дел имел при себе «ученого еврея»¹¹. Привилегия 8 мая 1532 г. только дела о насилии, поджоге, убийстве, разбое и «кровавые раны» передавала на рассмотрение суда старосты¹². Грамота короля Яна Собесского 1676 г. для наказания лиц, которые не желали подчиняться старшим, вводила суд раввина. Назначенный на эту должность мог после присяги двух «школьников» (слуг синагоги) выносить наказания увечьем и смертью¹³.

Аналогично, письмо королевы Боны Сфорца гродненским евреям 6 января 1553 г. вводило самоуправление в составе доктора и 3 старших¹⁴. Согласно ему, определение старших происходило от «племени» рода Юдичей с одной стороны, от «Мисана Хоцковича и других его приятелей и соседей» — с другой, а также от еврейского «поспльства» (средней группы населения) — с третьей. Срок полномочий старших устанавливался в 1 год. Доктором же королева назначила Мордухая

Юдича, сына прошлого доктора, которому должны были платить по соглашению с общиной, «как и отцу его платили». Доктор назначался «до воли и ласки» монарха. При этом он не мог «никаких дел и вещей сам властью своей среди евреев решать и судить и никого из них властью своей в клятву класть и сажать». Все перечисленное доктор мог делать только с согласия как минимум двух старших. Не подлежали суду доктора и старших дела, которые подлежали суду королевского наместника (вероятно, те же, что и в Бресте). В качестве второстепенных лиц самоуправления письмо упоминает школьного кантора и резника (мясника), которые должны были подчиняться доктору и старшим.

Подтверждение привилегии 1 апреля 1632 г. пинским евреям разрешает старшим судить дела между самими евреями. Остальные дела подлежали суду старосты с возможностью апелляции в задворный суд¹⁵.

В целом в руководство еврейских общин в Польше и ВКЛ входило от 8 до 40 так называемых «мужей». В Вильне, столице ВКЛ, к примеру, было 35 мужей. Во главе находились 4–5 «заведующих» (*ragnassim*) или начальников (*raschim*) и 3–5 «добрых» (*towim*). Употреблялось и название «главные» (*ikrim*). Опекун над убогими, калеками, богадельнями, погребальными братствами осуществляли «*gabbaim*» или руководители «большой благотворительности». «*Memunim*» следили за исправностью печных труб, колодцев, соответствием мер и весов. За распределением и сбором налогов надзирали «цензоры» (*szamaim*)¹⁶. Выборы должностных лиц проходили в первый будний день Пасхи. На протяжении двух недель воевода (староста) должен был подтвердить результаты выборов¹⁷.

В отдельных городах были еврейские ремесленные цехи и соответствующее самоуправление. Так, привилегия брестским портным 12 июля 1595 г. называет «цех еврейский портных, меховщиков и шапочников», «казну еврейскую цеховую»¹⁸.

По грамоте королевы Боны в Гродно устанавливался порядок апелляции на решения доктора и старших: по светским делам — к королевскому наместнику, а по духовным — «перед старшими наших городов докторами своими еврейскими»¹⁹. В Бресте апелляция могла направляться в королевский суд, что было подтверждено грамотой короля Яна III в 1690 г. В документе подчеркивалось, что это право евреи имеют «по их стародавним правам и привилегиям»²⁰.

Таким образом, уже в 1550-е гг. еврейские общины городов и местечек имели свой высший распорядительный и судебный орган. Официально он был разрешен грамотой Владислава Вазы 31 декабря 1646 г., как съезд «для налогов, подсчетов, судов и порядков». При этом отмечено,

что такие съезды были и ранее, т. к. «было вольно для дел и нужд на место пригодное съезжаться», однако проводились они без официального оформления в «правах и привилегиях»²¹. Главная роль на этих съездах принадлежала общинам Бреста, Гродно и Пинска, с 1651 г. также Вильны, а с 1691 г. и Слуцка. Генеральный съезд евреев ВКЛ проходил 1 раз в 2 или 3 года, чаще всего в местечках Селец, Заблудов или Хомск²². Постановления его касались торговых отношений, распределения и сбора государственных и кагалных налогов, общественных отношений, быта, образования, благотворительности и др.²³

В частновладельческих городах порядок самоуправления еврейских общин устанавливали их владельцы. Так, согласно грамоте 17 февраля 1758 г. Михаила Антония Сапеги евреям Быхова дела между евреями разрешал раввин. Апелляция могла направляться замковому управлению или владельцу. В присутствии представителей замка избирались также старшие, а для сбора налогов — 1 представитель старших и 1 «от черни», которые ежеквартально отчитывались перед общиной и раввином²⁴.

Инструкция Франсиска Сапеги кагалу местечка Высокое 24 июня 1794 г. в качестве органов самоуправления устанавливает 4 старших и 8 ассессоров, которые назначались дворовым управлениям из кандидатов, избранных общиной. На протяжении месяца действующим был состав из 1 старшего и 4 ассессоров. Вспомогательными лицами были кагалные писарь, «бегун» (посыльный), кассир и сборщик налогов. Подробная инструкция о деятельности самоуправления составлена под ощутимым влиянием городских реформ Речи Посполитой 1790-х гг.²⁵

Таким образом, можно констатировать наличие в белорусских городах XVI–XVIII вв. самоуправления еврейских общин. Институты этого самоуправления были тесно связаны с религиозными иудейскими организациями. Основными должностными лицами были старшие, избравшиеся общинами в порядке, установленном местными обычаями или грамотами монархов. Их правомочия не распространялись только на наиболее тяжкие преступления. Постепенно оформился и центральный орган самоуправления евреев ВКЛ — съезд представителей наиболее влиятельных общин (Ваад). Гарантиями правовой обособленности еврейских общин Беларуси служили их привилегии.

¹ Копыцкий З. Ю. Социально-политическое развитие городов Белоруссии в XVI — первой половине XVII в. Минск, 1975.

² Вялікае княства Літоўскае: ВКЛ: Энцыклапедыя: У 2 т. Т. 2: Кадэцкі корпус — Яцкевіч. 2-е выданне. Мінск, 2007. С. 787.

³ НИАБ. Фонд КМФ–18. Оп. 1. Д. 106. Л. 57–60.

⁴ Там же. Л. 100–101об.

⁵ Там же. Л. 57–60.

⁶ Там же. Л. 619–620об.

⁷ Там же. Л. 613об.

⁸ Там же. Л. 100–101об.

⁹ Там же. Д. 113. Л. 179.

¹⁰ Lietuvos Metrika. Knyga Nr. 9 (1511–1518). Vilnius: Zara, 2002. С. 140.

¹¹ Schorr M. Organizacja żydów w Polsce od najdawniejszych a do r. 1772 // Kwartalnik historyczny. 1899. Rocznik XIII. S. 497.

¹² НИАБ. КМФ–18. Оп. 1. Д. 17. Л. 270об.–271.

¹³ Там же. Д. 139. Л. 123.

¹⁴ Там же. Д. 33. Л. 123–124.

¹⁵ Там же. Д. 106. Л. 100–101об.

¹⁶ Там же. Д. 113. С. 502–505.

¹⁷ Schorr M. Op. cit. S. 506.

¹⁸ НИАБ. КМФ–18. Оп. 1. Д. 123. Л. 173–175.

¹⁹ Там же. Д. 33. Л. 123–124.

²⁰ Там же. Д. 146. С. 71–72.

²¹ Там же. Д. 119. Л. 511–511об.

²² Schorr M. Op. cit. S. 757.

²³ Там же. С. 764–772.

²⁴ Шаланда А. Пергаміны 1700–1775 гг. у фондах Гарадзенскага дзяржаўнага гісторыка-археалагічнага музея // Герольд Litherland. 2004. № 1–2. С. 57–58.

²⁵ Библиотека Вильнюсского университета. Отдел рукописей. F4–12069 (A-257).

Д. З. Фельдман

(Москва, Российская Федерация)

О РОЛИ ЕВРЕЙСКОГО КУПЕЧЕСТВА ВЕЛИКОГО КНЯЖЕСТВА ЛИТОВСКОГО В ТОРГОВЛЕ С РОССИЕЙ В 1670-е гг. (по материалам РГАДА)

Известно, что в правление царя Михаила Федоровича власти относились к еврейским торговцам с особой неприязнью, препятствуя их приезду с товарами из-за рубежа. И несмотря на то, что правители Речи Посполитой настаивали, чтобы евреев пропускали хотя бы до Вязьмы, русскому посольству, отправленному в Варшаву в 1638 г., поручено было заявить польскому правительству, что «жидам отнюдь в Россию не въезжать». В свою очередь, русские купцы не питали симпатий не только к полякам, но и к прочим иноземцам; польско-литовским же торговцам разрешили бывать только в пограничных городах, а в Москву и близлежащие города ездить им было запрещено.

Во 2-й половине XVII в., при царе Алексее Михайловиче, наблюдается процесс некоторой активизации торговли России с другими странами, в том числе посредством еврейских купцов и мещан. Причем это происходило несмотря на то, что после заключения Андрусовского перемирия с Польшей в 1667 г. иностранцев в Московии стали подвергать новым стеснениям. В связи с этим здесь в первую очередь стоит упомянуть «Дело об отпуске из Москвы в иностранные государства жидов Самоила Яковлева с товарищами его для покупки венгерского вина» 1672 г.¹ Как следует из архивных документов, в июне этого года торговцы-«евреяне» — Самоил Яковлев, Лазарь Яковлев, Давид Василев, Осип Алексеев и Яков Степанов — получили в Москве, в Посольском приказе, проезжую грамоту от Алексея Михайловича на свободный проезд по Смоленской дороге до литовской границы. Купцам было предоставлено право беспошлинного провоза товаров и выделена подвода.

Обнаружен еще ряд источников, касающихся торговой деятельности в России шкловца Самоила Яковлева. Причем, как видно из этих материалов, он не раз приезжал в Московское государство по коммерческим делам. Так, в мае 1679 г. «иноземец, королевского величества еврейнин, житель города Шклова Самошка Яковлев» подает челобитную уже на имя нового царя Федора Алексеевича о выдаче ему и четверем его «челядникам» проезжей грамоты до литовской границы². Он писал, что «приволокся к Москве» и привез сюда партию сукна, а на вырученные деньги закупил товар для отправки на родину. Необходимая купцу грамота на проезд «без задержания» через Смоленск за границу, «в сторону брата нашего наяснейшаго, великого государя Яна Третияго», была ему тогда же выдана³.

При этом на обороте отпуски грамоты указывалось, что в Москве остается его земляк Моисей Яковлев: «...А в тех людех, что писаны в сей проезжей, евреянина ж Моисея Яковлева сына Друкаря нет, и за рубеж с теми людьми он, Моисей, не едет. Салдацкова строю капитан Иван Таичинский вместо еврейнина Самоилы Друкарева [Яковлева. — Д. Ф.], что ему собою еврейнина ж Моисея Друкарева не свезть с Москвы, и руку приложил»⁴. Из этой записи можно сделать вывод, что и Самоил, и Моисей Яковлевы были близкими родственниками, возможно братьями (имея прозвище Друкарь или Друкарев), и одновременно в 1670-х гг. осуществляли коммерческие операции, находясь под покровительством русских царей.

Архивные источники также свидетельствуют о том, что летом 1674 г. шкловцы Моисей Яковлев и Монасей Эвелев получили разрешение от Алексея Михайловича отправиться из столицы в Смоленск и далее до

литовской границы; в дороге их сопровождал толмач Посольского приказа⁵. Известно также, что в апреле 1675 г. Моска Яковлев, «человек» еврея Иуды Исаева, получил проезжую грамоту по городам для беспрепятственного пропуска его «с Иудиною рухледью» за рубеж⁶. Запись этой грамоты содержится в одной из книг пошлинных дел Печатной конторы, которая собирала пошлины с поданных на имя царя челобитных. К этому можно добавить, что Иуда и Яков Исаевы в 1671–1676 гг. поставляли в российскую казну сукно. По этой причине они сами не раз приезжали в Московию и возвращались в Литву, пользуясь проезжими грамотами. Поскольку они осуществляли поставки в казну, то пошлину с них не брали и даже выделяли под товары казенные подводы.

В 1674 г. бил челом царю Алексею Михайловичу еврей Моисейко Исаев. «Приволокся я, работник твой, — писал он в челобитной, — к Москве для торгового своего промыслишку». Однако здесь он заболел и пролежал два месяца; с ним приехала его мать, «еврейка же Маремьяница». Она умерла в Москве, и осиротевший купец просил государя отпустить его за рубеж с телом матери — Алексей Михайлович разрешил дать проезжую грамоту. Еще известно, что в ноябре 1676 г. «королевского величества еврейнин Моска Яковлев» просил следующего царя Федора Алексеевича отпустить его с двумя «челядниками» из Москвы, куда он приезжал «для своего торгового промыслишку и для долговой взятки», в Польшу и выдать ему соответствующую проезжую грамоту до границы⁷. Согласно резолюции, следовало снести с таможен на предмет уплаты им пошлины и выдать шкловскому мещанину акт для проезда «в сторону королевского величества»⁸.

Итак, перечисленные здесь персоналии входили в ограниченное число «избранных» евреев, занимавшихся продажей привозимых иностранных товаров и поставлявших их к московскому царскому двору. С. М. Соловьев так писал в своей «Истории России» по этому поводу: «Жиды в царствование Алексея Михайловича умели добыть себе... грамоты с красною печатью; они приезжали в Москву с сукнами, жемчугом и другими товарами и получали комиссии от Двора». Причем в тех случаях, когда эти купцы осуществляли поставки специально для казны, то пошлин с них не взымали и даже давали для перевозки продукции казенные подводы, а также жаловали их подарками.

Но хотя экономические интересы царского двора требовали разрешать отдельным иностранцам, в том числе евреям Польши и Литвы, приезжать по коммерческим делам, в целом доступ их в пределы государства тогда был значительно затруднен, поскольку московские власти стремились оберегать народный быт и православие от влияния

иноверцев и всячески противодействовали появлению чужеземцев. Для польско-литовских евреев, осуществлявших торговлю с Россией, пограничным пунктом был определен Смоленск. Указ царя Федора Алексеевича от 12 сентября 1676 г.⁹ и вслед за ним Торговый устав от 11 сентября 1677 г.¹⁰ вполне четко определяли: «Которые евреяны впредь приедут с товары утайкою к Москве и учнут являться и товары свои записывать в Московской большой таможене, и тех евреян из Приказа Большаго приходу присылать в Посольской приказ, и товаров их в таможене не записывать, для того что, по указу великаго государя, евреян с товары и без товаров из Смоленска пропускать не велено». В торговом договоре, заключенном с Польшей в 1678 г., было предусмотрено, что евреи, в отличие от прочих польско-литовских торговцев, не могут приезжать в Москву. Таким образом, в правление Федора Алексеевича политика по отношению к еврейским купцам вновь ужесточается.

Перечисленные выше факты посещения Московии еврейскими купцами из Польско-Литовского государства, содержащиеся в материалах различных фондов РГАДА, все же остаются единичными. В то же время в составе таможенных книг по Смоленску за 1673–1696 гг. имеются многочисленные систематизированные сведения о торговле в этот период евреев Великого княжества Литовского с Московским государством. Смоленские таможенные книги содержат подробную информацию о денежных сборах со смоленских мещан и «со всяких чинов с приезжих торговых людей», об уплаченных на Смоленской таможене пошлинах с товаров иноземцев, а также о других различных сборах. Благодаря тому, что в данных источниках зафиксированы имена торговцев и их сословное положение, перечислены названия, количество и стоимость товаров, записные книги таможенного денежного сбора являются ценным источником для изучения торговых отношений между двумя государствами в конце XVII в. В этих рукописных книгах упомянуты торговцы из таких населенных пунктов как Болхов, Велиж, Великий Новгород, Великий Устюг, Веряя, Витебск, Вологда, Вязьма, Горки, Дорогобуж, Дубровна, Духовщина, Калуга, Клин, Копысь, Луга, Минск, Могилев, Москва, Мстиславль, Несвиж, Осташков, Полоцк, Псков, Поречье, Рославль, Ржев, Серпейск, Слуцк, Смоленск, Смольяны, Старая Русса, Старый Быхов, Торжок, Торопец, Шклов и др. Торгующие представлены сословиями посадских людей, мещан, приказчиков, шляхтичей, стрельцов, крепостных, монастырских и патриарших крестьян, бурмистров и др. Среди мещан встречается немало евреев.

Для того, чтобы представить масштабно деятельность еврейских «торговых людей», попытаемся обобщить информацию из трех смолен-

ских таможенных книг за 1673–1696 гг.¹¹. Материалы, касающиеся «евреян», охватывают период с 1673 по 1679 г., приходящийся на правление царей Алексея Михайловича и Федора Алексеевича. В это время смоленскими стольниками и воеводами были князь М. И. Лыков, а затем князь Ю. С. Урусов.

В изученных нами таможенных книгах записаны следующие евреи: Данило Аврамов (Могилев), Еким Аврамов (Могилев), Захарей Аврамов (Могилев), Юда Аврамов (Слуцк), Захарей Вистицкой (Могилев), Хаин (Хаип) Давыдов (Горки), Лейба Ермолин (город не указан), Маер Ершев (Горки), Илья Ефремов (Могилев), Яков Захарев (Старый Быхов), Ошер Израилев (Шклов), Яков Ильин (Несвиж), Якуб (Яков) Марков (Старый Быхов), Моисей Моеров (Смольяны), Михайло Моисеев (Могилев), Яков Назарьев (Могилев), Исая Осипов (Горки), Яков Салимонов (Могилев), Михайло Уреща (Полоцк), Самуйло Фомин (Мстиславль), Аврам Яковалев (Могилев), Моисей Яковлев (Шклов), Гавриел Якубов (Егубов) (Могилев). Как видим, все перечисленные торговцы прибыли в Россию из Белоруссии, входившей тогда в состав Великого княжества Литовского. Нетрудно заметить, что наиболее активными купцами были могилевские евреи, что неудивительно, поскольку еврейская община белорусского Могилева была одной из самых многочисленных.

В приведенном здесь списке мы встречаем и уже известного нам шкловца Моисея Яковлева, который находился по торговым делам в Московии в 1674, 1675, 1676 и 1679 гг. Запись в одной из таможенных книг зафиксировала его очередной приезд с разнообразными товарами в марте 1678 г. Целый ряд еврейских купцов привозил свои товары на продажу в Россию не один раз, и это зафиксировано в смоленских таможенных книгах. Так, могилевский еврей Аврам Яковлев приезжал сюда дважды — в 1678 и 1679 гг.; еврей из Горок Исая Осипов также дважды отметился на Смоленской таможене — в 1676 и 1678 гг. Своеобразным «рекордсменом» по этой части стал еще один могилевский еврей Михайло Моисеев, который четыре раза — на протяжении 1678 и 1679 гг. — посещал Московию, причем только в 1679 г. трижды.

Из ввозимой евреями в Россию продукции можно отметить различные виды импортных тканей (сукно, полотно, гарус, тафта, сайка, шелк, саржа, пестрядь), скатерти, шкуры соболя, бобра и выдры, сковороды, гвозди, косы, бумагу, воск, соль, перец, французскую водку, вино, анис, сельдь. В то же время из всей перечисленной продукции явно преобладали ткани.

подавляющее большинство еврейских купцов ввозили товары в Россию, однако некоторые из них (Захарей Вистицкой, Еким Аврамов

и Данило Аврамов), как сказано, «явили на возу товару московской покупки», т.е. заплатили пошлины за вывозимую продукцию. Как следует из записных книг, белорусские евреи вывозили из Московского государства в Литву различные меха (белки, соболя, лисы, горноста́я), полотно, тафту, китайку и другие ткани, сусальное золото, медные котлы для вина и пр.

Разновидностью таможенных книг являются записные книги пошлинных денег за проданных лошадей и с шерсти. В одной из таких книг за август 1674 г. зафиксирована сделка между посадским человеком г. Устюжны-Железопольской Савином Болтуновым и могилевским евреем Гавриелом Егубовым, который продал устюжанину мерина; в другой — говорится о том, что в сентябре 1676 г. иноземец из Смольян Моисей Моеров продал двух лошадей стряпчему смоленского владыки Силе Иванову. Таким образом, торговля лошадьми также входила в сферу коммерческих интересов литовско-белорусских евреев. Кстати, оба упомянутых еврейских торговца уплачивали пошлины на Смоленской таможне и за товары, доставленные в Россию на возах.

В целом сведения таможенных книг по Смоленску 1670-х гг., демонстрируя исследователю целостную картину торговли евреев из Белоруссии (Великого княжества Литовского) в Московском государстве, показывают, что весомая доля торговли между двумя государствами в этот период принадлежала еврейским предпринимателям.

ИСТОРИЯ ЕВРЕЙСКИХ ОБЩИН В РОССИИ

---

¹ Российский государственный архив древних актов (РГАДА). Ф. 138. Дела о Посольском приказе и о служивших в нем. Оп. 1. 1672 г. Д. 10. Л. 1–3. Оpubл.: Еврейские купцы в Москве XVII в.: «Дело об отпуске из Москвы в иностранные государства жидов Самоила Яковлева с товарищами его для покупки венгерского вина» 1672 г. июня 5 / Публ. Д. З. Фельдмана // Российский архив (История Отечества в свидетельствах и документах XVIII–XX вв.) М., 2003. Новая серия. Вып. XII. С. 9–12.

² РГАДА. Ф. 159. Приказные дела новой разборки. Оп. 2. Д. 1976. Л. 1.

³ Там же. Л. 2–2об.

⁴ Там же. Л. 2об.

⁵ Там же. Ф. 145. Смоленский приказ. Оп. 1. 1674 г. Д. 8. Л. 1–3.

⁶ Там же. Ф. 233. Печатный приказ. Оп. 1. Кн. 185. Л. 161об.

⁷ Там же. Ф. 159. Оп. 2. Д. 1587. Л. 1.

⁸ Там же. Л. 1об.

⁹ ПСЗ. Собр. 1. СПб., 1830. Т. 2. № 662.

¹⁰ РГАДА. Ф. 276. Коммерц-коллегия. Оп. 1. Д. 1737. Л. 1. См.: Шугуров М. Ф. История евреев в России // Русский архив. 1894. Кн. I. Вып. 1. С. 65–66.

¹¹ РГАДА. Ф. 145. Оп. 1. Д. 12. Ч. I–II; Д. 15.

Н. С. Чернышёва

(С.-Петербург, Российская Федерация)

МЕСТЕЧКИ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX– НАЧАЛЕ XX в.: КОЛИЧЕСТВО, ГЕОГРАФИЧЕСКОЕ РАСПРЕДЕЛЕНИЕ, ОСОБЕННОСТИ СТАТУСА

Местечками (от польского *miasteczko* — городок; на идиш — *מטעש, שטעטל*) в XIX–начале XX в. назывались поселения полугородского типа, расположенные преимущественно в пределах бывшего Польско-Литовского государства и граничивших с ним регионов, чаще всего с преобладающим еврейским населением¹. По своему экономическому значению, по преобладанию среди жителей (преимущественно евреев) торгово-промышленных занятий, эти поселения приближались к городскому типу. Жители местечек считались мещанами. По разъяснению правительствующего сената к городским поселениям, в юридическом смысле слова, принадлежали лишь те из местечек, которые имели особое мещанское управление или же были приписаны к ближайшим городам. По закону 29 апреля 1875 г., в местечках западных губерний, изъятых из ведения городских учреждений, при известной численности населения (не менее 10 дворов или домохозяев) местные обыватели-христиане и евреи образовывали самостоятельные мещанские общества, которые избирали для заведования делами местечек мещанского старосту с помощником. Если в местечке насчитывалось 50 дворов и более, то разрешалось учреждение мещанской управы, с мещанскими депутатами. В местечках, в которых менее десяти дворов или домохозяев, местные мещане приписывались к мещанским обществам городов или других местечек, где существовали мещанские общества, или же к волостям².

Пользуясь данными, приведенными в многотомном издании «Городские поселения Российской Империи» (1860–1865 гг.) и атласе-справочнике «Россия: Географическое описание по губерниям и областям» (1913), можно выяснить географическую распространенность и количество местечек по губерниям Российской Империи. Приведенная в приложении таблица содержит данные о количестве местечек по губерниям за 1860–е гг. и 1913 г.

Сравнивая указанные хронологические срезы, можно заметить, что к 1913 г. число местечек уменьшилось более чем в 1,5 раза (с 1400 до 770).

Можно предположить, что такое значительное изменение их количества связано с сенатским указом 1903 г., который юридически уточнил само понятие «местечка» и позволил отказаться от именования «местечками» многих населенных пунктов, прежде имевших такой статус.

Максимальная концентрация местечек отмечена в губерниях Литовско-Белорусского края, Малороссии, Новороссии и на Юго-Западе. В гораздо меньшем количестве встречаются местечки в Балтийском (5 местечек в 1860-х гг. и 12 в 1913 г.) и Привислинском (8 и 1 соответственно) краях. В Финляндии (1 местечко в 1913 г.), в Московско-Промышленной (1 местечко в 1860-х гг. и 2 в 1913 г.), в Центральной Черноземной (3 в 1860-х гг.) областях, в области Средней и Нижней Волги (1 в 1860-х гг.) и в губерниях Кавказского края (2 местечка в 1860-х гг. и 1 в 1913 г.) местечки встречаются очень редко. Местечко как тип поселения зародилось в Речи Посполитой, поэтому такое количественное распределение этих населенных пунктов вполне оправданно.

Наибольшее количество местечек в 1860-х гг. находилось в Литовско-Белорусском крае — 713, в том числе в губерниях: Ковенской (200), Виленской (187), Минской (125), Могилевской (84), Гродненской (72) и Витебской (45). Почти в два раза меньше — 359 местечек — находилось в юго-западных (Волинская — 141, Подольская — 120, Киевская — 98) губерниях. В 1913 г. три юго-западные губернии — Волинская (95), Киевская (84), Подольская (83) в сумме содержали в себе 262 местечка, а обозначенные выше литовско-белорусские губернии всего лишь 343, что более чем в два раза меньше количества, отмеченного в 60-х годах XIX века.

Можно говорить о неустойчивости статуса местечек. В «Списке населенных мест Витебской губернии» приведен подтверждающий это факт. Так, под вопросом оказывается статус значащихся в «Списке городских поселений Российской Империи» местечек Дзвон и Красное в Лепельском уезде и местечка Починье (т. е. Посинь) в Люцинском уезде. В 1901 г. на запрос Хозяйственного департамента МВД об этих местечках, витебский губернатор Иван Ильич Чепелевский³ донес: 1) что «местечка Красное в Лепельском уезде нет, а есть имение Красное, фольварк Красное и деревня Красное; сведений о том, что местечко Красное существовало в Лепельском уезде не имеется; 2) что «селение Дзвон никогда местечком не было»; 3) что «Посинь (не Починье) считается селом, и владельцы сами не знают, было ли когда поселение это местечком»⁴. Также в «Списке городских поселений Витебской губернии» говорится о населенном пункте Паулье, статус которого вызывал разногласия:

так, владелец имения Паулье утверждал, что «Паулье никогда не было местечком», а в делах губернского правления Паулье значится местечком с оговоркой однако, что документы о наименовании его местечком отсутствуют⁵.

Сенат в 1903 г. предпринял попытку обозначить критерии, которые отделяли бы местечки от других населенных пунктов. В «Вестнике сенатской практики» за январь 1903 г. опубликован указ I Департамента Сената, который содержит следующие сведения о признаках местечка. Во-первых, это соответствующее постановление законодательной власти. Во-вторых, «достоверность последовавшего до 11 ноября 1863 года заведения местечка владельцем имения»⁶ (обращаясь к указанной дате, обнаруживаем в Полном собрании законов Российской Империи (далее ПСЗ) высочайше утвержденное мнение Государственного совета о порядке переименования селений в города⁷). В-третьих, правительство должно ввести «в данном поселении городское (местечковое) общественное устройство и фискальное обложение»⁸. Здесь же имеется ссылка на 779 статью Законов о состояниях, где мы опять же находим указание опять же на ПСЗ⁹, а конкретно — на Положение о приведение в действие Временных правил о евреях¹⁰. Пункт первый данного Положения воспрещает евреям «впредь вновь селиться вне городов и местечек»¹¹, за исключением лишь «существующих ныне (т. е. до 1882 г. — *Н. Ч.*) еврейских колоний, занимающихся земледелием»¹². Эти меры, согласно 4-му пункту данного положения, применялись только к губерниям постоянной оседлости евреев¹³.

На примере Подольской губернии можем проследить примерное число евреев относительно остального населения в местечках. Так, пользуясь подсчетами В. К. Гульдмана¹⁴, выясняем, что в 120 местечках Подольской губернии (на конец 1880-х гг) евреи составляли 44% (140598 чел.) всего населения. При этом меньше всего плотность еврейского населения в местечках Маков Каменецкого уезда (2,9% — 47 из 1649 чел.), Буцневцы (Подолье) Летичевского уезда (4% — 48 из 1222 чел.), Верховка Могилевского уезда (4,6% — 41 из 897 чел.) и в местечке Тынна Ушицкого уезда (4,5% — 46 из 1023 чел.). Наибольший же процент евреев в местечках Голосков Балтского уезда (85% — 803 из 945 чел.), Чечельник Ольгопольского уезда (93% — 2232 из 2400 чел.) и Княже-Тимановка Ямпольского уезда (98% — 548 из 560 чел.). Больше всего (22) местечек, где евреи составляли от 40% до 50% населения. По 18 местечек, с долей еврейского населения 20–30%, 30–40% и 50–60%. В 8 местечках процент евреев составлял 70–80%, 7 местечек с 10–15% и по 6 местечек, где евреев было 5–10% и 60–70% от всего населения. Таким образом, из

120 местечек в 57 еврейская часть населения составляла более 40%. Однако в Подольской губернии и в уездных городах евреи составляли довольно значительную часть населения: в Могилеве и Балте их доля достигала 60–80%.

¹ Местечко // Электронная еврейская энциклопедия [электронный ресурс]. URL: <http://www.eleven.co.il/article/12737>. (дата обращения: 28.02.2012).

² Местечки // Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона [электронный ресурс]. URL: http://dic.academic.ru/dic.nsf/brokgauz_efron/66904/Местечки. (дата обращения: 13.03.12).

³ Губернии Российской Империи: история и руководители, 1708–1917 / Ред. Грызлов Б. В., Самохвалов Н. Ф. М., 2003. С. 407.

⁴ Список населенных мест Витебской губернии / Ред. Сапунов А. П. Витебск, 1906. С. XXXVII.

⁵ Там же.

⁶ Вестник Сенатской практики. 1903. № 1/2. С. 40.

⁷ ПСЗ. Собр. 2. № 40261. Т. 38. С. 200–201.

⁸ Вестник Сенатской практики. 1903. № 1/2. С. 40.

⁹ Свод законов Российской Империи. Т. 9: Законы о состояниях. Кн. 1. СПб., 1899. Ст. 779. С. 156.

¹⁰ ПСЗ. Собр. 3. № 834. Т. 2. С. 181.

¹¹ Там же.

¹² Там же.

¹³ Там же.

¹⁴ Гульдман В. К. Подольская губерния: опыт географическо-статистического описания. Каменец-Подольский, 1889. С. 92–93, 334, 343, 369, 374, 365, 380, 387.

Приложение

Губерния	Количество местечек	
	1860/65 гг.	1913 г.
БАЛТИЙСКИЙ КРАЙ		
Курляндская губерния	0	10
Лифляндская губерния	4	1
Эстляндская губерния	1	1
Всего	5	12
КАВКАЗСКИЙ КРАЙ		
Бакинская губерния	0	1
Кутаисская губерния	2	0
Всего	2	1
ЛИТОВСКО-БЕЛОРУССКИЙ КРАЙ		
Виленская губерния	187	65
Витебская губерния	45	25
Гродненская губерния	72	45
Ковенская губерния	200	91

Губерния	Количество местечек	
	1860/65 г.	1913 г.
Минская губерния	125	64
Могилевская губерния	84	53
Всего	713	343
МАЛОРОССИЯ		
Полтавская губерния	96	44
Черниговская губерния	49	35
Всего	145	79
МОСКОВСКАЯ ПРОМЫШЛЕННАЯ ОБЛАСТЬ		
Владимирская губерния	0	2
Московская губерния	1	0
Всего	1	2
НОВОРОССИЯ		
Бессарабская область	23	19
Екатеринославская губерния	19	7
Область Войска Донского	0	1
Таврическая губерния	11	3
Херсонская губерния	110	39
Всего	163	69
ОБЛАСТЬ СРЕДНЕЙ И НИЖНЕЙ ВОЛГИ		
Самарская губерния	1	0
Всего	1	0
ПРИВИСЛЕНСКИЙ КРАЙ		
Келецкая губерния	0	1
Радомская губерния	8	0
Всего	8	1
ФИНЛЯНДИЯ		
Тавастгусская губерния	0	1
Всего	0	1
ЦЕНТРАЛЬНАЯ ЧЕРНОЗЕМНАЯ ОБЛАСТЬ		
Пензенская губерния	3	0
Всего	3	0
ЮГО-ЗАПАД		
Волынская губерния	141	95
Киевская губерния	98	84
Подольская губерния	120	83
Всего	359	262
ИТОГО	1400	770

А. Р. Царикаева

(с. Брут, Республика Северная Осетия – Алания, Российская Федерация)

ПОВСЕДНЕВНАЯ ЖИЗНЬ ЕВРЕЙСКОГО НАСЕЛЕНИЯ В СОЦИОКУЛЬТУРНОМ ПРОСТРАНСТВЕ г. ВЛАДИКАВКАЗА

В отличие от других регионов Северного Кавказа, в Северной Осетии, главным образом, во Владикавказе проживают в подавляющем большинстве европейские евреи-ашкеназы. Первые евреи поселились во Владикавказе в первой половине XIX века, когда город был крепостью. Это были искусные ремесленники – эполетчики, чемоданщики, портные, ювелиры, сапожники, часовщики, скорняки.

Число евреев-ремесленников, отлично знавших свое дело, а потому весьма нужных во Владикавказе, быстро росло. Однако в 1825 г. министр финансов России граф Е. Ф. Канкрин настоял на запрещении евреям проживать здесь, и в 1827 г., согласно указу, евреи были выселены из Владикавказа. Это привело к резкому подорожанию предметов ремесленного производства и вызвало недовольство крепостного гарнизона и местного населения, поэтому, когда в 1831 г. евреи вновь появились во Владикавказе, местные власти оказали им максимальное покровительство. Но в 1835 г. вновь было издано Положение, согласно которому евреям запрещалось жить на Кавказе. Их выселили из Терской области, в том числе и из Владикавказа. Исключение составили лишь евреи-ремесленники. Между тем, главнокомандующий Кавказской линией лично заступился за выселенных евреев, отправив в Петербург статистические данные о евреях, проживавших на Кавказе, общее число которых не превышало 10 тысяч человек. Лишь в 1837 г. евреи вновь были возвращены во Владикавказ и приписаны к мещанскому сословию. Это были выходцы из черт оседлости Херсонской, Полтавской, Екатеринославской, Могилевской, Таврической, Витебской и Гомельской губерний, а также из Польши и Германии¹.

Начиная с 1827 г., в местном гарнизоне появились рекруты-евреи, число которых доходило до двухсот². А со временем во Владикавказе стали селиться вышедшие в отставку «евреи из нижних чинов», отслужившие 25 лет и получившие право жить вне черты оседлости. Так в городе образовалась прослойка «служивых евреев», для которых в середине 1860-х была построена Солдатская синагога³.

Постепенно евреи обжились в крепости и в городе. Селились евреи во Владикавказе в основном на улицах Святополковской (ныне Тамаева), Московской (ныне Кирова), Марьинской (ныне Маркуса), Воздвиженской (ныне Августовских событий), Базарной (ныне Джанаева), Мещанской (ныне Революции), Грозненской (ныне Куйбышева), Кузнечной (ныне Рамонова), а также на главной улице города — Александровском проспекте (ныне проспект Мира). Отношения с местным населением у них всегда складывались весьма доброжелательные.

В «Сборнике сведений о Терской области» за 1878 г. указывается, что на 1 января 1877 г. число жителей Владикавказа составляло 15 868 человек, из них евреев — 742 человека: 434 мужчины и 308 женщин. На 1 января 1879 г., по данным Владикавказской городской управы, числилось 9 семей купцов, 19 семей мещан, 75 семей отставных нижних чинов, 45 семей временно проживающих и 7 семей иностранных поданных. А по первой всероссийской переписи населения 1897 г. их было уже 1 214. К 1917 году в городе было четыре синагоги, еврейское кладбище, школа, клуб и еврейское кредитное товарищество. По переписи 1923 г. во Владикавказе проживали 72 тыс. человек, из них 1143 еврея (1,6%)⁴.

Известными во Владикавказе купцами были С. Л. и Н. А. Рабиновичи, М. И. и И. И. Пенкновичи, М. А. и Ш. А. Тененбаумы, И. И. Керштейн, И. Е. Брик, Г. И. Исакович, С. В. Нитабух (арендатор Терских войсковых нефтяных источников), И. М. и А. М. Резаковы, Л. Л. Аптектман, А. Гандшер, Г. Н. Гашелин, В. Н. Лидский, Б. С. и З. Г. Сегали.

В конце XIX—начале XX века во Владикавказе особенно много было еврейских аптек, магазинов готового платья, а также «часов и золотых вещей». В городе хорошо известны были аптеки Штебера, Левандовского, Шика, Мейера, Бендета и Цырлина, а также аптекарские магазины Маха, Зейделя, Виллямовича. Широко известны были имена врачей, специалистов по внутренним болезням: М. С. Гринфельда, Я. А. Рискина, Л. А. Савальского, В. С. Минца, Л. В. Бессера, Я. Л. Рабиновича, В. А. Тарноградского, невропатолога А. Я. Шмиргельда, акушерки Р. С. Минц, окулиста Я. В. Бершанской; дантистов П. Перлштейна и М. Резаковой. Репутация высокопрофессионального медицинского учреждения была у лечебницы и электросветоводолечебного института доктора К. А. Исаковича с отделениями: хирургический, внутренние болезни, нервные болезни, женские болезни, родильный приют⁵.

Все первые секретари обкома ВКП(б) Северной Осетии были евреями — Морис Белоцкий, Давид Демиховский, Генрих Маурер; секретарем Ингушского обкома, располагавшегося во Владикавказе, — Исидор

Черноглаз; первым наркомом просвещения Терской области — Яков Маркус.

Во Владикавказе существовало еврейское благотворительное общество, которое вело культурно-просветительную работу. Затем был организован еврейский драмкружок, были созданы оргколлегия, агитколлегия, коллегия по работе среди молодежи и среди женщин. Созданы комиссии по работе среди служащих кустарей и лоточников. В состав этих комиссий вовлекался беспартийный актив, работавший под непосредственным руководством бюро. Также был организован ОЗЕТ (Общество землеустройства еврейских трудящихся). В области агитпарработы был создан временный клуб, в котором проводилась вся работа. При клубе была организована читальня, где выписывались газеты и журналы на еврейском и русском языках⁶. В клубе работали художественно-плакатный и спортивный кружки, кроме этих кружков была живая газета «Еврейский молодняк», которая в последствии была переименована в «Юнгвалд»⁷.

Несмотря на то, что внешне все хорошо выглядело, во время работы в архиве было обнаружено очень интересное письмо, которое свидетельствует о внутреннем положении работы евклуба. В нем говорится, что «евклуб должен был являться культурным центром евреев г. Владикавказа, но на самом деле клуб являлся культурным центром еврейских „совбарышень”. Как ни зайдешь в клуб, все слышишь игру на раздолбанном пианино. Льются вальсы, разные танго и т. п. В публике несет духами. Вообще можно подумать, что попал не в клуб, а на какой-то бал. Смотреть противно, что в клубе делаются такие вещи. Вообще евклубу надо подтянуться, потому, что он по внешнему и внутреннему содержанию своему похож не на клуб, а на что-то очень похожее на него»⁸.

Все тот же автор, который подписывает свои письма «тоже еврей», пишет интересные факты о читальне евклуба, говоря, что «дежурных нет, шум и гам. Разбросаны журналы и газеты. Валяются они в кучах на скамьях, на полу, но только не там, где им надо»⁹.

Большое внимание в еврейской общине г. Владикавказа уделялось образованию подрастающего поколения. Так, в 1879 г. в центре Терской области при синагоге было открыто еврейское начальное трехклассное училище. Согласно архивным документам, в 1890 г. в училище обучалось 76 мальчиков. Преподавание велось на русском языке. В числе предметов — закон Божий, русский язык, арифметика, еврейский язык (идиш), биология. Попечителем училища был владикавказский мещанин Герш Сальман, законоучителем — Цизин, окончивший курс наук в Житомирском еврейском учительском институте¹⁰.

В 1863 году, с разрешения командира Тенгинского пехотного полка полковника князя Святополка-Мирского, для нижних воинских чинов была открыта молитвенная школа. В 1864 году проживавшие в городе евреи — купцы и мещане — обратились с просьбой к Начальнику Терской области об открытии синагоги. Лорис-Меликов выделил им участок земли и дал в долг деньги из фонда Штаба войск Терской области. Община собрала и свои средства. Был построен деревянный молитвенный дом. В 1865 году синагога была освящена, в нее были внесены «по закону израильскому» божественные книги¹¹.

В 1880 году ашкеназская община выкупила часть земли и устроила там еврейское кладбище, а при нем синагогу. Деньги на нее дал местный меценат, староста погребального братства И. М. Ладыженский в память о своей жене. Староста молитвенного дома — раввин, его помощник и казначей избирались на общем собрании прихожан, затем утверждались в администрации начальника Терской области. Для решения религиозных вопросов избирались почетные комиссии, а для отправления погребальных обрядов — погребальное братство¹².

В 1885 году было издано постановление Терского областного правления о причислении еврейских обществ по делам исповедания к Владикавказской синагоге, к казенному раввину Владикавказа. В 1909 году синагога была закрыта властями. В 1914 году, когда запрет был снят, еврейская община обратилась в городскую думу с просьбой выделить земельный участок под постройку новой синагоги. В 20-х годах она была снова открыта, но через 10 лет ее здание, как и многие другие церкви, снесли.

В городе Владикавказ проживает единственная на Кавказе община европейских евреев, в отличие от горских (таты) и грузинских евреев, которые являются их соседями и проживают на Кавказе сотни лет. А еврейская община Владикавказа в начале XXI века отметила свое двухсотлетие.

В начале 1930-х годов были закрыты еврейская школа, все культурные учреждения, синагога и отобрано у общины еврейское кладбище. И только в марте 1989 г. на волне перестройки вновь была возвращена еврейская община города. В 1990 г. ей было вновь возвращено еврейское кладбище, а в 1999 г. и часть здания бывшей еврейской синагоги, где после ремонта и реставрации в сентябре 2000 г. торжественно в присутствии членов правительства Северной Осетии и мэра города, многочисленных гостей был открыт еврейский общинный дом, который никогда не пустует и где сосредоточена вся еврейская жизнь нашего города¹³.

¹ Шалом, Владикавказ: официальный сайт еврейской общины города Владикавказа [электронный ресурс]. URL: <http://jc-sholom.narod.ru/jewish.htm>. (дата обращения: 26.03.2012).

² Там же.

³ Осетинская блогосфера [электронный ресурс]. URL: <http://blogosetia.ru/20sholom-community/html> (дата обращения: 26.03.2012).

⁴ Карпенко И. Евреи старой крепости // Лехаим: Ежемесячный литературно-публицистический журнал [электронный ресурс]. URL: <http://www.lechaim.ru/ARHIV/207/karpenko.htm> (дата обращения: 26.03.2012).

⁵ Шалом, Владикавказ...

⁶ ЦГА ИПД РСО-А. ФР. 2. Оп. 1. Д. 40. Л. 12.

⁷ Там же. Л. 12 об.

⁸ Там же. Д. 41. Л. 134.

⁹ Там же. Л. 134 об.

¹⁰ Шалом Владикавказ...

¹¹ Канукова З. В. Старый Владикавказ. Историко-этнологическое исследование. Владикавказ, 2008. С. 312.

¹² Там же. С. 314

¹³ Шалом Владикавказ...

А. В. Бородкин

(Ярославль, Российская Федерация)

К ВОПРОСУ О ФОРМИРОВАНИИ ЕВРЕЙСКИХ ОБЩИН В ВЕРХНЕМ ПОВОЛЖЬЕ (по материалам Ярославской губернии)

Актуальность настоящего исследования определяется тем, что, на настоящее время, не существует общепризнанных обобщающих работ, посвященных данной проблеме. В качестве территориальных рамок в данной статье рассматривается регион Верхнего Поволжья, который в контексте настоящего исследования определяется границами Ярославской губернии. Первые сведения о пребывании евреев в Ярославском крае крайне противоречивы, поэтому ни один из исследователей не взял бы на себя смелость точно сформулировать время их появления в регионе. Достоверно можно утверждать лишь то, что история Ярославской еврейской общины еще не написана. Данная проблема неоднократно поднималась в публикациях Е. В. Кирсанова¹. Исследователь считает, что первые документальные свидетельства, касающиеся ярославских евреев, относятся к концу XVIII—началу XIX вв. С этого момента численность постоянно проживающих в Ярославле евреев не-

клонно возрастала. Принято считать, что активное формирование еврейской общины в Ярославле началось во второй половине XIX века. В 1858 г. в Ярославской губернии насчитывалось 444 еврея. В дальнейшем общине был выделен в 1862 г. участок земли в 260 саженей для захоронения евреев недалеко от Леонтьевского кладбища². Если в 1871 г. в Ярославле проживало 328 евреев, то в 1886 г. — уже 925. По переписи населения города Ярославля за 1897 г. евреями себя указали 889 человек, что составляет 1,2 % городского населения³. В 1879 г. Ярославский губернатор получает предписание провести перепись всех ремесленников-евреев, проживающих в городе. Согласно этой переписи в Ярославле проживало 24 ремесленника-еврея, прибывших сюда с семьями с конца 60-х по конец 70-х гг. из Минской, Могилевской, Курляндской, Витебской, Виленской, Ковенской, Санкт-Петербургской, Нижегородской, Волынской, Киевской и Гродненской губерний. Как указывает Е. Давыдова, в основном это были: резчики печатей, часовщики, ювелиры, плотники, торговцы, точильщики, винокуры, столяры, парикмахеры, портные и т. д.⁴

В 1886 г. в Ярославскую городскую управу было подано прошение уполномоченного Еврейского общества отставного унтер-офицера Шмуйло Лейбовича Белова об увеличении участка земли, занимаемого еврейским кладбищем, так как старый в настоящее время стал тесен для погребения. В 1884 г. ярославские евреи ходатайствовали о дозволении иметь в городе молитвенную школу, однако чиновники Министерства внутренних дел отклонили ходатайство без объяснения причин. Несколько позже община получила разрешение на молитвенный дом, находившийся на Пошехонской улице. Когда здание старой синагоги по своей тесноте и ветхости перестало удовлетворять общину, было решено построить новую. 31 августа 1912 г. ярославское губернское правление разрешило общине постройку синагоги на пересечении Большой Даниловской и Любимской улиц. Земельный участок для строительства был приобретен уполномоченными общины Марголиным и Шабашевым у Ярославских мещан Устиновых. Однако на пути строительства неожиданно появились препятствия. Только 14 июля 1915 г. хозяйственное правление общества подает в строительное отделение губернского правления прошение о разрешении приступить к постройке синагоги. В ответ следует запрос о близости расположения к месту постройки государственных и культовых зданий, о числе еврейских домовладений в городе, о сумме собранной на постройку и ее расходовании и т. д.⁵

15 августа 1915 г. хозяйственное управление общества представляет акт, подписанный председателем правления Т. И. Лейнвандгендлером

и членами правления Л. Л. Готлибом и А. Робортовичем. В нем сообщается, что постройка будет осуществляться строго за счет собранных средств, и прибегать к сбору пожертвований не предусматривается.

15 октября 1915 г. строительное отделение губернского правления в составе инженера В. П. Новикова, архитектора Г. Р. Саренко, младшего инженера И. А. Брылева указало, что «согласно статье 152 Строительного устава... в городах имеющих до 30 еврейских домовладений, разрешено иметь молитвенную школу, а... от 30 до 80 домовладений — одну синагогу, тогда как в Ярославле, только 18 еврейских домовладений»⁶. Только 20 октября 1915 г. Ярославский губернатор Л. Н. Татищев подписал разрешение на строительство синагоги.

«Сохранились воспоминания Ярославских евреев, которые еще помнят Хедер при синагоге, кантора Цемаха, шойхета Грицевича, семью железнодорожников Блох, которые пекли мацу для евреев Ярославля. По воспоминаниям старожил, раввинами в разные годы были: Янкель-Вельвель Ольга, Абрам Флексер, Арон Опочинский, Лейба Гинзбург, Арон Лифке. Кантором и хазаном был Абрам Блох, ребе в Хедере Элья Давидов, членом Хевра Кадиша — Яков Невах, Даяном — часовщик Бак»⁷.

XX век стал для еврейской общины временем тяжелых испытаний. «Пик погромов в Ярославле пришелся на 20 и 21 октября 1905 г. Были разгромлены: сапожное заведение Казарновского, гильзовая фабрика Дворкина, синагога, магазин и завод Либкена, Толкучий рынок, дома и квартиры евреев на Борисоглебской и Духовской улицах. Толпа громил достигала 1 000 человек при разгроме Толкучего рынка, и состояла из 10–15 человек при грабеже магазинов на Власьевской улице. Особо пострадал дом купцов Хаймовых и семья Танагоза. Была уничтожена мастерская Якубчика на Стрелецкой улице, мастерская Гуревича, медно-паяльная мастерская Блех на Большой Пожарской». Для предотвращения беспорядков в Ярославле была создана милиция в количестве 900 человек. «День 22 октября прошел спокойно, но за городом казакам пришлось применить силу, чтобы предотвратить погром свечного завода Брайнина, 23 октября... был разгромлен дом Ноздрева на Борисоглебской улице. 31 октября на Долгоруковской улице вновь начинаются погромы, но властям удалось рассеять их участников. Значительную часть еврейской интеллигенции спас от погромщиков архиерей Сергей, он спрятал их в подвалах Афанасьевского монастыря. В 4 вагонах нашли убежище 400 евреев спасенных от погрома рабочими железнодорожниками»⁸. На станции Урочь рабочие организовали дружину для защиты еврейских семей, а сами ярославцы после погромов собрали для пострадавших 50 088 рублей.

В 1905 г., по данным Ярославской синагоги, в городе проживало 129 семей евреев, из них в погромах пострадало имущество 70 из них.

Ярославские евреи активно участвовали в революционном движении. Так, в «Памятной записке ярославского полицмейстера» о деятельности социал-демократических кружков на Ярославской Большой мануфактуре в 1899 г. упомянута фамилия... студента местного лицея... Рабиновича⁹. В «Донесении полицейского пристава Б. Мегалинского об обнаружении в Ярославле тайной типографии» указана фамилия аптекаря Моргена», за активную революционную деятельность был «...арестован заведующий аптекой Либерман»¹⁰.

«Большой приток евреев в Ярославль вызвала первая мировая война. В основном это были беженцы из Прибалтики. Среди них, безусловно, следует выделить семью Тыняновых. Сам писатель Юрий Николаевич Тынянов, фигура общероссийского масштаба, лишь иногда бывал в Ярославле, но здесь жили и похоронены его отец и брат, оба врачи»¹¹. Общая численность беженцев-евреев из оккупированных «западных областей» составила в 1917 г. 2 838 человек. Первым председателем Комитета помощи беженцам был профессор Демидовского лицея Р. М. Орженский. В сентябре 1915 г. на этом посту его сменил А. А. Мокиевский, в актив общества входили также представители от ярославских евреев Гедройц и Эпштейн.

Весной 1917 года еврейская община в Ярославле организовалась в самостоятельную корпорацию. 18 марта состоялось общее собрание и избраны руководящие органы. Весной-летом 1917 г. регулярно проводились вечера еврейской культуры. Осенью в Ярославле начал работать «Еврейский рабочий клуб имени Бронислава Гессера», на Духовской улице было открыто еврейское кафе «Равенство»¹².

В целом Ярославские евреи внесли огромный вклад практически во все сферы экономической, культурной и общественной жизни города. Исследователям известны имена купца первой гильдии Хаима Лейзеровича Марголина — владельца торгового дома «Х. Л. Марголин с сыновьями», купца второй гильдии М. Л. Кравцовича; ювелиров купца первой гильдии Г. Л. Гольдберга и купца второй гильдии М. Г. Верпуховского, промышленников: семью Шмаглит, хлеботорговцев Робертович, кутюрье семью Гидон — владельцев фирмы «М. Е. Гидон с братьями», провизоров Исаака Моргена и Аарона Бернштейна.

Широко известны ученые и преподаватели: Н. Е. Магарик (ректор Ярославского педагогического института в 1941–1942 гг.), профессор Розенберг Лазарь Давидович (1908–?), Блехер Фаня Наумовна (1894–?), Лапидус Иосиф Абрамович (1899–1941), Захочер Борис Николаевич

(1898–1960), преподаватели: Галицкий Михаил Иосифович (1896–?), Гальперин Федор Матвеевич (1903–?), Мейман Нохим Санелевич (Наум Натанович) (1911–2001), Берштейн Яков Авадьевич (1911–?), один из ведущих биологов России. Лопшиц Абрам Миронович (1897–1984), автор учебника «Политическая экономия в связи с теорией народного хозяйства»; известный геометр, автор учебника «Аналитическая геометрия», выпускник физико-математического факультета Тулузского университета Захар (Сохер) Аронович Цейтлин (1894–?); статистик и почвовед, автор и издатель единственного описания почв всех уездов России, Бернштейн Борис Львович (1868–1932); врачи: Верзин Александр Ефимович заведующий глазным отделением Ярославской губернской больницы, специалисты по внутренним и детским болезням — Е. С. Фрадкин и Р. Л. Залкинд, дантист П. А. Брайнина.

Центральный комитет Еврейского коммунистического Союза молодежи (ЦК Евкомола) возникший на Украине, издавал в Ярославле в 1921 г. газету «Молодой еврейский боец».

Помимо Ярославля, значительные еврейские общины находились в городах Молога и Рыбинск. Остальные общины значительно уступали им по численности и значению.

История еврейской общины Рыбинска заслуживает отдельного подробнейшего исследования¹³. Особое место в ней будет принадлежать Ирвингу Берлину, родившемуся в двадцати верстах от Рыбинска в соседнем городе Молога в 1888 г. Его семья вскоре эмигрировала в США, где И. Берлин участвует в создании Бродвея. Он же является создателем неофициального гимна США «Боже, благослови Америку». Исследователь истории Рыбинской общины Л. Х. Берковский считает, что «первый еврей в Рыбинске появился в 1809 г. А в 1881 г. была основана первая еврейская община. Инициатором ее создания был Илья Авербах, прадед известного Российского кинорежиссера Ильи Авербаха. В 1916 г. в Рыбинске открылась синагога. В то время еврейская этническая группа была в Рыбинске второй по численности после русских. Из 25 000 населения 4 500 — евреи»¹⁴.

Во многом резкий рост численности еврейского населения объяснялся потоком беженцев из оккупированных районов. «В числе эвакуированных, оказалась семья... Аркадия Райкина, будущего знаменитого артиста, чьи детские годы прошли в Рыбинске. Евреи в Рыбинске селились возле синагоги, чтобы держаться поближе друг к другу. Так возникает «еврейский квартал». Синагога находилась на пересечении современных улиц Пушкина и Чкалова. В 1918 г. она была закрыта. Недалеко от синагоги проживала семья Шенкерев (Шенк). Их дети

Николай и Иосиф уехали в Америку и стали... знаменитыми основателями Голливуда»¹⁵. Известен Рыбинск и как самостоятельный политический центр. В Рыбинске находилось отделение Еврейской социал-демократической рабочей партии ЕСДРП Поалей-Цион.

Таким образом, евреи Верхнего Поволжья оставили глубочайший след в самых различных сферах общественной, культурной, политической и экономической жизни, как региона, так и за его пределами.

¹ Более подробно см.: Кирсанов Е. В. Предисловие к главе: Мемориальный комплекс захоронений конца XIX–XX веков в еврейском секторе кладбища // Ярославский некрополь. Леонтьевское кладбище. Справочник. Ярославль, 2005. С. 129–131.

² ГАЯО. Ф. 509. Оп. 1. Д. 342. Л. 7.

³ Кирсанов Е. В. Указ. соч. С. 129.

⁴ Более подробно см.: Давыдова Е. Еврейская община Ярославля // Корни № 2. 1994.

⁵ Бородкин А. В. Ярославские диаспоры до 1917 года. Ярославль, 2008. С. 62–63.

⁶ Бородкин А. В. Указ. соч. С. 62–63.

⁷ Кирсанов Е. В. Указ. соч. С. 129–130.

⁸ Бородкин А. В. Указ. соч. С. 64. Более подробно см.: Размолодин М. Л. Черносотенное движение в Ярославле и губерниях Верхнего Поволжья в 1905–1915 гг. Ярославль, 2001.

⁹ Ярославль. История города в документах и материалах. Ярославль, 1990. С. 296.

¹⁰ ГАЯО. Ф. 73. Оп. 9. Д. 291. Л. 41.

¹¹ Кирсанов Е. В. Указ. соч. С. 130.

¹² Ольнева О. В. Повседневная жизнь провинциального города в 1917 г. (По материалам Ярославской губернии). Диссертация на соискание ученой степени кандидата исторических наук по специальности «07.00.02» — Отечественная история. Ярославль, 2005. С. 48–49.

¹³ О евреях в Рыбинске см. Историко-информационный портал «WID-M-2002». URL: www.wid-m-2002.ru/life-confessions/jewishcommunity.html

¹⁴ Берковский Л. Х. «Шалом Ярославцы» // Юность. 2004. С. 18–19.

¹⁵ Берковский Л. Х. Указ. соч. С. 18–19.

Л. П. Захарова

(Тула, Российская Федерация)

ЕВРЕИ ВО ВНУТРЕННИХ ГУБЕРНИЯХ НА РУБЕЖЕ XIX–XX вв.: ОПЫТ АДАПТАЦИИ (на примере Тульской губернии)

В данной статье мы постараемся через призму конкретных еврейских судеб разобраться в проблемах адаптации евреев во внутренних губерниях Российской Империи.

Особенностью этого процесса, как весьма остроумно, хотя не без горечи заметил М. О. Гершензон, было то, что евреи, оседая в каком-либо месте и обзаводясь домом, хозяйством, определенными связями, «знают, что грех, и, внемля голосу народной воли в себе, всячески блюдут свою исключительность, но и поминутно изменяют ей; одна рука, одетая в рукав местного покроя из местной ткани, строит жилище, друга обнажена, обернута филактерией и бездействует»¹.

Среди разнообразных мотивов миграции еврейского населения во внутренние губернии, как представляется, можно выделить минимум два основных: поиски нового рынка применения своего труда и источника средств существования, либо стремление войти в российское общество на паритетных началах. Безусловно, выделенные мотивы не охватывают весь спектр возможных причин, побуждавших евреев к миграции, так как обычно в каждом индивидуальном случае действует одновременно несколько факторов.

Основной мотив миграции во внутренние губернии обуславливал избираемую индивидом модель адаптации².

Наибольшую готовность к интеграции в российское общество чаще демонстрировали лица с высшим образованием. Однако характерно, что при этом не происходило разрыва с еврейской общиной, что хорошо иллюстрируется их активной ролью в жизни общины. Так, кандидат прав, помощник присяжного поверенного Б. О. Гольденблат в то же время являлся казначеем Талмуд-Торы, кандидат прав С. Р. Варшавер, председатель хозяйственного правления 1-ой молельни, долгое время состоял почетным членом и исполнял обязанности казначея Тульского губернского попечительства детских приютов и был представлен к награждению орденом Анны 2-ой степени³. Большое значение придавалось образованной частью общины традиционной религиозной жизни в городе⁴, поддержанию традиций благотворительности. Это подтверждается не только фактами устройства благотворительных вечеров в пользу Талмуд-Торы, но и участием в городских благотворительных акциях⁵. При этом, по-видимому, особенно активно поддерживались те учебные заведения, в которых обучались ученики-евреи⁶. Т. е. можно сделать вывод, что поддерживалось не только традиционное образование, но и образование светское, способствовавшее более успешной адаптации еврейской молодежи в российском обществе.

Сохраняя и поддерживая традиции, тем не менее, «новые» евреи в своей повседневной жизни были более ориентированы на внешнее общество. Если проанализировать такой архаичный институт, как традиции имянаречения, можно выявить интересную закономерность: сте-

пень ивритизации/русификации имен детей была напрямую связана с уровнем образования и социальным статусом родителей. Так, среди людей, получивших высшее образование и обладавших достаточно высоким социальным статусом (насколько это возможно было для еврея) распространены были русифицированные либо частично русифицированные имена. Интересно, что в 1896 г. по спискам евреев-жителей г. Тулы⁷ врач Стекольников именуется Самуилом Лейбовичем, а в 1903 г. уже Самуилом Львовичем, его жена первоначально Фейга Абрамова во втором документе уже числится как Надежда Александровна (см. материал в данной статье). Показательны, на наш взгляд, также имена, даваемые детям. Даже беглое сравнение имен, принятых в семье врачей (Гринштейна, Лейбенсона) и представителей ремесленного цеха или мелких торговцев (Буховский, занимавшийся белошвейным мастерством, либо Зелёкович, торговец готовым платьем) — дает наглядную картину таких различий. В первом случае это такие имена, как Александр, Виктор, Надежда, Полина, во втором же случае — Давид, Рувим, Моисей, Сара, Шейна-Рейза. Примечательно также и то, что тот же Лейбензон, имевший вполне еврейское имя — Шимон Лейба, дает детям русифицированные имена, возможно, с целью их более легкой адаптации в окружающем обществе.

Существует еще один интересный показатель восприятия мигрантами образа жизни доминирующего общества. В среде «новых» евреев прижилась традиция летнего выезда на дачи. Так, в июне 1903 г. тульский уездный исправник Аристов подает рапорт в канцелярию тульского губернатора о том, что «в мае месяце из Тулы на дачи приехали евреи: аптекарский помощник Мирон Ильич Коган с женой Фаней Ильиной и 2 детьми, врач Самуил Львович Стекольников с женой Надеждой Александровной и 2 малолетними детьми, провизор Натан Александрович Брук с женой Бекою Александровной и 2 малолетними детьми⁸, купец Вениамин Семенович Берлин с женою Любовью Ильиничной и 4 малолетними детьми»⁹.

В среде ремесленников, мелких торговцев и части купечества более распространена была иная модель адаптации. Ее можно охарактеризовать как частичную интеграцию с большей или меньшей степенью сепарации. Для этой модели была характерна более высокая приверженность традиции, что не в последнюю очередь выражалась и во внешних признаках, в том числе, именах. Также для этой группы характерен низкий уровень грамотности как на иврите, так и на русском¹⁰. Однако были и исключения. По-видимому, здесь играла роль не только «сословная» принадлежность, но и общие установки личности. Один из ярких

примеров — Меер Исаакович Зафрен. Свой путь он начал каноником в роте при Тульском оружейном заводе. В 1860 г. его утверждают в должности раввина, которую он занимал почти 30 лет. Большое значение Зафрен придавал религиозной стороне жизни еврейской общины города. Так, в 1870 г. он на собственные деньги строит здание молельни «для беспрепятственного отправления обрядов»¹¹. Зафрен заведовал еврейским кладбищем в Туле со времени его основания в 1857 г. и до своей кончины, расширяя и благоустривая его на свои средства. Будучи человеком, безусловно, глубоко приверженным традициям, Меер Зафрен в то же время вполне успешно вписывается в хозяйственную и общественную жизнь города. Он владел несколькими домами, слесарными мастерскими, складами, принимал активное участие в городской благотворительности. Так, Зафрен жертвует 10 000 рублей на строительство нового здания Мариинского детского приюта взамен сгоревшего, с согласия Императрицы Марии Федоровны он был определен почетным старшиной Тульского губернского попечительства детских приютов. Сведения о нем внесены в Тульский синодик¹².

Встречалась в еврейской среде и третья модель адаптации — полная ассимиляция. В этом случае индивид не ограничивался заимствованием внешних признаков, которые помогали окружающим идентифицировать его в качестве «своего». Происходила полная смена культурной ориентации, включая духовные ценности. Такие случаи были чрезвычайно редки. Чаще встречалась псевдоассимиляция¹³. Тем не менее, в рассматриваемый нами период можно выделить, по меньшей мере, один случай полной ассимиляции в среде образованных евреев. Так, в 1901 г., спустя 5 лет после прибытия в Тулу, принимает православие врач Мориц Шварц, служивший при Косогорском металлургическом заводе. Священник с. Рудаково подтверждает «расположение Шварца к православной церкви»: он всегда заботился о возможности рабочих совершать религиозные обряды, детей своих воспитывал в православной вере, безвозмездно оказывал медицинскую помощь ученикам церковно-приходской школы¹⁴.

Кратко остановившись на трех моделях адаптации, мы преднамеренно не стали характеризовать еще одну возможную стратегию поведения индивида, а именно — маргинализацию. Этот наиболее сложный и неоднозначный тип аккультурации нуждается в самостоятельном основательном исследовании. Оговоримся лишь, что именно такая траектория поведения была наиболее характерна для революционизированных групп еврейства. Для них, отринувших связь с традиционной культурой, и не принятых доминирующим обществом, это была попытка найти собственную, отличную от всех существовавших, идентичность.

- ¹ Гершензон М. О. Судьбы еврейского народа и другие произведения. М.: Захаров, 2001. С. 32.
- ² Интересные выводы о способности индивида к адаптации приводит З. И. Левин. См. Левин З. И. Менталитет диаспоры (системный и социокультурный анализ). М: Институт востоковедения РАН; «Крафт+», 2001. С. 89.
- ³ См, например, отчеты о проведенных благотворительных вечерах: ГАТО. Ф. 90 (Канцелярия Тульского губернатора). Оп. 1. Т. 45. Д. 39202, 39194 [Прошения о разрешении устройства благотворительных вечеров, лотерей, спектаклей]; о представлении к награждению Соломона Варшавера орденом Анны 2-ой степени см. ГАТО. Ф. 90. Оп. 2. Д. 425.
- ⁴ См. переписку еврейской общины с Губернским правлением о разрешении открыть вторую модельню в Зареченской части города (ГАТО. Ф. 51 (Тульское губернское правление). Оп. 41. Д. 3227).
- ⁵ ГАТО. Ф. 90. Оп. 1. Т. 45. Д. 39194, 39202.
- ⁶ Так, среди участников благотворительного вечера в пользу малоимущих учеников Тульского коммерческого училища не упоминается ни одной еврейской фамилии, что объясняется запретом на прием в данное учебное заведение евреев.
- ⁷ ГАТО. Ф. 445 (Тульское городское полицейское управление). Оп. 7. Д. 5.
- ⁸ Интересно то, что Брук по спискам 1896 г. числился как Носон Аронов, а жена его Бася Айзикова, купец Берлин первоначально был Бениамином Симховым, его жена — Либой Элиевой.
- ⁹ ГАТО. Ф. 90. Оп. 1. Т. 45. Д. 38716. Л. 22.
- ¹⁰ Многие прошения представителей этой ассимиляционной группы подписывались «по неграмотности просителя» их детьми либо знакомыми.
- ¹¹ Прошение М. И. Зафрена // ГАТО. Ф. 51. Оп. 41 Д. 3227. Л. 7, 7 об.
- ¹² Тульский синодик. Тульская епархия (1558–2009) / Авторы-составители Т. В. Георгиевская, М. В. Петрова. Тула: АСТРА-ПРИНТ, 2010. С. 305. В Синодик вносились имена иерархов православной церкви и крупных благотворителей. Именно в качестве последнего, несмотря на свое иудейское исповедание, и был упомянут М. И. Зафрен.
- ¹³ Такой псевдоассимиляцией подчас было принятие крещения, которое рассматривалось как условие приобретения гражданских прав. Это подтверждается циркулярами Синода, разъяснявшими порядок крещения иудеев.
- ¹⁴ Рапорт священника с. Рудаково о принятии М. Шварцем православия // ГАТО. Ф. 3 (Тульская духовная консистория). Оп. 8. Д. 167. Л. 193.

Д. С. Федотьев

(С.-Петербург, Российская Федерация)

ЕВРЕЙСКОЕ КУПЕЧЕСТВО ПЕТЕРБУРГА ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX в.

Во второй половине XIX–начале XX в. в Петербурге сформировалась довольно крупная еврейская община, представители которой довольно быстро заняли важное место в торговой жизни столицы. Этому

во многом способствовала законодательная политика правительства в отношении евреев, следствием которой была специфическая структура еврейского населения Петербурга, состоявшего преимущественно из купцов, ремесленников и лиц с высшим образованием, т.е. наиболее предприимчивых, квалифицированных и образованных людей из еврейской среды. В то же время в Петербурге практически отсутствовали евреи, занимавшиеся неквалифицированным трудом.

Законодательные ограничения в отношении евреев касались, прежде всего, права проживания вне черты оседлости. Именно особый правовой статус еврейского населения Российской Империи во многом определял стремление значительной части евреев получить гильдейские свидетельства. Особенно притягательной в этом отношении для них была 1-я гильдия, так как только она давала возможность со временем (по истечении 10-летнего стажа) получить не ограниченное временем право повсеместного жительства и быть уравниваемыми в гражданских правах с остальным населением империи. Вследствие этого доля евреев в петербургском купечестве была чрезвычайно высока (в 1865 г. в 1-й гильдии состояло 13 евреев, в 1880 г. — 105, в 1898 г. — 162)¹, а к концу XIX в. столичные еврей-купцы 1-й гильдии по численности вышли на первое место, опередив по этому показателю русских купцов. Характерной особенностью еврейского купечества Петербурга была сравнительно небольшая, в отличие от купечества других этнических групп, разница в численности 1-й и 2-й гильдии, а на начальном этапе и вовсе наблюдалось преобладание купцов 1-й гильдии. Даже после принятия закона о едином промысловом налоге в 1898 г., когда сословные привилегии купечества потеряли свое былое значение, 1-я гильдия остается наиболее привлекательной именно для евреев (так, к 1910 г. 74,33% петербургских купцов 1-й гильдии были евреями)². Однако непосредственно в сфере торговли правовые ограничения распространялись только на ремесленников, которым по закону было предписано торговать исключительно продукцией собственного производства.

Торговля традиционно являлась важнейшим занятием еврейского населения. Это было характерно и для еврейской общины Петербурга, значительная часть которой была вовлечена в торговую деятельность. В целом во второй половине XIX–начале XX в. в среде петербургских евреев наблюдалась тенденция роста торговых занятий в ущерб ремесленным.

Специфика социальной структуры еврейского населения столицы имела следствием то, что удельный вес евреев из низшей ступени петербургского торгового мира — торговцы вразнос, был незначителен (так в 1869 г. среди 6 000 разносчиков было только 93 еврея или 1,5%).

Наиболее широко евреи были представлены в лавочной торговле, однако лишь небольшая часть этих торговых заведений составляли фешенебельные магазины. Еврейская торговля столицы представляла в основном огромное количество мелких лавочек. Значительное количество таких заведений осуществляло торговлю подержанным товаром (так в 1869 г. в 19 лавках торговали подержанным платьем и только в 3 — новым).

В целом наибольшее число еврейских торговцев было занято в торговле непродуктовыми товарами. Данные «Справочных книг о лицах петербургского купечества...» говорят о том же. В 1865 г. этой деятельностью занимался только 1 купец (8% от общего числа еврейских купцов); в 1880 г. — 79 (41%); в 1898 г. — 207 (54%). Следует также отметить, что именно эта сфера деятельности преобладала и у других этнических групп петербургского купечества. Среди товаров, которыми торговали в Петербурге в 1898 г. купцы-евреи, можно выделить, прежде всего, торговлю:

- сукном и одеждой — 46 купеческих торговых заведений (18% от всех торговых заведений еврейских купцов)
- аптечными товарами — 39 (16%)
- ювелирными изделиями и часами — 32 (13%)
- мануфактурными товарами — 21 (9%)
- лесом и стройматериалами — 17 (7%)

Уже в 60-е гг. XIX в. в Петербурге появилось несколько заведений, рассчитанных на довольно состоятельных покупателей: 3 магазина меховых изделий, 3 ювелирных магазина и 3 лавки, в которых торговали колониальными товарами, чаем, кофе, сахаром. Со временем их число неуклонно росло. Из приведенных выше данных видно, что концу XIX в. значительная часть столичных евреев занималась торговлей ювелирными изделиями и часами.

Первоначально, в 60–70-е гг. XIX в., торговля продуктами была для евреев нехарактерна, она была практически монополизирована русскими крестьянами, которые торговали товарами сельскохозяйственного производства. Однако имелось 9 еврейских мясных лавок, где продавалось кошерное мясо, таким образом, они были рассчитаны на евреев же. Однако уже к концу века евреи активно включились в торговлю хлебом и сахаром. В 1898 г. 6% еврейских купцов, торговавших в Петербурге, занимались хлебной торговлей, а 2% торговали сахаром³.

Что же касается территориального расположения торговых предприятий, то ситуация здесь в целом схожа с расселением самих евреев. Как и в случае с местом проживания, они очень часто содержали свои пред-

приятия в 4-ом участке Спасской части (в 1870 г. здесь размещалось 24% торговых предприятий; в 1880 г. — 30%; 1898 г. — 20%)⁴, и это не случайно, так как именно в этой части располагалось большое количество торговых площадей, важнейшей из которых для евреев стал построенный в 1867 г. Ново-Александровский рынок (пересечение Садовой и Вознесенского проспекта). Выходившая к Фонтанке часть этого рынка получила название Еврейский пассаж. Здесь в лавках продавались гобелены, ковры, хрусталь, фарфор, картины, старинные монеты, меха. Здесь же торговцы занимались скупкой вещей. Там продавали и покупали также золотые, серебряные вещи и драгоценные камни. Во всех корпусах и внутренних пассажах огромного рынка велась торговля подержанными предметами домашнего хозяйства, убранства и одежды, старым железом, чугуном, экипажами, сбруей и пр. Здесь было много мелких мастерских, дешевых лавочек, обслуживавших бедный люд, но не было размаха оптовой и привозной торговли. Лавки и мастерские принадлежали почти исключительно евреям.

Следом за Спасской частью по количеству торговых предприятий евреев выделяются Московская (в 1898 г. здесь размещалось 11% торговых заведений евреев) и Литейная (в 1898 г. — 8%) часть. В начале XX в. сформировался второй крупный район деловой активности евреев, который включал окрестности Староневского проспекта. Это был также торгово-ремесленный район, но более высокого уровня, чем 4-й участок Спасской части.

Следует заметить, что евреи зачастую размещали свои торговые предприятия поблизости от места проживания. Более того, довольно значительная группа этих еврейских купцов содержали свои лавки в доме проживания (в 1870 г. — 32%; в 1880 г. — 47%; в 1898 г. — 30%)⁵.

Таким образом, торговая деятельность евреев в Петербурге на рубеже XIX — XX вв. динамично развивалась, несмотря на многие неблагоприятные условия, касающиеся, прежде всего, ограничительного законодательства.

¹ Подсчитано: Справочная книга о лицах, получивших на 1865 г. купеческие свидетельства по 1 и 2 гильдии. СПб., 1865; Справочная книга о лицах, получивших на 1880 г. купеческие свидетельства по 1 и 2 гильдии. СПб., 1880; Справочная книга о лицах, получивших на 1898 г. купеческие свидетельства по 1 и 2 гильдии. СПб., 1898.

² РГИА. Ф. 23. Оп. 26. Д. 5. Л. 27.

³ См. Османов А. И. Купцы Петербурга. СПб., 2010.

⁴ Подсчитано: Справочная книга о лицах...

⁵ Подсчитано: Справочная книга о лицах...

Е. С. Норкина

(С.-Петербург, Российская Федерация)

ВЛАСТЬ И ЕВРЕИ НА ТЕРРИТОРИИ ШОСТЕНСКОГО ПОРОХОВОГО ЗАВОДА (ЧЕРНИГОВСКОЙ ГУБЕРНИИ) в 1860-е–1880-е гг.

31 октября 1888 г. один из артиллерийских чиновников прибыл на кладбище Михайловского Шостенского порохового завода¹ и с помощью нанятых рабочих сломал кладбищенский домик, который был и жилищем сторожа З. Ю. Гольдшмидта, и служил для выполнения обрядов перед погребением умерших евреев. По свидетельству потерпевшего З. Ю. Гольдшмидта, кладбищенский домик был сломан до основания, богослужебные принадлежности разбросаны, и, кроме того, чиновник запретил впредь погребать евреев на кладбище. Был ли этот факт проявлением антиеврейских настроений и закономерным для 1880-х годов, когда ужесточилась политика по отношению к еврейскому населению Российской Империи и обострились отношения между евреями и местными группами населения, или этот случай был вызван политикой руководства Шостенского порохового завода по отношению ко всему пришлому населению? Выявление особенностей возникновения и решения еврейского вопроса чиновниками Глуховского уезда Черниговской губернии в 1880-х гг. является целью данного исследования.

Для погребения состоявших на службе в Михайловском Шостенском пороховом заводе нижних чинов иудейского вероисповедания был отведен участок казенной земли, принадлежащий заводу². На этой земле хоронили также членов семейств нижних чинов евреев, служивших на заводе и после отставки оставшихся жить на заводской территории. По свидетельству и. д. начальника завода, полковника Пылкова, на этом участке кладбище в начале 1880-х гг. евреи начали хоронить не только местных единоверцев, но и за особое вознаграждение прибывающих из ближайших населенных пунктов. Чтобы прекратить использование «пришлыми евреями казенной земли»³, он приказал разрушить кладбищенский домик. Действия чиновника хозяин разрушенного кладбищенского домика пытался обжаловать у Военного прокурора Киевского окружного суда, однако последний отправил его с этим прошением к начальству военнослужащих. В то же время группа шостенских евреев подала прошение Черниговскому губернатору, который признал действия чиновника по разгрому кладбищенского домика самоуправными. В ходе долгой переписки по этой проблеме чиновники (как гражданские, так и

военные) задавались вопросом: кто имеет право решать проблему надзора за местным и иногородним населением на территории Шостенского порохового завода и, в частности, в чьи обязанности входит наблюдение за захоронениями на кладбище для служащих иудейского исповедания. Последний вопрос решался наряду с проблемой наблюдения за пришлым населением Шостки, которое, не имея отношения к работе завода, постепенно селилось на его территории.

Прибывающее на территорию Шостенского порохового завода население, в том числе и еврейское, постепенно покупало дома на его территории и становилось фактически независимым от военного начальства завода и потому не подчинялось его распоряжениям. В связи с этим уже в 1870-х гг. возник вопрос о праве военного начальства завода выселять тех лиц, которых оно признает вредными. Положением 13 августа 1881 г. начальнику Михайловского Шостенского порохового завода были присвоены права и обязанности командующего крепости в мирное время, что давало ему право удалять все непригодное для завода население. Информацию о «вредных» категориях населения начальник завода мог получить от полицейского урядника, который в Шостке не имел возможности находиться постоянно в силу служебных отлучек. На время его отсутствия в Шостке не оставалось никакой полицейской власти.

Начальство завода было заинтересовано в том, чтобы «в состав поселенцев на земле порохового завода не вторгались элементы, не соответствующие интересам завода»⁴. В 1881 г. при Главном артиллерийском управлении для разработки вопроса «о мерах к обеспечению старослужащих рабочих Шостенского порохового завода, проживавших на заводской земле, и о прекращении увеличения населения на заводских землях» была образована особая комиссия из представителей трех министерств — военного, внутренних дел и государственных имуществ. В ней, в числе прочих, обсуждался и вопрос о евреях, которые, по мнению членов этой комиссии, «самоуправно поселились на этой земле»⁵. К нежелательному и бесполезному для завода населению члены комиссии относили «всякую личность, не имеющую в настоящем и не имевшую в прошлом никакого прямого отношения с заводом, конечно, исключая торговцев и ремесленников из христиан, число которых ограничивается, даже без всякого вмешательства власти, размером спроса на их товар»⁶. В риторике членов комиссии евреи выступали «жидовским населением, проскользнувшим в Шостку под шумок разными обходными путями»⁷. Они подчеркивали, что любая еврейская колония отличается более быстрым увеличением в сравнении с другими видами населенных пунктов. В качестве доводов к запрещению евреям селиться в Шостке, они указы-

вали на еврейскую эксплуатацию населения и угрозу для благосостояния местных жителей, а также исторически доказанное «растлевающее влияние еврейского общества среди христиан». При этом важно отметить, что использование мотивов так называемой «еврейской эксплуатации» и вредного влияния на христианское население были распространены в целом в Российской Империи 2-й половины XIX века⁸.

По данным и. д. начальника Шостенского порохового завода полковника Пылкова, население Шостки составляло 3 541 чел., из которых 390 человек были евреями⁹. Первоначально на территории Шостенского порохового завода селились евреи из числа нижних чинов, работавших на заводе еще в 1-й половине XIX в. Позднее здесь стали поселяться еврей-подрядчики, которые в черте оседлости зачастую поставляли необходимые товары в различные государственные учреждения. До определенного времени местная власть не обращала внимания на еврейское население из-за его малочисленности. Евреи обратили на себя внимание чиновников в 1881 г., видимо, в период, когда в среде рабочих обнаружилось антиеврейское движение. Вероятно, это происходило на фоне начавшихся во многих местах Российской Империи еврейских погромов¹⁰. Кроме того, за 1881–1884 гг. численность еврейского населения увеличилась на 30 человек. По выражению инспектора пороховых заводов, евреи «стали наводнять Шостку в размерах, крайне опасных для завода»¹¹. В увеличении численности евреев на территории Шостенского завода обвинялась местная полиция, которая, по свидетельству военного начальства (инспектора пороховых заводов и начальника завода), невнимательно следила за прибывающим населением. Один за другим начальники Шостенского завода настаивали на выселении евреев как вредной категории населения и оставлении в собственности у рабочих завода домов без права продажи их пришлому населению, не имеющему отношения к работе завода. И. д. начальника завода Пылков писал в 1884 г. в Главное артиллерийское управление: «в Шостке находится большое число евреев, которые, как известно, добровольно никогда не подчинятся самым основательным распоряжениям, если только они хотя скольконибудь стесняют их прибыльные предприятия»¹². Его мнение разделял и инспектор пороховых заводов, полагая, что от запрещения евреям селиться на территории завода не следует опасаться каких-либо затруднений по поставкам для завода, и, кроме того, по мнению инспектора, участие евреев в подрядах приносило заводу больше вреда, чем пользы.

Еще одной причиной, которую называли и инспектор пороховых заводов, и начальник завода, для выселения евреев были сведения о тайной торговле евреев водкой. С одной стороны, подобное обвинение в от-

ношении евреев было распространено в Российской Империи, с другой стороны, у военного начальства были на то свои основания, не только по отношению к еврейскому населению. В инструкции, данной Михайловскому Шостенскому пороховому заводу в начале 1887 г., в одном из пунктов было прописано: «Чтоб никто из жителей не производил тайной торговли водкой»¹³.

Примечательно, что в переписке между чиновниками отсутствовало упоминание о «временных правилах 3 мая 1882 г.», согласно которым евреям воспрещалось вновь селиться вне городов и местечек, тогда как в решении проблемы выселения евреев они имели законное основание сослаться на указанные временные правила¹⁴. Только в 1886 г. военное начальство обратило внимание на нарушение этого закона на территории Шостенского порохового завода в ходе решения вопроса о выселении евреев.

Когда Военный Совет одобрил предложение о внесении дела о Шостенских евреях в Государственный Совет для возможного дополнения законов о евреях, инспектор пороховых заводов отметил, что неверно возбуждать вопрос о выселении только евреев, тогда как на территории завода помимо евреев проживает большое количество населения, не имеющего никакого отношения к заводу.

Таким образом, еврейский вопрос на территории Михайловского Шостенского порохового завода имел второстепенное значение. Он возник в связи с проблемой увеличения населения, проживавшего на территории завода, но не имевшего никакого отношения к его работе. В связи с малочисленностью еврейского населения на территории Шостенского завода здесь, в отличие от других местностей черты еврейской оседлости, напряженные отношения между местным населением и евреями появились только в 1881 г., т. е. в то же время, когда проходили антиеврейские погромы. Несмотря на довольно продолжительное отсутствие негативных отношений чиновников к евреям (до начала 1880-х гг.), в их риторике присутствуют распространенные в то время в Российской Империи образы и характеристики евреев как «эксплуатирующих и изворотливых людей». Заметно разделение позиций чиновников разных ведомств: со стороны гражданской власти выселение евреев и разрушение кладбищенского домика признавалось самоуправным, а, напротив, все военные чиновники настаивали на обязательном выселении евреев с территории завода. Общим в попытке решения еврейского вопроса на территории Шостенского завода в сравнении с другими территориями Российской Империи была продолжительная переписка, затяжной характер дела, перемежающийся, как и во многих других случаях, запутанностью и растерянностью чиновников по поводу разделения властных

полномочий по тому или иному вопросу. Этот, казалось бы, частный вопрос демонстрирует ход изменений во внутренней политике властей в 1880-е гг., в том числе и в отношении еврейского населения.

- ¹ Михайловский Шостенский пороховой завод (запущен в 1739 г.) находился в местечке Шостка Глуховского уезда Черниговской губернии.
- ² Кладбище было устроено на самой непроизводительной песчаной почве и на противоположной стороне от т. н. порохового городка. Подробнее об этом см.: П. Шостка // Черниговские губернские ведомости. 11.12.1888. № 97.
- ³ Архив ВИМАИВиВС. Ф. 6. Оп. 6/1. Д. 646. Л. 4.
- ⁴ Там же. Л. 27.
- ⁵ Там же. Л. 15–15об.
- ⁶ Там же. Л. 15об.
- ⁷ Там же. Л. 16.
- ⁸ См. например: Aronson. M. The Attitudes of Russian Officials in the 1880s Toward Jewish Assimilation and Emigration // Slavic Review. Vol. 34. № 1 (Mar., 1975), pp. 1–18, Klier J. Imperial Russia's Jewish Question, 1855–1881. Cambridge, 1995.
- ⁹ Архив ВИМАИВиВС. Ф. 6. Оп. 6/1. Д. 496. Л. 32.
- ¹⁰ В переписке чиновники отмечали, что такое волнение среди рабочих завода было связано с тем, что евреи, якобы, окружили их своими шинками, потому в 1881 г. пришлось закрыть 9 еврейских шинков на территории завода.
- ¹¹ Архив ВИМАИВиВС. Ф. 6. Оп. 6/1. Д. 646. Л. 38об.
- ¹² Там же. Д. 496. Л. 8об.
- ¹³ Там же. Л. 36.
- ¹⁴ ПСЗ. Собр. 2. № 834. Т. 2. С. 181.

А. Т. Царикаев

(Владикавказ, Российская Федерация)

ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ЕВРЕЕВ ВЛАДИКАВКАЗА в 1920-е гг.

Владикавказ исторически сложился как полиэтнический город, где десятилетиями жили и взаимодействовали представители самых разных национальностей: русские, армяне, грузины, греки, осетины, немцы, словенцы и др. Как отмечает доктор исторических наук З. В. Канукова: «Полиэтничность была основной структурообразующей характеристикой Владикавказа»¹.

Свое место в городском социуме занимали и евреи-ашкенази. История владикавказских евреев представляет интерес, прежде всего, в плане изучения их предпринимательской деятельности. Представители диа-

споральной группы евреев к 1914 г. имели прочные позиции в определенных видах городской торговли: готовым платьем, галантереей, аптекарскими товарами и ювелирными изделиями. По данным податных инспекторов на 1915 г. среди владельцев торгово-промышленных заведений г. Владикавказа с оборотом не менее 10 000 руб. было не менее 51 предпринимателя-еврея².

К предпринимательской верхушке дореволюционного Владикавказа принадлежали А. Я. Тарноградский, Л. Г. Табашников, Я. И. Мальчик, А. П. Шимкевич, И. В. Русецкий, И. А. Рискин, Ц. А. Сандубра и др. Революционные потрясения 1917 г. и гражданская война, естественно, не могли не коснуться и еврейского населения, представителей его деловых кругов. Так, например, эмигрировали во Францию известные купцы Резаковы, часть еврейских торговцев разорилась.

По данным переписи 1923 г., в городе проживало 1143 еврея, из которых женщин 590 человек, а мужчин — 553. Перепись 1926 г. зафиксировала, что в половой структуре еврейского населения произошли изменения: при общем уменьшении его численности (1 001 человек) произошло довольно резкое сокращение количества женщин с 590 до 497 человек. Количество мужчин уменьшилось с 553 до 504 человек. Неравномерно распределялось еврейское население и по районам города, абсолютное большинство евреев (1 042) проживало в его центральной части³.

Провозглашение новой экономической политики вызвало всплеск предпринимательской активности евреев. Ее развитию способствовали имевшийся у многих в прошлом опыт предпринимательской деятельности и преимущественно «разрешительный» по отношению к частной инициативе характер государственного законодательства первых лет нэпа.

Документы свидетельствуют, что в предпринимательскую деятельность во Владикавказе в 1920-е гг. в основном были вовлечены представители 7 этнических групп: персы, армяне, русские, грузины, осетины, евреи и греки.)

Анализ разнообразных источников позволяет говорить о своеобразной этнической предпринимательской специализации евреев — в большинстве своем они были вовлечены в торговлю галантереей, мануфактурой, обувью, готовым платьем и коженными товарами. Подобная специализация сложилась не в период нэпа, а, в принципе, была характерна для евреев еще с дореволюционных времен. Так, по состоянию на 10 марта 1925 г. в списке лиц, лишенных избирательных прав по пунктам «А», «Б» и «В», числилось 79 евреев-предпринимателей⁴. Среди «лишенцев» 31 предприниматель торговал галантереей, 16 — мануфактурой и 7 — коженно-обувными товарами. На рынке мануфактурно-

галантерейных товаров в г. Владикавказе в середине 1920-х гг. действовал ряд торговых фирм, возглавлявшихся евреями. Евреи отличались известной корпоративностью, поэтому компаньоны были единоверцами, более того, в приказчики нанимались, как правило, тоже евреи, зачастую родственники. Известна в городе была фирма «М. Тененбаум и П. Мокротоваров», занимавшаяся торговлей мануфактурой. Ее совладельцами являлись Михаил Абрамович Тененбаум и Павел Петрович Мокротоваров. На рынке мануфактурно-галантерейных товаров действовали фирмы «Фрейдлин и К°» трех компаньонов — Сима Михайловича Фрейдлина, Соломона Абрамовича Тененбаума и Исаия Абрамовича Тененбаума, «Табашников и К°» Лазаря Гидальевича Табашникова, Льва Исаевича Мальчика и Хацкела Израилевича Кацнера. Одним из наиболее солидных предпринимателей нэповского Владикавказа являлся провизор Бенициан Моисеевич Борок, владелец самого крупного во Владикавказе магазина «Санитарии и гигиены». У женщин-евреек, вовлеченных в торговлю, еще более отчетливо, чем у мужчин, проявилась галантерейно-мануфактурная специализация. В абсолютном большинстве они торговали на базаре по патентам II и III разрядов. Среди еврейских женщин-торговок можно выделить следующих: Эсфирь Соломоновна Кацман, Фейга Зельмановна Фримерман, Полина Самуиловна Сандлер, Ревекка Израилевна Кацнер, Итта Ароновна Колбановская, Софья Лазаревна Асовская, Вера Михайловна Глазер, София Григорьевна Бари и Злата Израилевна Прижибельская.

Сильные позиции у евреев-предпринимателей были в корпоративных организациях частных коммерсантов. В первой половине 1920-х гг. председателем Рыночного комитета г. Владикавказа являлся Соломон Мейерович Слезников, «крупный торговец-профессионал»⁵, как его характеризовал городской избирком.

Широко евреи-предприниматели были представлены во Владикавказском Обществе Взаимного Кредита. К концу первого года работы общества, т. е. на 1 октября 1925 г., в составе управления из 28 человек 5 были евреями⁶. С 1925 по 1928 гг. председателем правления, руководившего повседневной работой ОВК, являлся Григорий Львович Файнштейн. В период новой экономической политики евреи продолжили занятие своими традиционными промыслами. Среди одиночек, связанных с кустарным промыслом, одной из самых распространенных была профессия часовщика. Как правило, часовые мастерские располагались в центре города: по Пролетарскому проспекту, по ул. Кооперации и Республиканской. Горожанам были хорошо известны часовые мастерские Арона Израилевича Гершковича, Иосифа Леонтьевича Гольферга, Иосифа Владимировича Русецко-

го, Шмуля Мовшевича Каца и Исаака Матвеевича Гуровского. Самым известным владикавказским ювелиром был Адольф Иосифович Гурский.

Евреи-предприниматели традиционно имели сильное влияние на своих соплеменников. Важным инструментом этого влияния была религиозная община евреев. В первой половине 1920-х годов председателями еврейской общины Владикавказа были известные торговцы Лазарь Гидальевич Табашников и Герш Лейбович Гин.

Активно включившись в предпринимательскую деятельность с введением новой экономической политики, евреи стали неотъемлемой частью деловых кругов г. Владикавказа. Обладая деловой хваткой и предпринимательским талантом, евреи сумели занять прочные позиции в галантерейной, мануфактурной и кожевенно-обувной торговле. У евреев, особенно сильно проявилась этническая специфика в предпринимательстве. Евреи-предприниматели в большинстве своем были представлены крупными до-революционными торговцами либо людьми, до революции работавшими по найму в качестве приказчиков, бухгалтеров и конторщиков. По нашим подсчетам, только торговлей в 1920-е гг. занимались не менее 100 городских евреев. С наступлением на частный капитал, развернувшимся со второй половины 1926 г., евреи-предприниматели, как и представители других этнических групп г. Владикавказа, постепенно свернули свою деятельность.

¹ Канукова З. В. Старый Владикавказ: Историко-этнологическое исследование. Владикавказ, 2001. С. 4.

² Подсчитано по: Терский календарь на 1915 г. Владикавказ, 1914. С. 135–158.

³ По переписи 1923 г.; ЦГА РСФСР-А. ФР-222. Оп. 2. Д. 2. Л. 102–106об.

⁴ Подсчитано по: ЦГА РСФСР-А. ФР-222. Оп. 2. Д. 2. Л. 99.

⁵ ЦГА РСФСР-А. ФР-223. Оп.1. Д.8. Л.68.

⁶ ЦГА ИПД РСФСР-А. ФР-2. Оп. 1. Д. 19. Л. 49.

Н. С. Васькив

(Каменец-Подольский, Украина)

ОТБРАЖЕНИЕ ОСВОЕНИЯ БИРОБИДЖАНА В УКРАИНСКОМ ПУТЕВОМ ОЧЕРКЕ 1930-х гг.

Среди многочисленных поездок Ивана Багмута было и путешествие 1930 года на земли создаваемого Еврейского автономного района (области), который часто называли проще, по названию столицы, — Биробиджаном. Результатом становится сборник очерков «Прериями и джунглями Биробиджана»¹ (1931). Эфраим Райцин не принадлежал к числу

продуктивных творцов путевых очерков. Но его, еврея по национальности, не могли не заинтересовать преобразования в Еврейском автономном районе, после поездки он издает свои очерки «По Биробиджану»².

И. Багмут — широко известный в Украине литератор, прежде всего как автор повести для детей «Счастливый день суворовца Криничного». Об Э. Райцине читателю известно мало. Родился он на Волыни в 1903 г., с 1929 г. жил в Киеве, работал журналистом. До войны перевел много произведений XIX–XX вв. с идиша на украинский язык, в том числе и сборник избранных произведений Шолом-Алейхема. В годы войны и послевоенный период написал несколько популярных в свое время пьес.

Создание еврейской автономии в СССР имело целью решить нескольких проблем. Во-первых, доказать всему миру, как в советском государстве уважают евреев и «мудро» решают «еврейский вопрос». Во-вторых, путем переселения советских и зарубежных евреев можно было освоить значительную территорию Дальнего Востока, богатую минеральными ресурсами. Евреи вместе с другими переселенцами должны были «пустыню превратить в роскошный край»³ (во всех цитатах перевод мой. — *Н. В.*). В-третьих, делалось это «в пику» идее еврейского государства в Палестине. В книгах И. Багмута и Э. Райцина это противостояние «зловредному» сионизму время от времени находит свои отголоски. Так, раздражение у И. Багмута вызывает высказывание о Биробиджане «Арцо эйхло ешвего» («Страна, пожирающая своих жителей»). Он считает это высказывание злым вымыслом врагов-сионистов⁴. Достается сионистам и от Э. Райцина. Так, он рассказывает о каком-то юноше, агитировавшем бежать из Биробиджана. Сразу же приводится комментарий переселенца из Уругвая: «Палестиною завоняло»⁵. Постоянно акцентируется, что равноправными и счастливыми евреи могут быть только в СССР.

Еще одна причина создания еврейской автономии в Советском Союзе — расчет на серьезную финансовую и техническую помощь со стороны разнообразных международных организаций. Этот расчет был верным. Э. Райцин сообщает, что из США от «Икора» прибыло оборудование для фабрики по производству стандартных домов. Правда, «эта машинерия под дождем ржавеет»⁶. Очеркисты постоянно сообщают о проржавевшей технике, о кладбищах тракторов или автомобилей⁷, о «трупах двух полуторатонок»⁸, о том, что «тракторов шесть загнали в болото»⁹.

Бивуачная, неустроенная жизнь постоянно вырисовывается со страниц очерков. Так, И. Багмут отмечает, что «вообще впечатление от Валдхейма, как и от всего Биробиджана, это — гигантское начатое строительство»¹⁰. Но кажется, как убеждает и Э. Райцин, это строительство почти никогда не заканчивается. Багмут воспринимает Хабаровск как «огром-

нейший пересыльный пункт», а «люди Хабаровска производят впечатление пассажиров»¹¹. Связано это с тем, что никакого четкого плана освоения новых земель не было.

Обычно причину начинают искать не в управленческих неладах, а в выявлении вредителей. Хотя сами работники «спасительную» идею вредительства отбрасывают, считая, что «инженер из него [директора фабрики — *Н. В.*], как из меня раввин»¹². И. Багмут констатирует невысокий уровень компетентности председателя колхоза, ибо его прислали из столицы, с завода¹³. Возникает даже анекдотическая ситуация, когда среди необозримых лесов не хватает строительного дерева¹⁴. Реальные достижения являются результатом инициативы отдельных граждан, а не власти, они достигаются в противостоянии с представителями власти.

Нелады прибывших евреев начинаются с первых шагов на биробиджанской земле. Переселенцев негде разместить, они живут в переполненных бараках, «в бараках грязь, теснота, вонь»¹⁵, нет бань, уборных, всюду полная антисанитария, угрожающая распространением эпидемий.

Райпартком не имеет никаких сведений о состоянии дел на строительстве и в колхозах¹⁶, не было ни малейшего представления, где какие специалисты требуются, и это при том, что нехватка человеческих рук была катастрофической. «Твердого плана, как распределять переселенцев, не было»¹⁷. Новых жителей или ставили на неизвестную для них работу, или долго держали вообще без работы, поэтому текучесть кадров была очень высокой, многие просто убегали. Э. Райцин неоднократно указывает на то, что нет никаких норм труда ни в колхозах, ни на производстве. Такая бесконтрольность и безнаказанность порождают безделье, прогулы, пьянство, жалобы со стороны тех, кто работает и кто не работает¹⁸. Бичом переселенцев становится отсутствие жилья, о котором никто не подумал до их приезда и ничего не делал для решения этой проблемы.

Сообщения об успешных, прибыльных хозяйствах встречаются часто. Они не влияют существенно на общее состояние дел, но литераторы пытаются сосредоточить внимание именно на них и излучать социально-политический оптимизм. Поэтому пафосных фраз, даже при не очень удачном развитии событий, в избытке. Чаще всего это попытки делать хорошую мину при плохой игре, придать неладам видимость случайности, временности или просто результата «коварной» буржуазно-сионистской агитации. Особенно нравится литераторам завершать на высокой патетической ноте разделы или всю книгу. Э. Райцин с восхищением рассказывает о девочке Голде, которая пишет завшкеры заявление с просьбой повлиять на отца, ибо она сама не может убедить его остаться в колхозе. Ученик Цирульник в школьной стенгазете опубликовал статью «Моя

мать лодырь», ведь она не хочет работать дояркой. Писателя радует эта статья с последней фразой: «Мне стыдно за такую мать»¹⁹. Очевидно, социум был «беременным» такими Павликами Морозовыми.

О еврейском освоении Биробиджана И. Багмут подает немного информации, исключительно позитивной: преодолевая трудности, иногда невероятные, переселенцы возводят «первые еврейские коммуны»; три года в Амурсзете будто бы закаляют, что уже ничто не собьет коммунара с правильного пути: евреи получили трактора, а значит, никогда не уедут из колхозов и коммун и т. п. Евреи мирно уживаются с представителями других национальностей, органически инкорпорируются в разные сообщества, о чем должно свидетельствовать даже макароническое смешение русских и еврейских ругательств²⁰.

Э. Райцин лишен таких розовых очков во взглядах на решение межнациональных проблем. Его тешит размах переселения, ведь прибывают соплеменники из разных уголков Союза, из Ковна (Каунаса), Южной Америки, США и др. Руководство значительной частью тоже формировалось из евреев, но по характеру деятельности оно ничем не отличалось от типично советского «руководителя».

Климатические условия даже летом очень суровые, переселенцам приспособиться к ним очень тяжело, если возможно вообще. По профессии работает разве что «брадобрей из Аргентины», остальные вынуждены становиться на любую работу. Из-за неразумного планирования остается мало желающих работать в таких условиях, текучесть кадров невероятно высока. «Всего за первые шесть лет колонизации прибыло 19 635 евреев, а выехало 11 450, то есть осталось 8 185 человек»²¹.

Проблемы межнациональных взаимоотношений оказываются чрезвычайно сложными и запутанными. Национальное противостояние резко возрастает, как только возникает угроза материальным или иным интересам той или другой общности. Коренные жители не желают принимать переселенцев-евреев. И. Багмут приводит текст обидных антиеврейских частушек, составленных местными русскими, правда, пытается представить их невинными шутками²².

В еврейских колхозах и коммунах с таким же противостоянием воспринимают переселенцев других национальностей. Антисемитизм порождает ответную реакцию и т. п. Странно, но в СССР, на территории бывшей Российской Империи, наблюдаются факты еврейского шовинизма. «Антисемитские настроения, разжигаемые опытной рукой, не утихали. Переселенцы <...> ко всему начали относиться подозрительно, в поступках каждого искать враждебность, создавалась и среди переселенцев благодатная почва для распространения национальной вражды, для

разжигания шовинистических настроений, мол, в *нашем* Биробиджане *мы*, а не кто другой соль земли. Нам все блага в первую очередь»²³.

Из книг очерков Ивана Багмута «Прериями и джунглями Биробиджана» и Эфраима Райцина «По Биробиджану» читатель получает много ценной информации об авантюрных попытках 1930-х годов широко освоить этот дальневосточный край, переселив на эти земли евреев и создав еврейскую автономию. Собственные впечатления писателей скрупулезны, точны, являются результатами их личных наблюдений, а не сомнительных свидетельств «очевидцев» или сообщений советских газет. На первый взгляд, увиденное воссоздается в свете официальной идеологии того времени, преисполнено энтузиастических иллюзий и «правильных» политических оценок. Однако стремление к точности, детальности изображения приводит к тому, что «между строк» можно вычитать немало интересной информации, которая свидетельствует о хаотичности, бессистемности заселения нового края, строительства новых предприятий и создания колхозов и коммун, неумении советско-партийных руководителей хозяйствовать, организовывать и согласовывать все звенья общественного бытия переселенцев. В книгах дается веское обоснование того, что биробиджанский проект вскоре потерпел фиаско, и это было неизбежно.

¹ Багмут И. Прериями та джунглями Біробіджану / Ів. Багмут. — Харків-Одеса : Молодий більшовик, 1931. — 148 с. (В дальнейшем — Багмут).

² Райцин Е. По Біробіджану: нариси / Е. Райцин. — Харків : Український робітник, 1933. — 88 с. (В дальнейшем — Райцин).

³ Багмут. С. 6.

⁴ Там же. С. 62.

⁵ Райцин. С. 26.

⁶ Райцин. С. 29–30.

⁷ Багмут. С. 75, 94.

⁸ Райцин. С. 87.

⁹ Багмут. С. 114.

¹⁰ Там же. С. 64.

¹¹ Там же. С. 16.

¹² Райцин. С. 31.

¹³ Багмут. С. 104.

¹⁴ Райцин. С. 11.

¹⁵ Там же. С. 8.

¹⁶ Там же. С. 54.

¹⁷ Там же. С. 34.

¹⁸ Там же. С. 51.

¹⁹ Там же. С. 74–75.

²⁰ Багмут. С. 108.

²¹ Биробиджан // Электронная еврейская энциклопедия. URL: <http://www.eleven.co.il/article/10642>

²² Багмут. С. 102.

²³ Райцин. С. 57.

ЕВРЕИ И ГОСУДАРСТВО

О. А. Любезников

(С.-Петербург, Российская Федерация)

УЧАСТИЕ Н. Н. НОВОСИЛЬЦОВА В РЕШЕНИИ ЕВРЕЙСКОГО ВОПРОСА В ЦАРСТВЕ ПОЛЬСКОМ И ЗАПАДНЫХ ГУБЕРНИЯХ РОССИИ в 1810-е–1820-е гг.

В начале XIX века культурно-религиозные, социально-экономические и политические особенности положения евреев вызывали беспокойство российской политической элиты. Активное участие в решении еврейского вопроса принимал сподвижник Александра I, полномочный делегат при Правительственном совете Царства Польского, попечитель Виленского учебного округа Н. Н. Новосильцов.

В созданный в 1802 г. для решения проблем евреев правительственный Еврейский комитет Н. Н. Новосильцов вносил мнения о реформе еврейского быта самих евреев, наладив связь с еврейскими общинами Западных губерний¹. Так, в марте 1802 г. он находился в переписке с еврейским откупщиком Нотой Ноткиным, пытаясь достать сведения «о числе душ евреев купцов и мещан по белорусскому краю»². В составе второго Еврейского комитета 1806 года Новосильцов занимался трудностями переселения евреев из деревень в города³.

В 1816 г. Александр I поручил Н. Н. Новосильцову собрать сведения о нуждах евреев в Царстве Польском, в котором евреи, по Конституции, не имели гражданских и политических прав, а польская элита была настроена юдофобски. Свою цель Новосильцов видел в том, «дабы на будущее время не только обеспечить и улучшить жребий сказанного племени, но и соделать оное для края полезнейшим, нежели доселе было»⁴. Обращаясь к наместнику Царства Польского Й. Зайончеку, Н. Н. Новосильцов просил, чтобы тот «присылал ему все законопроекты и новые постановления о евреях, причем указал, что варшавское правительство ничего не должно предпринимать без высочайшего согласия»⁵. Н. Н. Новосильцов активно принялся выполнять возложенное на него поручение. Вскоре он рапортовал императору: «На сих днях случайно узнал я, что Правительство Царства Польского занимается постановлением об участи евреев и об отношениях, в каких они оставаться могут в здешнем краю»⁶. Н. Н. Новосильцов подверг жесткой критике принятое общим собранием Государственного Совета Царства Польского постановление, подчеркнув, что «каждая статья порознь неосновательна, а все

совокупно несколькими веками отдалается от благотворных и дальновидных Вашего Императорского величества намерений»⁷. Идею высылки евреев до 1 июля 1816 г. из деревень, где они занимались выделкой и продажей спиртного, «без назначения способов к снисканию пропитания иным промыслом» Н. Н. Новосильцов называет «несправедливой и жестокой»⁸. К содержащемуся в постановлении разрешению евреям в городах и местечках «еще два года шинковный промысел производить»⁹ Н. Н. Новосильцов относится неодобрительно, так как производство и продажа спиртного допускается только в определенных полицией улицах. «Евреи оставляются на произвол полиции, которая может и притеснять их и благоприятствовать им, смотря по своим видам»¹⁰, — замечал Новосильцов. Негодование Новосильцова вызвала статья, запрещающая евреям брать в услужение христиан или самим наниматься к ним в слуги¹¹. Он подчеркивал неразрывность связей евреев с поляками: «Трудно исчислить все случаи по торгу, по промыслам и вообще в житейском быту, связующие всех жителей здешнего края с евреями, кои искони в Польше поселились, иногда притесняемы, часто благоприятствуемы, а всегда терпимы были»¹². Благодаря усилиям Н. Н. Новосильцова постановление было отменено. «Многие факты говорят о Новосильцове как об активном защитнике евреев»¹³. Он стремился проводить осознанную национальную политику имперского централизма по отношению к зажимаемой части жителей региона в обход его национального большинства.

В 1816 г. Н. Н. Новосильцовым был создан проект обширной реформы еврейского быта в Царстве Польском. В историографии встречаются упоминания о нем¹⁴, подробно писал о проекте только М. Л. Вишницер¹⁵, но и он не анализировал причины его появления. Нам удалось обнаружить проект в составе рукописного собрания бумаг Н. Н. Новосильцова в Отделе рукописей Российской национальной библиотеки под названием «Règlement organique des Israelites qui habitent le Royaume de Pologne»¹⁶. Проект состоит из двух частей и 12 разделов. Согласно проекту, должна была измениться структура еврейского самоуправления. Кагалы, внутри коих богатые евреи цепко держали власть, а бедняки или средние слои устранялись от управления, ликвидировались (статья 165)¹⁷. Вместо них учреждались согласно иерархическому принципу дирекции (статьи 10, 11, 12). «В Варшаве будет учреждена Генеральная дирекция, которая станет центром власти и связей»¹⁸. В воеводствах — «промежуточные дирекции», а в округах — окружные еврейские правления. Члены этих органов назначаются правительством Царства из числа кандидатов, выбранных самими евреями

ми на многоступенчатых выборах. Создаваемые органы еврейского самоуправления действуют под контролем общеимперского правительства. Российский император назначает, в обход польских властей, в Генеральную дирекцию прокурора, а в воеводские — его помощников (статьи 28, 29). Они следят за соблюдением установленных юридических норм. Прокурор «будет присутствовать на заседаниях и обсуждениях, он обеспечит сохранение в силе законов и их исполнение»¹⁹. По проекту, менялось социальное положение евреев. Все ограничительные законы о евреях отменялись (статья 171)²⁰. Питейный промысел разрешался евреям, ранее уже им занимавшимся. Каждой общине выделялся земельный участок для обработки его одним из членов. Евреи должны были нести рекрутскую повинность в соответствии с количеством населения конкретной общины. В еврейских общинных школах вводилось обязательное обучение польскому языку. Евреи уравнивались в податях со всеми остальными жителями и объявлялись полноправными подданными, обладающими гражданскими правами (статья 122). Успешные в науках и искусствах, обладающие хорошей репутацией евреи, по представлению министра духовных дел и народного просвещения, «кроме гражданских прав, упомянутых в предыдущей статье, наслаждаются еще пользованием прав политических» (статья 123)²¹. Либеральный проект Новосильцова уравнивал евреев с поляками, при том сохранялась автономия общественного устройства евреев от местных польских структур. Так проявился имперский принцип национальной политики — «разделяй и властвуй». Все национальности равно подчинены центру империи, и он определяет политику в отношении них. Но проект, отклоненный на заседании польского Государственного Совета, введен не был. Польскую политическую элиту раздражало, что Н. Н. Новосильцов «отвергал принцип: «сначала исправление, а потом права» — и приводил более либеральный принцип: дарование евреям гражданских прав при одновременном преобразовании их быта на началах европейской культуры и модернизированной общинной автономии»²².

Н. Н. Новосильцов принимал участие и в судьбах евреев Западных губерний России. В 1827 г. им была составлена записка о нежелательности распространения на них рекрутской повинности²³. Подбирая в том же 1827 г. кандидатуру на должность цензора еврейских сочинений при Виленском цензурном комитете, Н. Н. Новосильцов, ратуя за объективность, сумел убедить высшее начальство в необходимости назначить на этот пост сразу двоих чиновников — еврея и христианина, которые бы гарантировали друг друга от нежелательного субъективизма²⁴.

Осознание России как империи с ее особой национальной политикой было характерно для Н. Н. Новосильцова. Участвуя в решении еврейского вопроса, он стремился к тому, «чтобы сделать из евреев не только полезных граждан, и вместе с тем, принять меры к слиянию их с прочим населением»²⁵.

- ¹ Державин Г. Р. Записки. М., 2000. С. 250.
- ² Записка Ноткина // РГИА. Ф. 14. Канцелярия Н. Н. Новосильцева. Оп. 1. Д. 10. Записки разных лиц. Л. 13.
- ³ Клиер Дж. Д. Россия собирает своих евреев: Происхождение еврейского вопроса в России: 1772–1825. М.; Иерусалим, 2000. С. 248.
- ⁴ Перевод с письма тайного советника Новосильцова к наместнику Царства Польского от 25 января (7 февраля) 1816 года // ОР РНБ. Ф. 1000. Оп. 3. Д. 807. О евреях. Первоначальные проекты касательно устройства их в Царстве Польском. Подшивка. 1790–1826. Л. 3.
- ⁵ Гессен Ю. И. История еврейского народа в России. Т. 1. Л., 1925. С. 223.
- ⁶ Всеподданнейший рапорт тайного советника, сенатора Новосильцова Его Императорскому величеству. 31 января (12 февраля) 1816 года // ОР РНБ. Ф. 1000. Оп. 3. Д. 807. О евреях. Первоначальные проекты касательно устройства их в Царстве Польском. Подшивка. 1790–1826. Л. 13.
- ⁷ Там же. Л. 14об.
- ⁸ Там же.
- ⁹ Постановление общего собрания Государственного совета Царства Польского от 5 февраля 1816 г. // ОР РНБ. Ф. 1000. Оп. 3. Д. 807; О евреях. Первоначальные проекты касательно устройства их в Царстве Польском. Подшивка. 1790–1826. // Там же. Л. 11.
- ¹⁰ Всеподданнейший рапорт... Л. 15.
- ¹¹ Постановление общего собрания... Л. 11об.
- ¹² Всеподданнейший рапорт... Л. 15об.
- ¹³ Миндлин А. Б. Государственные, политические и общественные деятели Российской империи в судьбах евреев. 1762–1917 годы: Справочник персоналий. СПб., 2007. С. 256.
- ¹⁴ Эльяшевич Д. А. Правительственная политика и еврейская печать в России, 1797–1917: Очерки истории цензуры. СПб.; Иерусалим, 1999. С. 126.
- ¹⁵ Вишницер М. Л. Проекты реформы еврейского быта в герцогстве Варшавском и Царстве Польском (по неизданным материалам) // Пережитое: Сборник, посвященный общественной и культурной истории евреев в России: В 4 т. Т. 1. СПб., 1909. С. 164–221.
- ¹⁶ Règlement organique des Israelites qui habitent le Royaume de Pologne // ОР РНБ. Ф. 1000. Оп. 3. Д. 807 [О евреях. Первоначальные проекты касательно устройства их в Царстве Польском. Подшивка]. 1790–1826. Л. 18–51.
- ¹⁷ Там же. Л. 49.
- ¹⁸ Там же. Л. 19об.
- ¹⁹ Там же. Л. 21об.
- ²⁰ Там же. Л. 50об.
- ²¹ Там же. Л. 41об.
- ²² Дубнов С. М. Евреи в России в эпоху европейской реакции (1815–1848) // Евреи в Российской империи XVIII–XIX веков: Сборник трудов еврейских историков. М.; Иерусалим, 1995. С. 397.
- ²³ Пржецлавский О. А. Калейдоскоп воспоминаний // Русский архив. 1872. № 9. Стб. 1752.
- ²⁴ Эльяшевич Д. А. Указ. соч. С. 128.
- ²⁵ Комитет министров о еврейском вопросе. СПб., 1905. С. 4.

И. Э. Сивопляс

(Ульяновск, Российская Федерация)

СИМБИРСКИЙ ПОЖАР 1864 г.: ПОИСКИ «ЕВРЕЙСКОГО СЛЕДА» В МАТЕРИАЛАХ СЛЕДСТВИЯ

Пожары 13–21 августа 1864 г. в губернском Симбирске — самое страшное стихийное бедствие в истории основанного в 1648 г. города. Огонь уничтожил 30 общественных зданий, 13 церквей, 1 480 частных домов, 2/3 городской застройки в центральной, «лучшей» части Симбирска. Сгорел иудейский молитвенный дом, открывшийся около 1856 г. на усадьбе штабс-капитана Трубникова по Московской улице. В пожарах погибло до 150 горожан, 15 тысяч человек остались без крова. Ущерб составил более 20 млн. руб.

Пожары уничтожили все губернские архивы. История Симбирского края до 1864 г. фактически лишилась документальной базы. Документы фонда 213 Государственного архива Ульяновской области «Материалы по расследованию Симбирских пожаров 1864 г. канцелярии сенатора Жданова, следственной его комиссии, следственной комиссии генерал-адъютанта Ланского и смешанной судной комиссии генерала Дана» приобретают дополнительную ценность в качестве важного источника сведений о еврейской общине г. Симбирска середины — 3-й четверти XIX в.

Стихийное бедствие случилось на фоне напряженной внутривнутриполитической обстановки в Российской Империи, в связи с Крестьянскими реформами и Польским восстанием 1863 года. Оно получило широкий общественный резонанс, напомнив о пожаре 1862 г. на Апраксином дворе в Санкт-Петербурге, где тоже выдвигались разнообразные конспирологические версии происшедшего. Непосредственно во время пожаров населением и властями выдвигались версии, связанные с умышленным поджогом и осуществившим его этническим, «польским» заговором, при участии военнослужащих из расквартированных в Симбирске воинских частей. Толпой и полицией производились задержания и аресты подозреваемых по внешнему сословному и этническому признаку, немцев, поляков, евреев.

С 18 августа 1864 г. был образован ряд сменявших друг друга правительственных следственных комиссий, занимавшихся расследованием Симбирских пожаров. Версия этнического заговора как источника под-

жогов стала основной в работе всех следственных комиссий, даже при отсутствии веских доказательств.

Задержавший рядового Симбирского батальона внутренней стражи М. Островского купец П. И. Зотов «...объяснил, что во время пожара... ему встретился солдат весь запачканный сажею, который очень торопливо шел от соляных лавок...; остановив, спросил его откуда он, солдат ответил, что с пожара; имея сомнение..., отвел его в Полицию, где по обыску у него ничего не нашли...». Задержанный М. Островский на пожаре «качал воду», по приказу командира отправился в батальонную канцелярию, был задержан и провел в заключении при полиции несколько недель¹.

Рядовой Виленского гарнизонного батальона Б. Штейн, еврейского исповедания, подвергся аресту на пожаре за «ношение партикулярной одежды». Командир Симбирского батальона внутренней стражи, к которому Б. Штейн был препровожден 1 сентября 1864 г., оставил дело «без последствий», «...имея в виду, что рядовой Штейн уволен в г. Симбирск... в отпуск и не находя постановления, воспрещающего отпускным нижним чинам носить партикулярное платье...»².

Суражский мещанин И. Хорошев приехал в Симбирск вечером 18 августа 1864 г. из г. Нижнего Новгорода, где имел постоянное проживание, «...чтоб получить долг с часовщика Вельбина. Не получив денег, отправился обратно на пароходе и там остановлен неизвестными людьми, которые потребовали от него паспорта. Он предъявил контрамарку, так как свой паспорт отослал для перемены на новый в Сураж; ему не поверили, отвели его в Полицию, а оттуда в Арестантские роты...». Только 13 сентября И. Хорошева освободили на поручительство³.

Вслед спонтанным задержаниям евреев, уже после окончания пожаров, последовали показания и доносы. 24 августа 1864 г. губернский секретарь В. В. Лещинский (кстати, обвинявшийся в убийстве и грабеже) подал велеречивый и путаный донос. Среди прочего, он уличал в поджогах мещанина С. Н. Каткова, повара гостиницы «Китай», «...сборища низшего сословия и евреев, содержатель этой гостиницы Еврей, и в ней производили беспрестанные кутежи... Солдаты совсем спились, и постоянно производили буйства; ...более всех отличался разгулом солдат из евреев — Жукавский, и Лещинский подозревает, не спавал ли солдат кто-либо нарочно, а равно праздношатающихся в вышеозначенной Гостинице и прислугу в оной, с целью подговорить их к преступлению»⁴.

2 сентября 1864 г. в комиссию поступило объявление коллежского секретаря В. Ксанфа. Накануне в соседнем с чиновником доме поселился резчик печатей, полоцкий мещанин М. Татарский. В. Ксанф сообщал,

что с начала пожаров его новый сосед сменил уже три последовательно сгоревших квартиры: «...Ремесло Татарского ничтожное и не может давать средств к существованию, а квартиру нанял за 10 рублей в месяц, ... считая его человеком сомнительным и опасным, Ксанф просит удалить Татарского из города, или обязать строгой ответственности за последствия пожара, могущие произойти в квартире его или в соседних с нею домах». М. Татарского задержали и допросили 5 сентября⁵.

9 сентября 1864 г. флигель-адъютант полковник Эссен допросил содержавшегося в Симбирском тюремном замке беглого из Царства Польского, 22-летнего мещанина из евреев М. Рейса. М. Рейс дал показания на некоего бродягу Ф. Лучкина, который в июне «сделал мне предложение уйти вместе с ним... Но первое условие, ...как воспользуемся волей, будет то, что мы уничтожим Губернатора... употребим силы, чтобы выжечь всю Симбирскую губернию, но чтоб не обижать народ, то будем подкидывать письма, чтобы раньше убралась с имуществом... Я не согласился на предложение Лучкина...». В июле, будто бы, Ф. Лучкину удалось бежать, и происшедшие пожары М. Рейс связывал с его действиями. Он говорил, что знает, где может скрываться Ф. Лучкин, требуя взамен послаблений по режиму содержания⁶. Эссен не поверил М. Рейсу, но следственной комиссией сенатора С. Р. Жданова 2 октября 1864 г. было предложено начать производство по показаниям М. Рейса⁷.

В самый разгар пожаров, 17 августа 1864 г., исправляющим должность Симбирского полицмейстера был назначен Курмышский уездный исправник, надворный советник Н. Н. Некрасов. Возглавлявший городскую полицию надворный советник П. И. Барляев был отставлен из-за нераспорядительности. Потомственный почетный гражданин В. Г. Скорняков показал 16 сентября 1864 г. о случае поимки толпой «поджигателя еврея, которого народ начал было раскачивать, чтобы бросить в огонь, но случившийся при этом полицмейстер не допустил совершиться этому преступлению». По приказу П. И. Барляева поджигателя препроводили в полицию, где, будто, «...по обыску найдено у него 3000-чи спичек и пузырек с какою-то жидкостью». Несмотря на улики, еврей (впрочем, другие очевидцы отзывались о нем как о мещанине уездного Карсуна) вскоре был отпущен⁸.

Н. Н. Некрасов, руководствовавшийся, как кажется, карьерными соображениями, начал прикладывать усилия к развитию версии о заговоре поджигателей. 30 сентября 1864 г. и. д. полицмейстера представил следственной комиссии записку о сделанных им «секретных разведываниях происходивших в г. Симбирске... пожаров, и получивши сведения о народной молве, что пожары собирали мальчики, собирающие милосты-

ни». В числе трех мальчиков особое внимание обращалось на 12-летнего сироту, сызранского мещанина П. Андреева. Тот показал, что в Симбирске жил у сестры, состоявшей замужем за солдатом внутренней стражи Н. Гитерманом, «...из новокрещенных жидов». «Во время пожаров я ходил по миру, и все меня посылал зять». Именно во время этих походов мальчик встретил некоего старика, обещавшего ему за поджог домов 400 руб.⁹

Следствие одинаково подозрительно относилось как к крещеным евреям, так и иудеям: в протоколе допроса от 16 января 1865 г. Н. Н. Баса, из кантонистов Симбирского отделения, еврея, православного исповедания, кем-то из комиссии особо подчеркнуто слово «Еврей»¹⁰.

Разные обстоятельства, связанные с евреями, еще не раз появлялись в материалах следствия. Так, выше отмеченный В. Г. Скорняков 24 ноября 1864 г. упомянул, что в доме его по центральной улице Симбирска, Большой Саратовской «С марта месяца сего... года жил... по контракту на два года заявленному... иностранец прусский подданный Фредерик Леоде, по ремеслу парикмахер, но занятиями по своему ремеслу занимался непристально, работниками были у него евреи... Жилец Леоде с иностранцами чертили, как я слышал, план города Симбирска...; получал он Леоде по почте много денег, но куда их тратил не знаю...»¹¹.

Впрочем, следствие уже выбрало «козла отпущения», «ответственно-го» за поджог Симбирска — командира квартировавшего на момент пожаров в городе Белевского пехотного батальона полковника М. Ф. Дудинского, арестованного жандармами летом 1865 г., и «еврейская линия» в расследовании окончательно сошла на нет.

Напомнила она о себе неожиданно. Отношением от 12 февраля 1866 г. исправляющий должность Симбирского губернатора сообщал управляющему 3-м отделением генерал-адъютанту Н. В. Мезенцеву, что поминавшийся бродяга М. Рейс «...желает открыть истинных виновников бывшего в 1864 в г. Симбирске пожара, для чего просит прибыть к нему гг. Губернского прокурора, Жандармского штаб-офицера, Городского голову и священника. По прибытии всех означенных лиц в тюремный замок арестант Рейс... объявил, что он знает подробно все обстоятельства... пожара, но рассказать их может только лично г. Шефу жандармов...

На другой день Рейс прислал с заявлением, что он соглашается открыть кое-что..., но... никаких положительных сведений не открыл... Я не даю никакой веры этому заявлению и вижу в нем только желание избавиться на несколько времени тюремного заключения...»¹².

27 октября 1866 г. полковник М. Ф. Дудинский был выпущен из секретного заключения в Петропавловской крепости. Следствие окончи-

лось, так и не установив конкретных виновников Симбирских пожаров 1864 г. Тем выразительнее кажется желание части власть предержащих и населения губернского города увидеть их среди оказавшихся, волею судеб, в Симбирске евреев.

¹ ГАУО. Ф. 213. Оп. 1. Ед. хр. 1. Л. 33об.–34.

² Там же. Л. 133.

³ Там же. Л. 141–141об.

⁴ Там же. Л. 126об.

⁵ Там же. Л. 151об.–153.

⁶ ГАУО. Ф. 213. Оп. 1. Ед. хр. 2. Л. 41–42об.

⁷ Там же. Л. 44–46.

⁸ ГАУО. Ф. 213. Оп. 1. Ед. хр. 1. Л. 93–93об.

⁹ Там же. Ед. хр. 5. Л. 62–63.

¹⁰ Там же. Ед. хр. 10. Л. 55.

¹¹ Там же. Ед. хр. 28. Л. 41.

¹² Там же. Ед. хр. 17. Л. 42об.–43.

А. Н. Пилипенко

(С.-Петербург, Российская Федерация)

ЕВРЕИ НА СЛУЖБЕ В РОССИЙСКОМ ВОЕННО-МОРСКОМ ФЛОТЕ в XIX в.

9 января 1854 г. американская газета «New-York Daily Tribune» опубликовала статью Ф. Энгельса «Ход Турецкой войны». В ней будущий классик марксизма, разбирая действия эскадры Нахимова в Синопском сражении, в частности, писал, что «возможность обойтись без применения морской тактики, без каких-либо маневров была очень на руку русским, чей черноморский флот, судовые команды которого состоят почти исключительно из «пресноводных моряков», особенно из польских евреев, имел бы мало шансов на успех в сражении в открытом море с турецкими судами, располагающими хорошими командами»¹. Конечно, утверждение о том, что русский черноморский флот был укомплектован в основном польскими евреями, не соответствует действительности. В то же время, оно не было и совершенно беспочвенным — во время Крымской войны евреи действительно составляли значительную часть нижних чинов русского военно-морского флота.

Первый рекрутский набор среди евреев был произведен в 1827 г. вместе с общим 91-м рекрутским набором. Евреями известие о распространении на них рекрутской повинности было воспринято как наказание Господне, которое оказалось невозможно отворотить ни постом и покаянием, ни «подарками» петербургским сановникам². В то же время власть, по крайней мере, официально, выражала уверенность, что «образование и способности, кои приобретут они в военной службе, по возвращении их из оной, после выслуги узаконенных лет, сообщатся их семействам, для вящей пользы и лучшего успеха в их оседлости и домашнем хозяйстве»³. По расчетам инспекторского департамента военного министерства, первый набор среди евреев должен был дать 1 637 рекрутов. При этом все малолетние, от 12 до 18 лет, подлежали высылке в батальоны военных кантонистов, а совершеннолетние — во флот⁴. Трудно сказать, какие именно «образования и способности» необходимые «для лучшего успеха в их оседлости и хозяйстве» должна была дать евреям служба именно во флоте, но при объявлении в 1828 г. о двух следующих, 92-м и 93-м, рекрутских наборах, также повторялось указание о назначении всех евреев, остающихся «по отчислении мастеровых в военное поселение и в военно-рабочие роты инженерного ведомства» во флот⁵. Судя по всему, самый большой контингент рекрутов-евреев — 2500 человек — поступил во флот в 1828 г., когда принимались рекруты по 91 и 92 наборам⁶. Начиная же с 94-го набора 1829 г. указание о назначении евреев во флот отсутствовало⁷. Тем не менее, рекруты-евреи в морское ведомство продолжали поступать. В 1829 г. в морское ведомство поступило 633 еврея, в 1830 г. — 900, а в 1830 г. еще 1000. В 1832 и 1833 гг. рекруты, как евреи, так и не евреи, в морское ведомство не поступали, а в 1834 г. в морское ведомство поступило еще 600 евреев. Если учесть, что всего за 1827–1834 гг. в морское ведомство поступило 22 989 рекрутов, то евреи составили почти 14% всех рекрутов, поступивших в этот период в морское ведомство. При этом 1 900 евреев оказалось в «черноморском ведомстве», и они составили почти 20% всех поступивших в него за эти годы рекрутов⁸.

В 1835–1843 гг. евреи в морское ведомство не направлялись, но начиная с 1844 г. поступление их в морское ведомство возобновилось. При этом рекруты-евреи должны были назначаться уже не для службы на военных судах, а в рабочие и ластовые экипажи и военно-рабочие роты морской строительной части⁹. В 1844 г. в морское ведомство поступило 250 рекрутов-евреев, в 1845 г. — 105, в 1847 г. — 200, в 1848 г. — 150, в 1849 г. — 400 и в 1851 г. — 400. При этом из них в черноморское ведом-

ство было назначено только 425 (28%) рекрутов-евреев. В 1853 г. при отделении особых губерний для комплектования обоих флотов, было установлено, что в морское ведомство будут «по прежнему» назначаться рекруты из евреев «сто человек или более, смотря по числу собираемых рекрут»¹⁰. На основании этого положения в 1853 г. в морское ведомство поступило 100, в 1854 г. — 150 и в 1855 г. — 200 рекрутов-евреев. При этом в «черноморское ведомство» в 1853 г. поступило 50, в 1854 г. 75 и в 1855 г. 100 рекрутов-евреев. Всего с 1844 по 1855 г. морское ведомство получило 1 955 рекрутов-евреев. В эти же годы во флот поступило 93 313 рекрутов и, таким образом, доля рекрутов-евреев в эти годы составила всего 2,1%¹¹.

К началу Крымской войны (данные на 1 января 1853 г.) из 86 298 нижних чинов морского ведомства евреями по вероисповеданию числились 2 585 человек, т.е. всего 3%. Кроме того, еще 289 (0,3%) нижних чинов числились евреями, «принявшими христианскую религию». При этом доля евреев в балтийском и черноморском ведомствах была практически одинакова — 2,97% (1 505 чел.) и 3,03% (1 081 чел.) соответственно¹². Поэтому утверждение Ф. Энгельса, будто в Черноморском флоте «судовые команды... состоят почти исключительно из «пресноводных моряков», особенно из польских евреев», не вполне соответствовало истине. Кроме того, поскольку с 1844 г. евреи должны были назначаться не во флотские экипажи, которые комплектовали команды военных судов, а в рабочие и ластовые экипажи, которые главным образом комплектовали береговые команды адмиралтейств и портов и команды транспортных судов, то в Синопском сражении могли принять участие лишь считанные единицы матросов «еврейского закона». А вот в обороне Севастополя нижние чины иудейского вероисповедания, как служившие в армии, так и во флоте, приняли самое деятельное участие — на еврейском кладбище Севастополя было похоронено пятьсот солдат и матросов, погибших при защите города¹³.

События Крымской войны, естественно, оказали некоторое влияние на численность евреев в российском флоте, но не принципиальное. К 1 января 1856 г. из 86 057 нижних чинов морского ведомства евреями-иудеями числились 2 014 (2,3%) и евреями, принявшими христианство 298 (0,3%). При этом в балтийском ведомстве евреев насчиталось 1 528 человек (2,39%), а в черноморском 486 (2,19%)¹⁴. Но уже 21 апреля 1856 г. последовало высочайшее повеление, согласно которому рекруты-евреи не могли впредь назначаться в морское ведомство, а всех имеющих в морском ведомстве нижних чинов евреев следовало передать в сухопутные войска¹⁵.

Его появлению предшествовал всеподданнейший доклад, представленный Александру II его младшим братом — генерал-адмиралом великим князем Константином Николаевичем. В нем, после краткой историко-статистической справки, излагалось, какой вред, по мнению морского ведомства, наносят флоту евреи. Во-первых, «по малосильности и непривычке к грубым мастерствам» евреев нельзя было назначать «в портовые и другие тяжелые работы» и поэтому те из них, кто не знает какого-либо мастерства, «решительно бесполезны для адмиралтейских занятий». Те же из них, кто знает какое-либо мастерство, «по причине врожденной хитрости... редко употребляют знание свое с добросовестностью», а наоборот, «разными мерами стараются уклониться от дела». Во-вторых, многие еврей-рекруты, будучи «женатыми и семейными» прибывают к месту службы с женами и детьми, чем «затрудняют начальство в отводе для них помещения, и без того недостаточного для нижних чинов». При этом еврейки «не занимаются обыкновенными работами, как русские женщины, но ведут торговлю, сопряженную почти всегда с обманом», в том числе, «под предлогом свидания с родными, переезжая из Кронштадта в Петербург и наоборот, занимаются контрабандою». В-третьих, «не имея патриотических чувств, они легко делаются переметчиками, чему, как видно из уведомления Командующего войсками в Финляндии, был пример на Аландских островах, где несколько евреев бежали к неприятелю и по свойственной им сметливости передали весьма важные сведения»¹⁶.

В общем, претензии морского ведомства к нижним чинам иудейского вероисповедания особой оригинальностью не отличались. В той или иной комбинации они встречаются довольно часто и не только в XIX веке. В то же время ничего особенно зловещего, вроде похищения христианских младенцев, им не приписывалось. Впрочем, такого рода обвинения могли бросить тень на морское начальство, так как могли свидетельствовать о его неспособности поддерживать должный порядок в морских командах. В этом отношении примечательно, что самое серьезное обвинение — в склонности к предательству — было подкреплено случаем, произошедшим не в морском ведомстве, а в сухопутном.

Несмотря на то, что в представленном вел. кн. Константином Николаевичем докладе спрашивалось только «назначение впредь рекрут из евреев во флот воспретить», император повелел так же «снести с Военным Министерством о передаче в сухопутные войска всех имеющихся ныне во флоте евреев»¹⁷.

Передача нижних чинов евреев из морского ведомства в сухопутное, естественно, потребовала некоторого времени, но в течение 1856 г. боль-

шая их часть была передана в сухопутные войска. На 1 января 1857 г. в балтийском ведомстве числилось только 19, а в черноморском — 163 еврея¹⁸. Черноморское ведомство передавало своих нижних чинов иудейского вероисповедания в Херсонский гарнизонный батальон. Судя по составленным при этом именным спискам, повеление 1844 г. о назначении евреев в рабочие и ластовые экипажи исполнялось. Из 428 евреев, о передаче которых в Херсонский гарнизонный батальон доносил в мае 1857 г. в Инспекторский департамент морского министерства Штаб заведующего морской частью в Николаеве, 280 служили в 11, 12, 13, 14, 15, 16 и 19 рабочих экипажах, 39 — в николаевских и севастопольских портовых ротах, 38 — в 4 и 5 ластовых экипажах, 30 — юнгами во 2 учебном морском экипаже, 28 — в военно-рабочих ротах южного округа морской строительной части, 8 — во флотских экипажах, 3 — в николаевской госпитальной роте и 2 — в гидрографическом депо¹⁹.

Большинство евреев, служивших в черноморском ведомстве, были мастеровыми. Судя по именным спискам 11, 13–16 и 19 рабочих экипажей, из 240 перечисленных в них нижних чинов 211 были мастеровыми, а оставшиеся 29 — кантонистами. Матросами же числились только 7 человек из 32, 33, 36, 37, 42 и 43 флотских экипажей, а служивший в 39 флотском экипаже Мошка Рейтман был флейтщиком. Аналогичным был и состав нижних чинов, которые «не отосланные к командиру Херсонского гарнизонного батальона для передачи в сухопутное ведомство». Кроме 2 цирюльников арестантских рот, все остальные числились состоящими в рабочих экипажах, в том числе 148 мастеровых, 10 кантонистов и 1 унтер-офицер. Судя по всему, Хаим Разумов был единственным унтер-офицером евреем, состоявшим в это время в черноморском ведомстве — остальные нижние чины евреи были рядовыми. Передача Хаима Разумова в сухопутное ведомство не состоялась потому, что 11 марта 1857 г. он был уволен в отставку «по неспособности»²⁰.

Следует отметить, что в результате произошедшей в военно-морском деле технической революции, российский флот остался почти без кораблей, но с многочисленным личным составом. Особенно тяготили морское ведомство нестроевые нижние чины, в первую очередь мастеровые. Возглавлявшие в это время морское министерство «либеральные бюрократы» полагали, что их «обязательный» труд в портах и адмиралтействах следует заменить вольнонаемным. В «Кратком отчете по морскому ведомству за 1855 г.», в частности, писалось, что труд казенных мастеровых «несравненно хуже и обходится часто дороже труда наемных людей»²¹. Правда, замена «обязательного» труда «вольным» требовала времени. Первые 17 портовых рот, 7 рабочих, 1 ластовый экипаж и неко-

торые другие команды были упразднены в 1857 г., а последние рабочие экипажи были расформированы только в 1862 году²². Решение передать всех нижних чинов евреев из морского ведомства в сухопутное фактически было одним из первых шагов по сокращению морских команд и замене казенных мастеровых вольнонаемными.

В течении 1857 г. передача евреев из морского ведомства в военное была окончена, и уже в 1858 г. в сведениях о составе нижних чинов флота по вероисповеданиям еврей-иудеи отсутствуют. Естественно, что принявшие христианство евреи из морского ведомства не изгонялись. Более того, каким-то образом их число со временем даже возрастает. Если в 1858 г. их числилось 165, то в 1860 г. уже 409.

Введенный в 1856 г. запрет на пополнение флота лицами иудейского вероисповедания продержался до начала XX века. После введения всеобщей воинской повинности соответствующее указание ежегодно включалось Главным штабом в «Правила для руководства при выборе и назначении новобранцев, призыва сего года, в различные роды войск», которые рассылались уездным воинским начальникам. Впрочем, время от времени военное министерство пыталось побудить морское отказаться от этой меры. Так, в декабре 1886 г. начальник Главного штаба генерал-адъютант Обручев обратился к начальнику Главного морского штаба с предложением «в видах равномерного, по возможности, распределения еврейского элемента по всем частям войск» рассмотреть вопрос о допущении «на будущее время, назначение во флот новобранцев-евреев, на нестроевые должности, в качестве мастеровых — в размере хотя бы 1-го или 2-х%». 10 января 1887 г. заместитель начальника Главного морского штаба контр-адмирал П. Тыртов сообщил генерал-адъютанту Обручеву, что «период времени с 1827 по 1856 год, когда назначались во флот евреи, вполне убедил не только в бесполезности для флота этой народности, но в безусловной ее вредности», а также, что теперь, после того, как в адмиралтействах и портах нестроевые нижние чины были заменены вольнонаемными людьми, то теперь нестроевыми в морском ведомстве считаются только машинные команды, и поскольку евреи, «как показал опыт прошлого, совершенно непригодны для службы на судах, так как по своим племенным наклонностям, никогда не могли мириться с условиями морской жизни», то и назначение новобранцев-евреев на нестроевые должности не желательно²³.

Однако, примерно в это же время в морском ведомстве обнаружили матросы-евреи. 11 апреля 1886 г. командир гвардейского экипажа рапортом донес начальнику ГМШ, что при рассмотрении формулярного списка и приемного формуляра подшхипера 1 ст. Якова Крюкова, переведен-

ного в Гвардейский из 4-го флотского экипажа для назначения на клипер «Стрелок», обнаружилось, что Крюков «принадлежит иудействующему вероисповеданию». Контр-адмирал Тыртов прямо на этом рапорте поинтересовался «кто виноват?» и «есть ли еще во флоте еврей?». Как оказалось, «евреи» во флоте были, причем сведения об этом находились на 75 странице в памятной книжке, которая, судя по титульному листу, издавалась «под наблюдением начальника Главного морского штаба», о чем кто-то из подчиненных Тыртова и сделал отметку на рапорте командира гвардейского экипажа — на 1 января 1886 г. среди нижних чинов морского ведомства числилось 36 «евреев», в том числе 2 на Балтийском флоте и 34 в Сибирской флотилии. Памятные книжки за предыдущие годы также отмечали евреев. Поскольку клипер «Стрелок» шел в кругосветное плавание, то оставление на нем иудействующего подшхипера «могло быть опасным в моральном отношении, так как он может повлиять на духовное состояние команды», тем более что священника на клипере не было. 17 апреля 1886 г. временно-управляющий морским министерством приказал возвратить Крюкова в 4 флотский экипаж.

Через год история получила продолжение. 7 мая 1887 г. штаб кронштадтского порта сообщил, что в числе новобранцев призывов 1885 и 1886 гг. прибыли крестьяне Астраханской губернии Царевского уезда Яков Никифоров Ершов и Михаил Цаплин. Оба они по прибытии в Кронштадт заявили, что они субботники, но когда по окончании рекрутской школы были представлены для приведения к присяге «на верность службы», то заявили, что они «имеют кроме русских имен еще и еврейские и что они посещают иногда еврейскую молельню, находящуюся в Кронштадте». Поскольку Ершов и Цаплин «оказались не субботниками, а исповедующими Еврейский закон», сперва помощник начальника ГМШ контр-адмирал Тыртов решил «Оставить в своих экипажах, так как означенные нижние чины только иудействующей секты, а не вероисповедания и таковые и прежде были». При этом он явно имел в виду прошлогодний случай с Крюковым, но это дело получило другое развитие. При приведении к присяге Ершов и Цаплин отказались целовать крест и евангелие и были приведены к присяге «еврейским раввином», после чего, по распоряжению начальника Главного морского штаба вице-адмирала Чихачева, они были возвращены военному ведомству²⁴.

Все эти нижние чины евреями по происхождению не были, а являлись русскими крестьянами, принадлежащими к «иудействующей секте». Больше всего «иудействующих» проживало в астраханской губернии. В конце XIX в. в Европейской России из 2 777 лиц мужского пола, которые были записаны «иудействующими», 1 184 проживали именно

в этой губернии, преимущественно в Царевском уезде²⁵. В то же время астраханская губерния входила в число тех приморских и приречных местностей, набранные в которых новобранцы в первую очередь поступали во флот. Очевидно, что воинские начальники, распределявшие новобранцев по родам войск, «иудействующих» евреями не считали, и поэтому отправляли их служить во флот, не видя особенных оснований выделять их из общей массы русских крестьян, многие из которых были раскольниками разных толков или сектантами.

Важнейшим отличием «иудействующих» от других сект было то, что вместо разработки собственного вероучения они фактически заимствовали его у евреев. Собственно, они были уже не сектантами, а русскими крестьянами перешедшими в иудаизм. Правда, оставаясь крестьянами, они, как правило, жили отдельно от природных евреев и не могли регулярно участвовать в общих богослужениях, но были и исключения. Так, проживавшие в станице Лабинской кубанской области природные евреи и иудействующие молились в одной синагоге под руководством местного казака-еврея²⁶. Естественно, признать, что некоторая часть русских православных крестьян не просто впала в ересь, а перешла в другое, нехристианское, вероисповедание российские власти не могли, и «иудействующие» считались «сектой». Участники Второго миссионерского съезда полагали, что ее следовало бы «отнести по закону к разряду наиболее вредных», поскольку «жидовствующие совершенно утрачивают исконные черты русской народности и самобытности, перевоспитываясь до полного сходства с евреями, от которых усвоили не только внешние формы жизни, но и внутренние, вредные в общественном отношении, качества семитической расы»²⁷.

Руководство морского ведомства в данном случае строго определенной позиции занять не смогло, каждый раз принимая решение о том, кого считать принадлежащим к «иудействующей секте», а кого к «еврейскому закону», в зависимости от конкретной ситуации. Так, 2 февраля 1888 г. командующий гвардейским экипажем донес, что новобранец Осип Сапунков «принадлежит к иудействующей секте», а 6 февраля он же ходатайствовал об оставлении Сапункова в гвардейском экипаже, так как «новобранец этот по наружному виду вполне пригоден к строевой службе, имеет довольно красивую наружность, хороший рост и сам желает служить на флоте... еврейского языка вовсе не знает и хорошо говорит по-русски». Великий князь Алексей Александрович приказал оставить Сапункова в гвардейском экипаже²⁸.

Собрать полные данные о численности «евреев» во флоте в последней четверти XIX в. пока не удалось, но и те, что уже имеются, говорят

о том, что численность их была крайне невелика. Так, на начало 1875 г. в морском ведомстве числился только 1 еврей, 1880 г. — 2, 1886 г. — 36, 1888 г. — 6, 1889 г. — 12, 1890 г. — 23, 1891 г. — 4, 1892 г. — 2. Начиная с 1893 г. лица «иудейского вероисповедания» среди нижних чинов морского ведомства уже не числятся.

Морскому ведомству приходилось иметь дело не только с «иудействующими». Иногда желание служить во флоте изъявляли и природные евреи. В начале 1888 г. с прошением о переводе в морское ведомство обратился новобранец Абрам Яковлевич Вахнянский. К прошению был приложен аттестат об окончании им в 1883 г. Николаевской ремесленной школы, устав которой предполагал, что обучавшиеся в ней на средства морского министерства мальчики подлежали потом зачислению во флот. Но на основании указа «о назначении впредь в морское ведомство рекрут из евреев» Вахнянскому было отказано, а главному командиру черноморского флота дано указание не допускать более приема в Николаевскую ремесленную школу мальчиков-евреев²⁹.

Были и более экзотические случаи. 15 декабря главный командир черноморского флота донес, что среди новобранцев, полученных от симферопольского уездного воинского начальника «для определения в Черноморские флотские экипажи, находится один караимско-еврейского происхождения». Трудно сказать, кем он был на самом деле, этот «караимо-еврей», т. к. даже его имя в переписке не упомянуто, но на основании того же указа 1856 г. его было предписано вернуть симферопольскому воинскому начальнику³⁰. При этом следует отметить, что некоторые караимы служили в морском ведомстве, причем не нижними, а классными чинами — медицинскими и административными.

Если евреи в Российской Империи регулярно подвергались разного рода ограничениям, то католики и лютеране пользовались практически такими же правами, что и православные. Но во второй по сравнению с серединой XIX в. и их доля среди нижних чинов флота значительно сокращается. Так, если в 1853 г. лютеране составляли 11,12% всех нижних чинов флота, то в 1900 г. «лютеране» и «протестантанты» — всего 0,87%. Доля католиков за это же время сократилась с 12,89% до 1,49%. В то же время доля православных среди нижних чинов возросла с 71,59% до 95,44%³¹. Если учесть, что в 1900 г. около 40% адмиралов российского флота были лютеранами, то о какой либо их дискриминации не могло быть и речи. Очевидно, руководство морского ведомства просто стремилось иметь более однородный в этническом и конфессиональном отношении контингент матросов.

Среди руководителей российского морского ведомства, конечно, были антисемиты. Но само ведомство антисемитским не являлось. В отношении нижних чинов иудейского вероисповедания оно руководствовалось преимущественно прагматическими соображениями. В условиях крепостнической экономики первой половины XIX в. флот был заинтересован в большом количестве искусных казенных мастеровых, и евреи составляли значительную часть получаемых им рекрутов. Во второй половине XIX в., когда такая потребность исчезла, ему нужны были только те новобранцы, которые имели необходимые для службы на кораблях физические качества и навыки и хорошо владели русским языком. Поэтому для флота новобранцев набирали в таких губерниях, как Архангельская или Астраханская. Очевидно, что доля евреев среди нижних чинов морского ведомства должна была значительно сократиться и без наличия особого запретительного закона.

¹ Энгельс Ф. *Ход Турецкой войны* // Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. Изд. 2-е. Т. 9. М.: Госполитиздат, 1957. С. 571.

² Петровский-Штерн Й. *Евреи в русской армии, 1827–1917*. М., 2003. С. 38–40.

³ ПСЗ. Собр. 2. № 1329. Т. 2. С. 727.

⁴ Столетие военного министерства, 1802–1902. Ч. II. Кн. I. Отд. II: Комплектование войск в царствование императора Николая I. СПб., 1907. С. 11.

⁵ ПСЗ. Собр. 2-е. № 1951 Т. 3. С. 396; Там же. № 2248. Т. 3. С. 793.

⁶ РГА ВМФ. Ф. 417. Оп. 1. Д. 5121. Л. 7. Число поступивших в 1828 г. во флот евреев определено по косвенным данным и требует уточнения.

⁷ ПСЗ. Собр. 2-е. № 3083. Т. 4. С. 594.

⁸ Памятная книжка морского ведомства на 1858 год. СПб., 1858. С. 218–219.

⁹ ПСЗ. Собр. 2-е. № 17600. Т. 19. С. 82.

¹⁰ ПСЗ. Собр. 2-е. № 27412. Т. 28. С. 344.

¹¹ Памятная книжка морского ведомства на 1856 год. СПб., 1856. С. 343.

¹² Памятная книжка морского ведомства на 1858 год. СПб., 1858. С. 110.

¹³ Кандель Ф. *Книга времен и событий*. Т. 1: История российских евреев до 1881 г. М., 2002.

¹⁴ Памятная книжка морского ведомства на 1858 год. СПб., 1858. С. 116.

¹⁵ ПСЗ. Собр. 2-е. № 30484. Т. 31. Ч. 1. С. 271.

¹⁶ РГА ВМФ. Ф. 417. Оп. 1. Д. 5121. Л. 7об.–8об.

¹⁷ Там же. Л. 7, 8об.

¹⁸ Памятная книжка морского ведомства на 1858 год. СПб., 1858. С. 118.

¹⁹ РГА ВМФ. Ф. 243. Оп. 1. Д. 5908. Л. 114, 114об.

²⁰ Там же. Л. 89–95, 97, 108, 109, 115–118об.

²¹ Цит. по: Шевырев А. П. *Русский флот после Крымской войны: Либеральная бюрократия и морские реформы*. М., 1990. С. 143.

²² Огородников С. *Исторический обзор развития и деятельности морского министерства за 100 лет его существования (1802–1902)*. СПб., 1902. С. 144–145.

²³ РГА ВМФ. Ф. 417. Оп. 1. Д. 5121. Л. 5–5об., 9–9об.

²⁴ Там же. Л. 1–4, 10–15.

²⁵ Распределение старообрядцев и сектантов по толкам и сектам. СПб., 1901. С. 8.

²⁶ Бондарь О. Д. *Секты хлыстов, шалопутов, духовных христиан, старый и новый Израиль, субботников и иудействующих*. Пг., 1916. С. 94.

²⁷ Соповещения 2-го миссионерского съезда в Москве о существенных признаках и степени вредности мистических и рационалистических сект // Деяния 3-го всероссийского миссионерского съезда в Казани по вопросам внутренней миссии и расколосектантства. Киев, 1897. С. 314–315.

²⁸ РГА ВМФ. Ф. 417. Оп. 1. Д. 5121. Л. 24–26.

²⁹ Там же. Л. 19–23.

³⁰ Там же. Л. 16–18.

³¹ Памятная книжка морского ведомства на 1856 год. СПб., 1856. С. 342; Памятная книжка морского ведомства на 1901 год. СПб., 1901. С. 649.

В. Л. Амчиславский

(С.-Петербург, Российская Федерация)

К ИСТОРИИ ЕВРЕЙСКОЙ СОЛДАТСКОЙ ОБЩИНЫ САНКТ-ПЕТЕРБУРГА. «ДВОЙНАЯ ЖИЗНЬ» ОТСТАВНОГО УНТЕР-ОФИЦЕРА ГАВРИИЛА НИКОЛАЕВИЧА НИКОЛАЕВА (ХАНО АЙЗИКОВИЧА БУРШТЕЙНА): 1870-е–1880-е гг.

В 1877–1883 гг. члены Санкт-Петербургской духовной консистории рассматривали дело об «отступлении в иудейство» отставного унтер-офицера Гавриила Николаевича Николаева, служившего в 4-й военно-рабочей роте I-го округа путей сообщения. Следствие началось по доносу ремесленника Пейсаха Беккера, направленного 9 января 1877 г. к градоначальнику столицы. Извет содержал целый набор обвинений: совращение «в еврейство», мошенничество, использование подложных документов, незаконное вступление в брак и др.

Беккер, как и Николаев, был отставным еврейским солдатом. Он исповедовал иудаизм и занимался сапожным мастерством. Их солдатские судьбы имели общие черты: оба были рекрутированы в малолетстве, попали в кантонистские подразделения и подверглись влиянию армейских миссионеров. Однако Беккер, в отличие от Николаева, религиозных убеждений менять не стал. Возможно, он был старше и мог отстаивать свою позицию. Но отказ от иудаизма своего товарища он воспринимал негативно. Таким же было его отношение к возвращению выкреста к еврейской вере.

7 января 1877 г. в Василеостровской синагоге между отставниками произошла ссора: Беккер потребовал от Николаева, «чтобы он, как принявший православие» перестал посещать молельню¹. В ответ Николаев публично оскорбил Беккера. Оскорбление оказалось настолько чувствительным для последнего, что он сам принял решение не ходить в молельню. Сапожника возмущало не только посещение синагоги выкрестом, но и наличие у него двух паспортов: русского — указа об отставке, по которому он значился Г. Н. Николаевым, и еврейского, выданного управой благочиния, в котором он именовался Х. А. Бурштейном. О существовании «еврейского паспорта» доносчик знал, потому что Николаев «такой паспорт представлял раввинам, когда у него рождались дети»². По-видимому, были и другие причины, вызывавшие неприязненные отношения между старыми солдатами, к примеру, личная жизнь Николаева, которого Беккер обвинил в сожительстве с двумя еврейками.

В указе об отставке Николаева перечислены подразделения, в которых он состоял. Хотя подлинность указа может вызывать сомнения, все же интересно, что за 13 лет действительной воинской службы солдат прошел 7 команд и имел богатый жизненный опыт. В 1877 г., когда началось следствие, Николаеву было 46 лет. Он сообщил на допросе, что холост и содержит слесарно-медную мастерскую.

В доносе Беккера уделялось особое внимание личной жизни Николаева. Извечник сообщил властям, что в 1874 г. Николаев «принял первый брак по еврейскому обряду» и венчался на Васильевском острове у сапожного мастера В. А. Линчевского, который исполнил роль «посаженного отца»³. Обязанности раввина на свадьбе выполнял медник З. М. Щербовский. Избранницей отставного унтер-офицера стала еврейская девушка из местечка Тельц Ковенской губернии Лея Картун, которая, как отмечал Беккер, «и по настоящее время проживает здесь в Петербурге»⁴. На третий день после венчания «был бал у сапожника Вульфа по 7-й линии, где имеется магазин». Однако, по версии доносителя, семейное счастье было недолгим, и в октябре 1876 г. Николаев развелся с женой, о чем было известно и петербургскому раввину.

Затем Николаев вступил во второй брак. Его женой стала еврейка Хая Песса, ранее бывшая замужем за «рядовым уволенным из военного ведомства» и высланным «на постоянное жительство на поселение». Эту семейную церемонию Беккер также хорошо запомнил. Он указал, что венчание и свадьба происходили в 1876 г. «на Выборгской стороне, по Самсоньевскому проспекту в доме Яковлева, где помещается молельня с участием еврейского старосты отставного барабанщика Московского полка А. Харламова»⁵. Вторая жена Николаева, по сведениям доноси-

ка, «паспорта вовсе никакого не имела» и была «прописана по виду сестры по фамилии Хесен»⁶.

Далее Беккер сообщил, что «сам Николаев занимается картежной игрою и разными обманными спекуляциями, чем и существует, а в настоящее время для своего оправдания, чтобы не быть преследуемым правительством приобрел слесарную небольшую мастерскую»⁷. Дознание, проведенное по доносу, не подтвердило «проживание Николаева по чужому виду», но «остальное оказалось справедливым»⁸. Полицейские отыскали Л. Картун и выяснили, что она действительно не имела вида на жительство в столице.

В середине мая 1877 г. следователь 14-го участка Федоров допросил доносчика, прибавившего новые детали к своему извету⁹. Пейсах отметил, что от первого брака у Николаева была дочь, проживавшая у портного Т. Цвиля. Второй брак принес Николаеву-Бурштейну, по словам Беккера, двоих сыновей. Супруга жила с мужем в одной квартире, но, как считал сапожник, пользовалась чужими документами. Наконец, доносчик вспомнил, что в числе приглашенных на свадьбе выкреста был «вахтер военного училища, находящегося во 2-м участке Петербургской части Федор Павлов», а «развод с первой женой был совершен петербургским раввином».

Допросы гостей, посетивших свадьбу Николаева, проводились в декабре 1882 г. Первым был допрошен 62-летний сапожник В. А. Линчевский. Он исповедовал иудаизм, был неграмотен и ранее не находился под судом. Следователю он рассказал, что «года 4 или 5 тому назад был старостой в еврейской молельне на Васильевском острове»¹⁰. Затем он отошел от обязанностей старосты и возвратился к ним около 2 лет назад. Василеостровскую молельню, по словам В. А. Линчевского, посещало 5 человек «по имени Хоно, но есть ли между ними Бурштейн», он «хорошенько не знал». О ссоре «между Беккером и каким-то другим евреем» Вульф слышал от полицейских. Имя прихожанина, с которым повздорил сапожник, и причины конфликта он вспомнить не мог. Кажется, что В. А. Линчевский, беседуя со следователем, предпочитал отвечать, что не помнит имен и деталей. Он заявил, что «на своем веку много раз был посаженным отцом», но «не помнит, был ли посаженным отцом у какого-нибудь Бурштейна». Однако под конец допроса отставник вспомнил, что когда-то на его квартире на 7-й линии «хворали дети какого-нибудь Бурштейна» и «если бы Бурштейна ему показали, может быть», он узнал бы его¹¹.

В тот же день был допрошен 46-летний кронштадтский мещанин З. М. Щербовский. Он исповедовал иудаизм, был неграмотен и ранее

не состоял под судом. З. М. Щербовский владел медно-кожевенно-слесарной мастерской. Он заявил, что знаком «с евреем Хоно, который живет теперь по 7-й линии, имеет вывеску «Гаврило Николаев» и «занимается медно-слесарною работою»¹². Каждую субботу, по свидетельству Залмана, этот человек «бывает в нашей моленной». Но З. М. Щербовский уверял, что «коротко не знаком» с ним. При этом ему было известно, что у Николаева «в квартире живет женщина», но жена ли она ему, он не знал. Участие в венчании Щербовский отрицал, объясняя это тем, что не является раввином и не знает ни о какой свадьбе или разводе Хоно с первой женой.

Далее в деле помещен допрос отставного унтер-офицера Федора Павловича Иванова. 55-летний Иванов служил вахтером в 1-м кадетском корпусе, владел русской грамотой и под судом не бывал. Вахтер рассказал М. И. Любимову, что в 1841 г. был крещен в православие, состоя на службе в г. Вольске, в Саратовском батальоне военных кантонистов. Он подтвердил, что был знаком с Г. Николаевым и знал, где тот был крещен, но все эти сведения он «слышал от него же»¹³. Также Иванов сообщил, что слышал от кого-то, «что Гаврило Николаев женился на еврейке по еврейскому обряду», но «кто венчал эту свадьбу», он не знал. В ходе допроса вахтер вспомнил детали, которые также указывают на подлинность многих утверждений доносчика Беккера: «Говорили, что эта свадьба была у В. Линчевского. Сам я на этой свадьбе не был. Потом я как-то случайно попал в квартиру Гаврилы Николаева и видел у него женщину, о которой мне потом кто-то сказал, что это жена Гаврилы Николаева — еврейка. Назывался ли когда Николаев Бурштейном, мне неизвестно. Я слышал, например, от машиниста Шимлера, что Гаврило ходит в еврейскую молельню и ныне»¹⁴. Неожиданно в завершении допроса Ф. П. Иванов добавил, что «на свадьбе у Николаева была еврейка Левина, но где она живет», ему не было известно¹⁵.

Последним давал показания 55-летний отставной рядовой Т. Цвиль. Он исповедовал иудейскую веру, был неграмотен и не попадал под суд. Цвиль жил в военной прогимназии на Петербургской стороне. С Бурштейном он был «знаком лет 7 или 8», так как все это время тот посещал «еврейскую молельню на острове». Цвиль сообщил, что ему ничего не известно о свадьбе или разводе Бурштейна. Однако он не отрицал, что воспитывает чужую дочь: «У меня на воспитании живет девочка, которая была принесена ко мне восьми месяцев неизвестною мне женщиною. Эта женщина представила мне лет пять тому назад метрическое свидетельство, выданное шавельским раввином, о том, что в октябре 1872 г. родилась дочь Рива у Леи, по отцу Картун, и Хиненц Бурштейна в ме-

стечке Груздах Шавельского прихода. Девочке этой теперь 10 лет. Больше я ничего не знаю»¹⁶.

Неординарность поведения Николаева-Бурштейна заключалась в попытке возвратиться в иудаизм, минуя официальные органы власти. Он не остановился на негласном исполнении обрядов иудаизма, как поступали многие отставники, недовольные своим «казарменным православием». Николаев устроил подпольную еврейскую свадьбу, развелся и женился во второй раз. Он действовал самостоятельно и независимо от российских чиновников и представителей еврейского сообщества. В проведении свадебных ритуалов отставнику помогали друзья, посещавшие солдатскую молельню. Здесь уместно провести аналогии с общиной еврейских военнослужащих, существовавшей в столице в 1830–1840-е гг. Члены этого сообщества самостоятельно устраивали религиозную жизнь: выбирали раввинов и шойхетов, обучали детей, вели метрические записи и т. д. Армейское прошлое сблизало прихожан Василеостровской молельни столь же крепко, как национальное происхождение и религия.

Показания по делу Николаева-Бурштейна подтверждают, что для сотен петербургских евреев большое значение имели солдатские молельни. Они были тем местом, где встречались и общались ремесленники, отставники, а также те, кто нес службу. Молельни притягивали не только исповедующих иудаизм, но и выкрестов. Николаев был не единственным крещеным солдатом, попытавшимся возвратиться к иудаизму после отставки¹⁷. Среди молящихся иудеев в разных синагогах столицы могли появляться солдаты с русскими именами, возвращавшиеся втайне от властей к вере отцов¹⁸.

¹ ЦГИА СПб. Ф. 19. Оп. 69. Д. 5. Л. 36об.

² Там же.

³ Там же. Л. 26–26об.

⁴ Там же. Л. 26об.

⁵ Там же.

⁶ Там же. Л. 27.

⁷ Там же.

⁸ Там же. Л. 13.

⁹ Там же. Л. 36об.

¹⁰ Там же. Л. 59.

¹¹ Там же.

¹² Там же. Л. 59об.

¹³ Там же.

¹⁴ Там же. Л. 59об.–60.

¹⁵ Там же. Л. 60.

¹⁶ Там же.

¹⁷ О матросе Н. Бейлине, борвшемся за право исповедовать иудаизм, см.: Амчиславский В. Л. Дело отставного матроса Михаила (Нохима) Бейлина // Петербургские военно-исторические чтения. Межвузов. науч. конф. Санкт-Петербург, 11 марта 2009 г. Сб. науч. ст. / Ред. кол.: А. Б. Николаев (отв. ред. и сост.), А. В. Аранович. СПб., 2010. С. 34–39.

¹⁸ Полный текст статьи в Интернете. URL: <http://vicamch.blogspot.com/2012/02/blog-post.html>

Т. С. Лызлова

(Смоленск, Российская Федерация)

ЕВРЕЙСКИЕ ОРГАНИЗАЦИИ СМОЛЕНСКА В НАЧАЛЕ XX в.

Национальное движение стало неотъемлемой частью политической жизни страны в начале XX в. Евреи были одной из самых угнетенных и затравленных наций Российской Империи: сохранялась черта еврейской оседлости, ограничивалась предпринимательская деятельность, существовала процентная норма при поступлении в учебные заведения, антисемитская травля и погромы становились обычным явлением. С конца XIX в. представители этого народа активно включаются в борьбу за достижение национального равноправия, создавая еврейские политические партии и общественные организации разнообразной направленности и используя при этом различные способы.

После Февральской революции, отменившей все виды дискриминации евреев, началась их активная легальная политическая и общественная деятельность. Весной-летом 1917 г. наблюдался невиданный ранее взрыв еврейской общественной и культурной активности: все еврейские партии вышли из подполья; появились десятки новых обществ и объединений (только в одном провинциальном Смоленске в этот период действовало около 25 различных еврейских организаций), издательств и периодических изданий; проводились партийные совещания и конференции; началась подготовка к Всероссийскому еврейскому съезду; стала достижимой идея национально-культурной автономии и национального представительства в органах власти и самоуправления.

Подавляющее большинство российских евреев к началу XX в. оставались приверженцами иудаизма. Практически в каждом городе или местечке работала синагога, а порой и несколько. Например, в одном Смо-

ленске в начале века было шесть иудейских молитвенных домов и три синагоги.

Поэтому в конце XIX–начале XX вв. наряду с еврейскими социал-демократическими партиями (Бунд, сионисты-социалисты и ЕСДРП «Поалей-Цион»), неонародническими партиями (СЕРП) возникают еврейские религиозные партийные и общественные организации. Так, летом 1917 г. создается еврейская ортодоксальная религиозная партия «Ахдус» (Ахдут, Единство), как объединение петроградской группы «Нецах Израэль» и московской «Херут Умасорет» (Свобода и традиция).

Формально большинство еврейских объединений не были политическими, но фактически многие вели политическую деятельность. Они влияли на формирование общественного мнения, на политику, многие делегировали своих представителей в Советы, Исполкомы, комитеты, другие представительные органы и государственные структуры. Они давали свою оценку действиям властей, высказывали свои взгляды по конкретным экономическим, политическим и религиозным вопросам. Так, большинство религиозных организаций лишь носило религиозную оболочку, а на самом деле занимались активно делами общины, благотворительностью и просветительской деятельностью среди еврейского населения.

Смоленская земля по праву считается исконно русской. Однако здесь на протяжении многих веков бок о бок с русскими жили представители различных национальностей: белорусы, евреи, латыши, поляки, цыгане и др. При этом еврейская диаспора занимала среди них первое место. В конце XIX в. доля еврейского населения в губернии составляла 7% от общего числа жителей (11 185 чел.). В первые два десятилетия XX в. эта цифра постоянно увеличивалась. К 1920 г. еврейское население Смоленщины составило 30 958 чел., в 1921 г. эта цифра увеличилась до 45 тыс., а в 1926 г. евреи составляли 1,5% к общему числу населения (36 656 чел.).

В октябре 1898 г. в Смоленске было организовано «Общество пособия бедным города Смоленска иудейского вероисповедания», председателем правления которого долгие годы был Н. В. Шварц. Общество оказывало не только материальную помощь нуждающимся. Им было открыто несколько ремесленных мастерских, а в 1900 г. оно выступило с ходатайством «об открытии школы для бесплатного обучения бедных девочек». В январе 1902 г. усилиями общества в Смоленске была открыта еврейская библиотека-читальня. Также оно принимало активное участие в устройстве еврейских религиозных праздников¹.

После Октября 1917 г. в Смоленске, как и везде, наиболее активная группа евреев быстро воспользовалась предоставленной возможностью

включиться в общественную и политическую жизнь. Осуществляют свою деятельность старые религиозные общественные и благотворительные организации, возникают новые религиозные партии. Так, в июне 1917 г. популярным раввином А. Ю. Фридманом было создано отделение религиозной ортодоксальной антисионистской партии «Агудас-Израэль»².

Деятельность «Общества пособия бедным города Смоленска иудейского вероисповедания» продолжается довольно активно до начала 1920-х годов. Целью Общества было «оказывать помощь деньгами в виде ежемесячных и единовременных пособий бедным, осужденным и красноармейцам». Структура Общества была следующей: на общем собрании избиралось Правление из 20 человек, которые в свою очередь выбирали Президиум. В Президиум в годы советской власти входили: председатель — Зингель З. Ш., товарищи — Певзнер С. М. и Смолянский И. Г., секретарь — Израилетан И. М., казначей — Завадский Б. И. и делопроизводитель — Банкин Ш. Э.³

Членами Общества состояло около тысячи человек, которые платили взносы от 100 до 500 руб., иногда делались единовременные взносы до 15 000 рублей. Собрания проводились в одной из синагог. Деньги распределялись как ежемесячные пособия до 2 000 руб. и единовременные в сумме до 30 000 руб., предназначенные для организации торговли. Часто помощь оказывалась и натурой: мукой, дровами и прочими вещами, которые приобретались на деньги, имеющиеся в кассе Правления. На религиозные праздники, например, Песах и Суккот собирались миллионные средства для приобретения муки и мяса, которые распределялись среди осужденных и красноармейцев.

Существовали и добровольные пожертвования. Для их сбора были специальные сборщики, которые получали процент. Так, приблизительная сумма, полученная в осенние еврейские религиозные праздники 1920 г. составила около 1 100 000 рублей. С начала просители подавали письменные заявления, а потом деньги стали выдаваться на основании устных заявлений. Все выплаты заносились в специальные книги, из которых было видно, кому и сколько денег выдавалось⁴.

При Обществе было и погребальное братство, которым заведовал Фарберов С. А. Деньги за место на кладбище платили только богатые, которые шли на похороны бедных евреев и на расходы по содержанию кладбища⁵.

С начала 1920-х годов по мере становления однопартийной системы начинается наступление не только на национальные партийные, но и на общественные и благотворительные организации. Советская власть уже

не приветствовала существование и деятельность каких-либо самостоятельных организаций, в том числе и еврейских.

В феврале 1921 г. подотделом Юстиции Смоленского губисполкома было заведено дело на «Общество пособия бедным иудейского вероисповедания». В результате было выявлено, что:

Во-первых, Общество действовало незаконно. Читаем: «Все эти лица действуют по уставу, утвержденному царским правительством и местным губернатором; устав ныне нигде не зарегистрирован; отчеты никуда не отправлялись».

Во-вторых, указывался целый ряд противозаконных деяний Правления: «...кроме денежной помощи оказывалась помощь натурой... вопреки всем существующим декретам о запрещении частной торговли и продажи монопольных товаров, которые покупались на вольные деньги...» или «...не ограничиваясь такого рода деятельностью, Общество присвоило себе функции отдела социального обеспечения. Правление Общества умышленно развило спекуляцию и поддерживает частную торговлю путем выдачи из кассы сумм для организации торговли..., выдачи носили систематический характер...».

В-третьих, особое внимание и недовольство следственных органов обращается на категории лиц, с которыми работало Общество: «...обратило свое внимание на дома заключенных и красноармейские части. Осужденных спекулянты круглый год снабжали хлебом, а по праздникам горячей пищей... Среди красноармейцев велась пропаганда, они снабжались горячей пищей, причем обеды устраивались в синагоге. О размерах работ среди красноармейцев можно судить по следующим данным — на обед в последний праздник было куплено мясо на 200 000 рублей... Привлекая этим путем красноармейцев, вели среди них антисоветскую пропаганду и разлагали их как воинов рабоче-крестьянской власти».

Наконец, особым пунктом было выделена религиозная направленность работы: «Раввин Гинзбург не только знал, но и покровительствовал деятельности этого Общества, так как деятельность такового отвечает его антисоветским убеждениям. Ибо он говорит, что частную торговлю нельзя было сразу уничтожить, а постепенно; собрания членов Общества происходили у него в синагоге, он состоял членом Общества и даже получал от него пособия. Гинзбург является убежденным противником не только декрета об уничтожении частной торговли, а и многих других, так, например, по вопросу отделения церкви от государства он также не согласен с советским правительством и находит, что молитвенные дома и церкви должны иметь свои земли и капитал... Совершенно не считаясь с декретом о едином народном суде раввин Гинзбург присвоил

себе функции такового и до сего времени производил суд по вопросам: о неуплате долга, ссоре мужа и жены, по торговле и др. и получал за это вознаграждение»⁶.

Понятно, что с подобными вещами органы советской власти мириться не собирались. Общество было закрыто, члены Президиума арестованы. Им были предъявлены обвинения в нелегальном существовании Общества и антисоветской деятельности. Вынесено постановление, что дело подлежит суду Революционного Трибунала, куда и передано.

Таким образом, в начале 1920-х гг. в стране завершился «золотой период» жизни российского еврейства, начало которому положила Февральская революция. Большинство религиозных партийных и благотворительных организаций, созданных до революции и существовавших в первые годы советской власти, прекратили свою деятельность. Политически активной части еврейского населения остается перейти в местные структуры партии большевиков или искать себя в культурном строительстве.

¹ ГАСО. Ф. 1. Оп. 6. Д. 17. Л. 5; Д. 256. Л. 1; Оп. 7. Д. 1049. Л. 80об.

² ГАСО. Ф. 1. Оп. 6. Д. 54а. Л. 3–13, 21; Д. 47. Л. 2–2об.; Оп. 7. Д. 592. Л. 590–593об.

³ Смоленский вестник. 16–17 июня 1917.

⁴ ГАСО. Ф. 47. Оп. 1. Д. 1723. Л. 172, 179–180.

⁵ Там же.

⁶ ГАСО. Ф. 47. Оп. 1. Д. 7. Л. 250–251.

Д. С. Лавринович

(Могилев, Республика Беларусь)

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ

«СОЮЗА ДЛЯ ДОСТИЖЕНИЯ ПЛНОПРАВИА ЕВРЕЙСКОГО НАРОДА В РОССИИ» В СЕВЕРО- ЗАПАДНОМ КРАЕ (1905–1907 гг.)

В начале прошлого века еврейское либеральное движение в Российской Империи разделялось на три течения. Первое, сионизм, объединяло тех евреев, которые видели решение всех проблем еврейского народа в создании собственной государственности на территории Палестины (Эрец-Исраэль) либо в другом месте (лидеры Ш. Левин, С. Я. Розен-

баум, Г. Я. Брук и другие). Сторонники второго течения полагали, что евреи должны развивать свою национальную культуру и стремиться к автономии внутри России (С. М. Дубнов). Третье течение сводилось к борьбе за устранение ограничений в правах евреев, расширению гражданской и политической свободы всех подданных российского императора. При этом специальных еврейских национальных задач, как правило, не выдвигалось (М. Я. Острогорский, Я. А. Лурье, Ц. Шабад и другие)¹.

В марте 1905 г. представители всех трех течений на съезде в Вильно образовали «Союз для достижения плноправия еврейского народа в России». В его программу вошли требования: отмены законов, ограничивавших права евреев, а также специальных налогов и сборов; участия евреев в выборах и деятельности общероссийского народного представительства; национально-культурного самоопределения «в форме широкой автономии общин, свободы языка и школьного обучения»². Для руководства Союзом плноправия было избрано Центральное бюро из 22 человек, из которых половина проживала в столице, половина — в провинциальных городах. От Вильно в него вошли С. М. Дубнов, Б. Гольдберг и Ш. Левин. Постоянным местопребыванием бюро стал Санкт-Петербург.

После съезда отделы «Союза для достижения плноправия еврейского народа в России» стали открываться в белорусских городах. В мае 1905 г. С. М. Дубнов, Б. Гольдберг и Ш. Левин организовали филиал союза в Вильно, причем еврейские либералы пытались привлечь к борьбе с царизмом за свои национальные права и другие народы края. С. М. Дубнов писал: «Была сделана попытка создать параллельно союз 4-х народностей — поляков, евреев, белорусов и литовцев — на почве краевой автономии и культурного самоопределения». Для этого было сформировано специальное межнациональное бюро, в которое от евреев вошли Ц. Шабад и врач Я. Е. Выгодский. Но в конечном итоге замысел оказался нереализованным. По признанию Дубнова: «Тормозили дело поляки, которые не признавали равенства других народностей в Литве»³.

Кроме Вильно, отделы Союза плноправия на территории белорусских губерний образовались в: Белостоке, Витебске, Гомеле, Гродно, Игумне, Могилеве, Невеле, Орше, Пинске, Слониме и других городах⁴. Евреи активно включились в борьбу с самодержавным режимом. Начальник Витебского губернского жандармского управления в июне 1905 г. сообщал в Особый отдел Департамента полиции МВД: «В разных местностях Витебской губернии и в том числе и в Витебске неоднократно замечались большие собрания в частных домах евреев под предлогом обыкновенных вечеров для препровождения времени, но на самом

деле там решались и обсуждались вопросы неофициального еврейского общественного самоуправления и выработка программы активных действий евреев⁵. В письме из Особого отдела Департамента полиции на имя начальника Гродненского губернского жандармского управления указывалось, что Бюро Союза полноправия поддерживает постоянные связи с помощником присяжного поверенного В. Р. Якубсоном в Слониме и доктором Г. Т. Замковским в Гродно⁶. В свою очередь из Гродно сообщили в Особый отдел, что Г. Т. Замковский является председателем Гродненского отдела Союза полноправия и ему также поручено вербовать членов Союза в Волковыске, Кобрине, Слониме и Соколке⁷. В Минске отдел «Союза для достижения полноправия еврейского народа в России» был организован врачами О. Л. Лунцем, Г. Я. Сыркиным, Е. С. Хургиным и инженером И. А. Касселем⁸. Могилевский отдел возглавляли присяжный поверенный И. Е. Видорович и Я. А. Лурье⁹.

На подъеме революции, 22–25 ноября 1905 г., состоялся второй съезд «Союза для достижения полноправия еврейского народа в России». Он принял решение о необходимости созыва еврейского учредительного собрания и о блоке с Конституционно-демократической партией. Съездом было переизбрано его бюро. От белорусских губерний в него вошли: от Вильно — С. М. Дубнов и Ш. Левин, от Пинска — Г. Лурье, от Могилева — Я. А. Лурье, от Гродно — Б. Д. Яновская и от Гомеля — доктор Г. Брук¹⁰.

На третьем съезде Союза, 10–13 февраля 1906 г., было решено принять активное участие в выборах в Государственную думу. Выборы в I Думу состоялись в марте-апреле 1906 г. В них приняли участие 70% евреев-избирателей. Депутатами стали 12 евреев, среди них Ш. Левин (от Вильно), С. Я. Розенбаум (от Минской губернии), Г. Я. Брук (от Витебской губернии), М. Я. Острогорский (от Гродненской губернии). 8 депутатов-евреев (среди них Ш. Левин, С. Я. Розенбаум, Г. Я. Брук) вошли в думскую фракцию кадетов. М. Я. Острогорский примкнул к фракции Партии демократических реформ.

9–12 мая 1906 г. в Санкт-Петербурге состоялся четвертый съезд «Союза для достижения полноправия еврейского народа в России». Съезд решил не создавать особой думской еврейской фракции с обязательной дисциплиной, как того требовали сионисты, обязав депутатов-евреев лишь совещаться и координировать свои действия по вопросам еврейского полноправия¹¹. В Государственной думе депутаты-евреи из разных фракций составили Еврейскую думскую группу для координации своих действий. Платформа группы, по сути, совпадала с кадетской: еврейский вопрос рассматривался сквозь призму общегосударственных интересов,

национальное же освобождение евреев связывалось с политическим освобождением всей Российской Империи.

Неудачи в борьбе за равноправие после роспуска I Государственной думы, усилившиеся репрессии со стороны властей заставили многих еврейских либералов задуматься о целесообразности дальнейшего существования «Союза для достижения полноправия еврейского народа в России». Сионисты решают действовать самостоятельно. В ноябре 1906 г. они провели свой съезд в Гельсингфорсе. Здесь была принята так называемая программа «синтетического сионизма», т. е. совмещения идеи о создании еврейского государства в Палестине с борьбой за национально-культурную автономию в диаспоре¹². Была создана Всероссийская сионистская организация во главе с Центральным комитетом в Вильно, которая, по сути, превратилась в политическую партию либерального направления.

В конце 1906 г. по инициативе С. М. Дубнова образуется Еврейская народная партия («Фолькспартей») Она была преимущественно интеллигентской по составу и действовала в фарватере российских кадетов. Большинство оставшихся членов Союза полноправия объединились в феврале 1907 г. в Еврейскую народную группу (ЕНГ) во главе с М. М. Винавером. В нее вошли, главным образом, евреи — члены Конституционно-демократической партии. В черте еврейской оседлости возникло много отделений ЕНГ, а в мае 1907 г. состоялся даже областной съезд отделений Северо-Западного края¹³.

Раскол «Союза для достижения полноправия еврейского народа в России» и противодействие властей привели к тому, что во II Государственную думу было избрано всего 5 евреев. Ни одного депутата-еврея от пяти белорусских губерний избрано не было. При такой малочисленности евреев в Думе вопрос о правах еврейского народа особо не ставился, но по согласованию с бюро Союза полноправия депутаты при поддержке кадетской фракции решили добиваться, чтобы при принятии законопроектов, расширявших права различных групп населения и отменявших всякие ограничения, для евреев не делалось исключений¹⁴.

В марте 1907 г. состоялась конференция «Союза для достижения полноправия еврейского народа в России». Было решено сохранить его как федерацию четырех самостоятельных организаций: сионистов, «Фолькспартей», Еврейской народной группы и Еврейской демократической группы. В будущем предполагалось созвать пятый съезд союза, на котором его реорганизация должна была быть окончательно завершена. Однако из-за противодействия сионистов съезд так и не состоялся¹⁵. Союз полноправия постепенно сошел с политической арены.

- ¹ История евреев России : Учебник / Гл. автор. кол-ва Л. Прайсман. М., 2007. С. 228, 360, 366; Дубнов С. М. Письма о старом и новом еврействе (1897–1907). Систематически обработанное и дополненное издание. СПб., 1907. С. 83.
- ² Общественное движение в России в начале XX века: В 5 т. / Под ред. Л. Мартова, П. Маслова и А. Потресова. СПб., 1909–1914. Т. 3. Кн. 5: Партии — их состав, развитие и проявление в массовом движении, на выборах и в Думе. С. 320–321.
- ³ Дубнов С. М. Книга жизни: Воспоминания и размышления: Материалы для истории моего времени. СПб., 1998. С. 264.
- ⁴ Съезд делегатов Союза для достижения полноправия еврейского народа в России // Восход. 1905. 1 декабря. С. 22.
- ⁵ ГАРФ. Ф. 102. ОО. 1905 г. Оп. 233. Д. 999. Ч. 13. Л. 9об.
- ⁶ Там же. Л. 47.
- ⁷ Там же. Л. 53.
- ⁸ Минские вести // Голос провинции. 1906. 27 апреля. С. 2.
- ⁹ И. М. В союзе еврейского равноправия // Могилевский голос. 1906. 25 мая. С. 4.
- ¹⁰ ГАРФ. Ф. 102. ОО. 1905 г. Оп. 233. Д. 999. Ч. 13. Л. 62.
- ¹¹ Дубнов С. М. Евреи в России и Западной Европе в эпоху антисемитской реакции. М., Пг., 1923. Кн. 2: Евреи в России в царствование Николая II (1894–1914). С. 79.
- ¹² Там же. С. 86.
- ¹³ Еврейская народная группа // Электронная еврейская энциклопедия. URL: <http://www.eleven.co.il/article/11504> (дата обращения: 16.06.2009); НИАБ. Ф. 300. Оп. 1. Д. 20. Л. 197.
- ¹⁴ История евреев России: Учебник / Гл. автор. кол-ва Л. Прайсман. М., 2007. С. 243–244.
- ¹⁵ Дубнов С. М. Книга жизни... С. 287.

Е. А. Павлева
(Прага, Чехия)

«ЕВРЕЙСКИЙ ВОПРОС» В НАЦИОНАЛЬНОЙ ПОЛИТИКЕ ПРАВИТЕЛЬСТВА В 1905–1907 гг.

«Но разве со стороны бога не было ошибкой поселить евреев в России, чтобы они мучались, как в аду? И чем было бы плохо, если бы евреи жили в Швейцарии, где их окружали бы первоклассные озера, гористый воздух и сплошные французы?» — вопрос героя «Одесских рассказов» И. Бабеля был в начале XX века в Российской Империи как нельзя актуален. После погромов 1881 г. задача полной интеграции евреев в российское общество, поставленная в начале XIX в., была признана невыполнимой и ошибочной¹, политика вплоть до начала XX в. характеризуется введением запретительных и дискриминационных мер по отношению к

евреям, а в российском обществе отмечается нарастание антисемитских настроений.

«Вечный» еврейский вопрос особенно обострился со вступлением империи в полосу революционных потрясений в 1904–1907 гг., получив при этом революционную окраску. Именно в это время в антиеврейской агитации впервые открыто проявил себя крайний, экстремистский русский национализм в лице «Союза русского народа» и других черносотенных организаций. Одновременно еврейский вопрос приобретает и особый статус, став своеобразным «лакмусовым тестом», которым измерялась открытость общества и приверженность идеалам либерализма, модернизации и национальной толерантности. Представляя собой, в сущности, вопрос об эмансипации еврейского населения, он рассматривался в обществе в общем контексте равноправия всех нерусских национальностей империи. Эмансипация евреев, таким образом, являлась как бы верхним «максимумом» либерализации всей национальной политики государства. Под влиянием революционных событий 1905 г. и давления со стороны оппозиции, одним из главных требований которой стало справедливое решение еврейского вопроса, правительство было вынуждено пойти на ряд либеральных уступок в отношении еврейского населения.

Необходимо отметить, что попытки смягчения еврейского законодательства предпринимались и раньше². Эти попытки предпринимались исходя из разных мотиваций. Одной из главных мотиваций были соображения экономического характера. Как говорил В. Н. Коковцов: «По установившейся почему-то традиции на министре финансов лежит защита евреев»³. Это «почему-то», на самом деле, объяснялось осознанием той роли, которую могли бы играть евреи в процессе модернизации и индустриализации страны. Кроме того, дискриминационная политика по отношению к евреям, по словам С. Ю. Витте, «губительно отзовется на русском государственном кредите, так как закроет для него иностранные денежные рынки, всецело находящиеся в руках евреев»⁴. Этот фактор стал особенно актуален в начале XX в., когда Россия, после поражения в Русско-японской войне, остро нуждалась в зарубежных займах.

Другим важным мотивом были соображения поддержания порядка в стране, осознание того факта, что дальнейшие притеснения евреев лишь ведут к их усиленной революционизации. Кроме того, попытки смягчения мер по отношению к евреям мотивировались соображениями некоторых представителей высшей бюрократии о социальной справедливости и законности, что стало особенно актуально после подпи-

сания императором Октябрьского манифеста, гарантировавшего гражданские свободы всему населению империи, включая и евреев. Эти два мотива особенно прослеживались в вопросе о допущении еврейских представителей в Думу. Так, при первых обсуждениях думского проекта С. Ю. Витте резко протестовал против предложения А. Г. Булыгина, который предлагал устранить от выборов в Думу, кроме «кочевых и бродячих инородцев» и «финляндских обывателей», все еврейское население империи⁵. Успокаивал он своих коллег тем, что благодаря имущественному цензу в Думу пройдет всего несколько евреев, которые, по его мнению, не будут иметь большого влияния⁶. В итоге, под давлением Витте, Совет министров постановил, что «по соображениям политической осторожности» необходимо предоставить евреям право избирать и быть избранными и что «отказ евреям в праве, которое, по силе Рескрипта 18 февраля, может почитаться дарованным Вашим Императорским Величеством всему населению Империи несомненно, раздражит еще более эту национальность... К успокоению ее надлежит стремиться всеми возможными мерами и, без сомнения, следует избегать вносить в среду ее новый горячий материал»⁷. В общем, в отношении Витте к разрешению еврейского вопроса четко прослеживается как традиционная экономическая мотивация, так и личные соображения социальной справедливости. По мнению Витте, объединить все население империи можно было только при условии проведения такой политики, которая давала бы нерусскому населению «возможность улучшить свое экономическое благосостояние и развивать свои духовные силы»⁸, поэтому он попытался провести некоторые мероприятия, направленные на облегчение положения евреев. Однако, несмотря на то, что сам он считал себя «решительным сторонником еврейского равноправия», Витте полагал, что «не следует ставить вопрос так резко», а «окончательное решение всего еврейского вопроса следует предоставить Думе. Мы не имеем право предрешать вопроса, касающегося всего населения России накануне созыва представителей всей страны»⁹. Таким образом, С. Ю. Витте, как и многие другие в правительстве, не хотел брать на себя ответственность за решение вопроса, способного вызвать острые социальные конфликты.

С начала XX века к этим «традиционным» мотивам добавились новые факторы, в первую очередь, давление со стороны либеральной части общественности, с конца XIX в. вставшей на защиту евреев и считавшей антисемитское движение «позором нашего времени», по выражению Б. Н. Чичерина¹⁰. Особенно явно оно проявилось с момента созыва Думы, сначала в форме запросов правительству о при-

чинах погромов, разразившихся в Российской Империи в 1905 г., а впоследствии в виде законопроектов об уравнивании прав еврейского населения.

Кроме того, многие в правительстве четко осознавали необходимость перемены политики в отношении евреев и тот факт, что еврейское законодательство уже устарело и не отвечает условиям времени, тем самым усугубляя проблему. Этим соображением руководствовался, например, кн. П. Д. Святополк-Мирский, бывший министром внутренних дел в 1904–1905 гг., который в своей программе, представленной императору, одной из первых и самых необходимых мер считал именно упорядочение законодательства о евреях¹¹.

Новым фактором в начале XX в. становится также формирование различных течений русского национализма, как правых, так и либеральных, иначе осмысливавших природу русской нации и ее границы. Для всех этих концепций еврейский вопрос, наряду с польским и украинским, стал одной из главных координат, определяющих принадлежность к тому или иному течению. Точно так же, как и для концепции «официального» национализма самодержавия¹², для правых концепций, как экстремистских, так и умеренных, евреи представлялись в качестве «обязательного Иного» — «неперевариваемого иностранного элемента»¹³, олицетворением всего «антирусского», не подлежа включению в гипотетические границы русской нации. В отличие от позиции правых, для некоторых либеральных концепций, в особенности концепций «гражданской нации», евреям нашлось место в ее границах¹⁴. Характерной в этом отношении является позиция князя П. Д. Святополк-Мирского: «Для меня нет в нашем отечестве национальностей и иноверцев; для меня все — русские»¹⁵.

В своих попытках смягчения мер по отношению к евреям правительство, однако, было вынуждено преодолевать личный антисемитизм многих представителей высшей бюрократии, а прежде всего самого Николая II и его ближайшего окружения¹⁶. Показательными в этом отношении являются попытки смягчения еврейского законодательства министром народного просвещения И. И. Толстым и премьер-министром П. А. Столыпиным.

И. И. Толстой был «решительным и убежденным сторонником полной равноправности всех национальностей, обитающих в пределах Русского государства», а в еврейском вопросе — «сторонником полного уравнивания этой преследуемой нации во всех правах с остальными гражданами России»¹⁷. Определялось это его твердой гражданской позицией: «Все люди должны быть равны перед бесстрастным и нелице-

приятным законом, определяющим наши, одинаковые для всех, права и обязанности в государстве и обществе»¹⁸. В январе 1906 г. Толстой выступил с предложением об отмене процентной нормы для евреев в высших учебных заведениях. Обосновывал он свое предложение тем, что, по его мнению, «опыт применения указанных мероприятий не оправдал возлагавшихся на них надежд», а «еврейская молодежь, приобретшая окончанием курса средней школы право на поступление в высшие учебные заведения, но лишённая этого права административным распоряжением учебного начальства, вступает в практическую жизнь с чувством обиды и вражды к ограничивающей ее права государственной власти. Этими озлобленными элементами пополнялась и поддерживалась революционная партия...»¹⁹. Совет министров разделился во мнениях по поводу этого предложения, и окончательное решение в этом вопросе осталось за императором. Рассмотрев меморию Совета министров 2 февраля, Николай поставил следующую резолюцию: «Еврейский вопрос должен быть рассмотрен в общей совокупности тогда, когда я признаю это благовременным»²⁰. В итоге, вопрос о процентной норме больше не обсуждался в Совете министров, а решение одного из главных аспектов еврейского вопроса в очередной раз было отложено на неопределенное время.

В конце ноября 1906 г. П. А. Столыпин попытался провести проект об отмене некоторых ограничений в еврейском законодательстве²¹. Обосновывая свои мотивы, Столыпин писал в письме императору: «Еврейский вопрос поднят был мною потому, что, исходя из начал гражданского равноправия, дарованного манифестом 17 октября, евреи имеют законные основания домогаться полного равноправия; дарование ныне частичных льгот дало бы возможность Государственной Думе отложить разрешение этого вопроса в полном объеме на долгий срок. Затем я думал успокоить нереволюционную часть еврейства...»²². Кроме того, Столыпин осознавал, что вопрос об отмене ограничений прав евреев настолько назрел в общественном мнении, что игнорировать его дальше было нельзя. Естественно, при обсуждении этого проекта в Совете министров возникли острые разногласия и споры, но в результате большинство членов Совета все же одобрило проект. Император, однако, вернул журнал Совета министров П. А. Столыпину неутвержденным. В сопроводительном письме Николай II писал: «Несмотря на самые убедительные доводы в пользу принятия положительного решения по этому делу, — внутренний голос все настойчивее твердит мне, чтобы я не брал этого решения на себя. До сих пор совесть моя никогда меня не обманывала. Поэтому и в данном случае я намерен следовать ее велениям»²³. Как писал по этому

поводу Ханс Роггер, «там, где командовала совесть, голос здравого смысла, практической выгоды или справедливости имел мало шансов быть услышанным»²⁴.

Таким образом, мы можем прийти к заключению, что тогда как «официальная» и близкие к ней в вопросе отношения к евреям правые концепции русского национализма могли оказывать на политику по отношению к евреям прямое влияние в лице Николая II (хотя и значительно ослабленное под давлением общественности), либеральные концепции имели на политику воздействие опосредованное — в виде давления со стороны общественного мнения, а также со стороны Думы. Русский национализм не был единственным фактором, который мотивировал политику правительства по отношению к евреям в данный период — мотивы экономического характера, необходимость удержания порядка и соответствия закону также играли важную роль. Однако, наталкиваясь на решительное сопротивление императора, обосновывавшего его тем, что еврейский вопрос должен быть решен в общей совокупности, либо соображениями «мистического» характера, правительство предпочитало уклоняться от принципиального решения проблемы, при этом ограничившись мелкими «косметическими» уступками, чтобы хоть как-то смягчить ситуацию, и предпочитая каждый раз откладывать решение вопроса на неопределенное время. При этом мы можем констатировать, что в данный период не вводились новые антиеврейские ограничения. Как бы то ни было, позиция евреев в Российской Империи улучшилась в одном важном аспекте — кроме того, что в данный период не вводились новые антиеврейские ограничения, евреям было гарантировано представительство в Государственной Думе, то есть возможность участия в политическом дискурсе страны.

Среди историков до сих пор не сложилось единого мнения относительно значения 1905 г. для истории российских евреев. Несомненно то, что наряду с 1881 и 1917 годом, первая русская революция явилась одним из поворотных моментов, повлиявших на развитие еврейского общества²⁵.

¹ Ричард Уортман объясняет такой поворот в отношении евреев сменой основополагающих «мифов» монархии при Александре III, а именно «европейского мифа» «мифом национальным», который способствовал формированию образа евреев как изгоев и врагов самодержавия. Wortman, R. Scenarios of power: myth and ceremony in Russian monarchy from Peter the Great to the abdication of Nicholas II. New Jersey, 2006.

² Тихонов А. К. Католики, мусульмане и иудеи в Российской империи в последней четверти XVIII—начале XX в. СПб., 2008; Савиных М. Н. Законодательная политика Российской самодержавия в отношении евреев во второй половине 19—начале 20 вв. Омск, 2004.

- ³ Водовозов В. В. Секретные протоколы Петергофского совещания // Голос минувшего. 1917. № 2. С. 218.
- ⁴ Давыдов А. В. Воспоминания. 1881–1955. Париж, 1982. С. 224–225.
- ⁵ Материалы по учреждению Государственной Думы. 1905. СПб., 1905. С. 125–126.
- ⁶ Крыжановский С. Е. Воспоминания. Берлин, 1938. С. 40.
- ⁷ Материалы по учреждению... С. 27.
- ⁸ Журналы Комитета министров по исполнению указа 12 декабря 1904 г. СПб., 1904. С. 312.
- ⁹ Толстой И. И. Воспоминания министра народного просвещения графа И. И. Толстого. 31 октября 1905 г. — 24 апреля 1906 г. М., 1997. С. 22–23.
- ¹⁰ См, напр.: Акао М. «Еврейский вопрос» как русский (общественное движение русских писателей в защиту евреев в последние десятилетия царской России) // Beyond the Empire: Images of Russia in the Eurasian Cultural Context. Sapporo, 2007. P. 215–236.
- ¹¹ Всеподданнейший доклад министра внутренних дел П. Д. Святополк-Мирского 24 ноября 1904 года // Река времен. Кн. 5. М., 1996. С. 243–244.
- ¹² Об «официальном национализме» см. Anderson, B. Imagined Communities: Reflections on the Origin and Spread of Nationalism. London; New York, 2006. P. 85–114.
- ¹³ Safran, G. Rewriting the Jew. Assimilation Narratives in the Russian Empire. Stanford, 2000. P. 193. См. также: Goldin, S. Jews as cosmopolitans, foreigners, revolutionaries. Three images of the Jew in Polish and Russian nationalist ideology at the end of the nineteenth and early twentieth centuries // European Review of History. 2010. Vol. 17. № 3. P. 431–444; Podbolotov, S. «True-Russians» against the Jews: Right-Wing Anti-Semitism in the Last Years of the Russian Empire, 1905–1917 // Ab Imperio. 2001, № 3. P. 191–220.
- ¹⁴ Малинова О. Ю. Либеральный национализм (середина XIX — начало XX века). М., 2000; Шелохаев В. В. Либеральная модель переустройства России. М., 1996.
- ¹⁵ Ачкасов А. «Повеяло весною». Речи министра внутренних дел кн. П. Д. Святополк-Мирского и толки о них в прессе. М., 1904. С. 28–29.
- ¹⁶ См, напр.: Podbolotov S. «...And the entire mass of loyal people leapt up»: The attitude of Nicholas II towards the pogroms // Cahiers du Monde Russe. 2004. Vol. 45. № 1–2. P. 193–208.
- ¹⁷ Толстой И. И. Воспоминания... С. 22–23.
- ¹⁸ Толстой И. И. По поводу правового положения евреев // Щит: Лит. сб. М., 1915. С. 185–186.
- ¹⁹ Толстой И. И. Воспоминания... С. 146–147.
- ²⁰ Совет министров Российской империи: 1905–1906 гг. Документы и материалы. Л., 1990. С. 196.
- ²¹ Дякин В. С. Национальный вопрос во внутренней политике царизма (XIX - начало XX вв.). СПб., 1998. С. 178–180.
- ²² Переписка Н. А. Романова и П. А. Столыпина // Красный архив. 1924. Т. 5. С. 106.
- ²³ Там же. С. 105.
- ²⁴ Rogger H. The Beilis Case: Anti-Semitism and Politics in the Reign of Nicholas II // Slavic Review. 1966. Vol. 25. № 4. P. 623.
- ²⁵ О роли революции 1905 г. в истории российских евреев см. Frankel J. Crisis, revolution, and Russian Jews. Cambridge, 2009; Hoffman S., Mendelsohn E., eds. The Revolution of 1905 and Russia's Jews. Philadelphia, 2008.

М. А. Златина

(С.-Петербург, Российская Федерация)

НАЧАЛЬНЫЙ ЭТАП ПРОЦЕССА ВЫСЕЛЕНИЯ ЕВРЕЕВ ИЗ ПРИФРОНТОВОЙ ЗОНЫ ЗАПАДНЫХ ГУБЕРНИЙ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ В ПЕРИОД ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ (конец июля–сентябрь 1914 г.)

Манифестом Николая II от 20 июля 1914 года Российская Империя вступала в Первую мировую войну. Губернии Царства Польского, а также западной территории России переводились на военное положение, с подчинением всего гражданского управления этих местностей главным начальникам соответствующих военных округов¹. Первые военные столкновения произошли уже в двадцатых числах июля 1914 г.² И практически одновременно с началом военных действий возникло явление беженства. Поскольку бои проходили на территории Царства Польского и западных губерний России, основных местах проживания еврейского населения, большую часть беженцев составили именно евреи. Но помимо добровольного бегства, для еврейского населения оказалось характерным еще одно явление — насильственное выселение военными властями из прифронтовой зоны.

Один из исследователей вопроса беженства в период Первой мировой войны, А. Н. Курцев, полагает, что «с начала войны и до весны 1915 года преобладало стихийное беженство, имевшее добровольный характер»³. И лишь «в конце 1914–начале 1915 из боевой полосы принудительно выселили бесконвойным порядком большие группы российских евреев и немцев-колонистов»⁴. Но историк Ф. Шустер в своей статье сообщает о том, что «26 июля (8 августа) 1914 г. <...> 2 000 еврейских жителей г. Мышенка в центральной Польше около Лодзи были обвинены в шпионаже в пользу противника и изгнаны местным военным командиром без права возвращения»⁵.

Так была ли ситуация с еврейскими беженцами несколько иной, чем представил в своих научных трудах А. Н. Курцев? Суждение о беженстве в начале Первой мировой войны, как только добровольном, спорно. Рассматривая явление еврейского беженства с первых месяцев войны, можно четко выделить две основные группы: непосредственно беженцев и выселенцев, евреев, вынужденных покинуть место жительства по приказу власти государства, гражданами которого они являлись. Были еще

и беженцы, уходящие от своих очагов из-за погромов и насилия, исходящего от русских войсковых частей, их можно отнести к особой группе вынужденных беженцев.

Оставим в стороне проблему добровольного бегства еврейского населения из прифронтовой зоны в первые месяцы войны, как выходящую за рамки темы статьи, обратимся к двум другим группам вынужденных мигрантов: выселенцам и бегущим от армии собственного государства.

В архивных материалах упоминаются случаи бегства, вызванного не столько приходом неприятеля, сколько действиями своих же, русских войск. Например, «12 августа в м. Избица Люблинской губ., вошли русские войска, «вскоре еврейское население было обвинено в порче телефонной связи», к счастью, выяснилось, что проволоку мальчик с товарищами добыл для игры, что кто-то ему посоветовал сказать проходящим солдатам, что проволоку ему дали евреи. Евреи были выпущены [до этого они были посажены под арест — М. З.]. Но еврейское население стало уходить из Избицы»⁶.

Уже в первые месяцы войны появляются и евреи-выселенцы. В докладе Московскому еврейскому обществу помощи жертвам войны от уполномоченного сообщается, со слов очевидцев, что «уже 29 июля 1914 еврейскому населению было приказано покинуть город [Мышенец Ломжинской губ. — М. З.]»⁷. В докладе по еврейскому вопросу Центрального комитета партии народной свободы на конференции партии, состоявшейся 6–8 июня 1915 года, выселение из Мышенец также датируется 29 июля 1914 года. Причем уточняется, что через несколько дней губернатор разрешил им вернуться, но комендант обратно не пустил⁸. Вскоре проходят выселения евреев из Яновца (начало августа) и п. Рыка (27 августа) Радомской губернии⁹.

Но если еврейским жителям Мышенец так и не разрешили вернуться, они осели в ближайшем крупном центре, г. Остроленко Ломжинской губернии, то были случаи, когда выселенные евреи возвращались в оставленные города. Так, 23 августа в г. Ново-Александрии Люблинской губернии, в «11 часов вечера раввин и обыватели — евреи были приглашены в магистрат, и тут же начальник уезда объявил им, что все евреи и немцы с семьями должны по распоряжению коменданта Ивангородской крепости оставить город в двадцать четыре часа. На следующий день удаляемым выдавались в магистрате свидетельства на выезд, в них было сказано, что выселяются из крепостного района на время состояния крепости на военном или осадном положении, вглубь края. За свидетельства взымали деньги, по 30–50 копеек с каждого. Выселяемые отправились в ближайшие поселки, лежащие вне пределов крепостно-

го района (например, в г. Конске, г. Консковоле). Ночью же, 23 августа, начался разгром еврейских лавок и квартир. <...> Впустили обратно в город [Ново-Александрию — М. З.] евреев лишь через три дня. Причем в Консковоле, где было большое скопление выселенцев, приказано было всех под конвоем отправить в Ново-Александрию, в уездное управление, где евреи должны были ручаться, что они не будут шпионить, стрелять в солдат и сопротивляться правительству»¹⁰.

Таким образом, были уже озвучены и причины, точнее, поводы для выселения собственных граждан: поголовные обвинения в шпионаже в пользу противника, а также в сопротивлении правительству, часто бездоказательные.

Порой выселения и возвращения были связаны со взиманием взятки: «20 августа последовало распоряжение коменданта Ивангородской крепости о выселении всех евреев из г. Козениц Радомской губернии. Капитан Корицкий, получив от евреев значительную взятку, старался облегчить их участь, ездил в Ивангород хлопотать. На следующий день приказ был отменен, 2 сентября все евреи вернулись домой»¹¹.

Но первый пик бегства и выселения мирных еврейских жителей приходится на сентябрь 1914 года, период подготовки и проведения Варшавско-Ивангородской операции (середина сентября — начало ноября 1914).

Во-первых, повторно выселяются евреи, уже покидавшие по приказу властей свои дома и только недавно получившие разрешение вернуться. Так, 25 сентября 1914 вновь выселяются евреи п. Рык Радомской губернии¹². Еврейское население, получившее 3 сентября право вернуться в Ново-Александрию Люблинской губернии, уже 25 сентября вновь было обязано покинуть город. «25 сентября, в 10 часов утра расклеены были в городе объявления от бургомистра, что по распоряжению коменданта крепости все евреи подлежат вновь выселению в 24 часа. В 6 часов вечера все евреи вышли из города»¹³. Выселялись и еврейские жители деревень, близлежащих к Новогеоргиевской крепости. Согласно записи со слов участника событий, «28 сентября к нему пришел войт гмины с писарем и стражниками и заявил, что по распоряжению коменданта Новогеоргиевской крепости, все евреи и немцы, проживающие в деревне, должны выселиться в продолжение 24 часов»¹⁴. Были выселены по распоряжению коменданта Ивангородской крепости все еврейские жители из самой крепости (23 сентября) и из п. Ирена (Люблинской губернии, 28 сентября)¹⁵. Текст данного распоряжения о выселении евреев звучал так: «Объявление. Комендант крепости приказал выселиться всем евреям в течение 24 часов. Срок выселения считается с 6 часов утра сего

числа, о чем и объявляется еврейскому населению для исполнения под описанием выселения принудительными мерами, г. Ново-Александрия. 25 сентября 1914»¹⁶. Таким образом, о причинах выселения ничего сказано не было. Но если посмотреть на карту военных действий, то выселялись евреи с территорий Радомской и Люблинской губерний, района Новогеоргиевской крепости Варшавской губернии, на которых в тот момент (последнюю декаду сентября 1914 года) проходили бои в рамках проведения Варшаво-Ивангородской операции, причем шло отступление части русских войск на правый берег Вислы¹⁷. Все чаще звучали обвинения еврейского населения в шпионаже и пособничестве врагу. Распоряжение коменданта Новогеоргиевской крепости о выселении евреев наряду с немцами в какой-то степени вновь объясняло причины этих выселений: уже в первые месяцы войны еврейскому населению не доверяли и видели, точнее, пытались увидеть в них одну из причин поражения русских войск.

Таким образом, исходя из архивных данных, материалов прессы и мемуаров очевидцев событий можно утвердительно сказать, что с первых недель войны имело место не только добровольное бегство, но и насильственное выселение евреев, проводимое военными властями, из прифронтовой зоны западных губерний России.

И в то время как Государственная Дума (в том числе и правое крыло) рукоплескала патриотической речи еврейского депутата Н. М. Фридмана, а в Одессе прямо на улице ярый националист В. М. Пуришкевич братался с представителями еврейской общины¹⁸, самих евреев начали выселять из прифронтовой полосы как неблагонадежных потенциальных шпионов. Правда, это были первые шаги к будущим массовым выселениям евреев весной-летом 1915 г., пока высылки носили единично-точечный характер с периодическим разрешением на возвращение в ранее оставленные поселения. Весной-летом 1915 г. таких послаблений уже не будет. И начальные шаги в направлении подобной политики были сделаны в первые месяцы войны.

¹ Гродненские губернские ведомости. 1914. 25 июля.

² Речь. 1914. 22 июля (4 августа).

³ Курцев А. И. Беженство // Россия и Первая мировая война (материалы международного научного colloquium). СПб. 1999. С. 129.

⁴ Там же. С. 131.

⁵ Шустер Ф. «Дай мне хлеба, и я дам тебе девушку». Бедность, контрабанда, шпионаж и проституция во время первой мировой войны в еврейском контексте // Мировой кризис 1914–1920 годов и судьба восточноевропейского еврейства: Сборник научных трудов. М. 2005.

⁶ ГАРФ. Ф. 9458. Оп. 1. Д. 145. Л. 11–12.

⁷ Там же Д. 167. Л. 116.

⁸ Съезды и конференции Конституционно-демократической партии. Т. 3. Кн. 1: 1915–1917. М., 2000. С. 67.

⁹ ГАРФ. Ф. 9458. Оп. 1. Д. 151. Л. 25; Съезды и конференции... С. 67.

¹⁰ ГАРФ. Ф. 9458. Оп. 1. Д. 140. Л. 9–10.

¹¹ Там же. Д. 152. Л. 266.

¹² Там же. Д. 151. Л. 25.

¹³ Там же. Д. 140. Л. 10.

¹⁴ Там же. Л. 1.

¹⁵ Там же. Д. 151. Л. 25.

¹⁶ Документы о преследовании евреев // Архив русской революции. Т. 19. Берлин, 1928. С. 247.

¹⁷ История Первой мировой войны, 1914–1918. Т. 1. М., 1975.

¹⁸ Биржевые ведомости. 1914. 25 июля.

А. Б. Николаев

(С.-Петербург, Российская Федерация)

К ВОПРОСУ О БОРЬБЕ С АНТИСЕМИТИЗМОМ В ПЕТРОГРАДЕ (март–июль 1917 г.)

Вопрос о борьбе с антисемитизмом в Петрограде в 1917 г. исследован недостаточно. М. Бейзер, изучавший историю Петроградской еврейской общины в 1917 г., ни словом не обмолвился об антисемитских настроениях и проявлениях в столице в послефевральские дни¹. О. В. Будницкий, обобщив наблюдения современников, указал, что с начала лета 1917 г. идет «рост антисемитских настроений» и погромной агитации. Здесь же он приводит слова Ф. Степуна, который вспоминал, что после июльских событий первой репетиции большевистского путча, «дворники, лавочники, извозчики, парикмахеры, вся мещанская толща Петрограда только и ждала того, чтобы начать бить “товарищей, жидов и изменников”»². Обратим внимание и на следующее утверждение Будницкого: «Русская революция принесла евреям декрет Временного правительства от 22 марта об уравнивании в правах»³. Она же породила позднее невиданную вспышку антисемитизма и неисчислимые бедствия, обрушившиеся на людей, не имевших, как правило, никакого отношения к политике»⁴. Б. И. Колоницкий, рассматривая А. Ф. Керенского как «жертву евреев» и «еврея», отмечает, что после июльского кризиса газета «Гроза» — «одно из немногих черносотенных изданий, пере-

живших Февраль» — «усилила как критику Керенского, так и антисемитскую тему в ней»⁵. Пожалуй, наиболее ценным для раскрытия темы исследования является статья В. Лебедевой-Каплан, опубликованная в 1993 г.⁶ Она подчеркивает, что «первые же решения и поступки Временного правительства показали, что официальный, государственный антисемитизм ушел в прошлое». И далее пишет: «В марте 1917 г. казалось, что в прошлое уходит и антисемитизм “уличный”»⁷. И тут же, ссылаясь на материалы, опубликованные 6, 8, 14 и 15 марта 1917 г. в «Известиях Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов», совершенно справедливо замечает, что «на самом деле проявления антисемитизма в это время в Петрограде были». Но «на общественные настроения марта — начала мая 1917 г. эти факты серьезного влияния не оказали, доминирующими настроениями были настроения оптимистические»⁸. Началом следующего этапа развития антисемитизма в Петрограде Лебедева-Каплан указывает конец мая — начало июня 1917 г., когда «рядом петроградских газет была развернута антисемитская кампания». По ее словам, «начала ее крайне правая “Маленькая газета” А.[А.] Суворина, которая раскрыла псевдонимы большевистских лидеров — Зиновьева, Каменева, Троцкого, Стеклова; таким образом, именно евреи объявлялись носителями большевизма, а следовательно — виновниками нарастающей разрухи и анархии»⁹. В июне 1917 г., по утверждению автора, отмечается рост обывательского антисемитизма, который проявлялся в том, что «в очередях, в бесконечных летучих митингах речь шла уже о том, что евреи захватили все лучшие места, скупили все товары, чтобы спекулировать ими и т. д.». Лебедева-Каплан, изучив еврейские издания 1917 г., сделала ценное замечание о том, что они, не ограничившись констатацией роста обывательского антисемитизма, обратили внимание на другую его разновидность — антисемитизм «революционный», «то есть антисемитизм “той густой массы, которая идет за крайне левыми партиями”, антисемитизм солдат и малосознательных рабочих». На первый взгляд, кажется, что автор выделяет третий этап развития антисемитизма в Петрограде, относя его начало к дням, последовавшим за июльским кризисом. И здесь впервые она пишет о мерах борьбы с антисемитизмом, которые предпринимались в Петрограде прокуратурой и Городской думой. В частности, Лебедева-Каплан цитирует рапорт прокурора Петроградской судебной палаты Н. С. Каринского министру юстиции, в котором «докладывалось о ведущейся в городе погромной пропаганде, появление призывов к еврейским погромам, “к убийству отдельных лиц, называемых иногда поименно”». Здесь же автор сообщает, что Городская дума обратилась с воззванием к населению Петрограда: «Восходящая

над Россией заря свободы не должна омрачаться явлением, до которого не доходила никогда столица при старом режиме». Правда, примеров погромной пропаганды относительно июля 1917 г. автор не приводит. Но обращает внимание читателей на «первое открытое нападение», прошедшее в 20-х числах июня 1917 г. на Горсткой улице, когда, погромщики «с криком “Бей жидов” громили обувные магазины, принадлежащие еврейским фирмам». Лебедева-Каплан пишет, что «погром остановили милиционеры и воинские отряды»¹⁰.

Можно утверждать, что авторы, изучающие историю петроградских евреев в 1917 г., как правило, обращают внимание на рост антисемитизма, выделяют этапы его развития и приводят единичные факты борьбы с ним. Среди борцов с антисемитизмом указывается прокурор Петроградской судебной палаты Н. С. Каринский и Петроградская городская дума. В конкретных случаях против погромщиков действует Петроградская милиция и воинские части. Особо обратим внимание на то, что в научных трудах совершенно замалчивается поведение «улицы». Это может привести читателя к мысли о том, что вела себя столичная «улица» в мае—июле 1917 года по отношению к евреям нетерпимо, с антисемитских позиций. Так ли это было в действительности? И еще: необходимо учитывать, что «улица» Петрограда включала в себя и евреев, которые благодаря Временному правительству приобрели равноправие! В связи с этим встает вопрос и о том, как вела себя еврейская часть столичной «улицы» в условиях роста антисемитизма? Все эти вопросы так и остались неизученными в трудах современных исследователей. Обойден вниманием ученых и вопрос о роли новых следственных и судебных органов революционного Петрограда в борьбе с антисемитизмом. Видимо, эти «лакуны» в истории евреев Петрограда в 1917 г. вызваны в первую очередь узостью источниковой базы, на которую опираются исследователи при изучении данной темы. Кроме этого, над современными авторами, предположительно, тяготеет безысходность, точнее безуспешность этой борьбы в 1917 г., которая и принуждает их сосредотачиваться именно на показе роста антисемитизма, что в свою очередь выступает дополнительным оправданием отказа от исследования самой борьбы с ним. Привлечение новых источников, несомненно, даст толчок к новому осмыслению заявленной темы исследования, обогатит и саму историю евреев Петрограда в 1917 году.

Некоторый интерес для раскрытия темы исследования представляют материалы Нижней следственной комиссии (НСК)¹¹, созданной в Государственной думе 27 февраля 1917 г.¹² Следователи НСК, располагавшиеся в комнате № 43 Таврического дворца, рассматривали в том чис-

ле и дела, связанные с антисемитскими проявлениями в марте 1917 года. Наибольшую ценность представляют суточные рапорта подрайонных комиссариатов Петроградской городской милиции, в которых нашли отражение как случаи антисемитских проявлений (выступлений), так и меры, направленные на борьбу с ними. Рапорта, составленные в комиссариатах, направлялись ими во временные суды, которые в предельно короткие сроки рассматривали дела и выносили по ним свои постановления и приговоры. Временные суды просуществовали с 7 марта по 25 июля 1917 года¹³. Именно они выступили той судебной инстанцией, в которой было рассмотрено подавляющее большинство антисемитских дел. Делопроизводство временных судов по этим делам выявить в архивах пока не удалось. Вместе с тем, в некоторых случаях сведения о вынесенных приговорах сообщались в петроградских газетах. Заметим, что нами просмотрены суточные рапорта практически всех подрайонных комиссариатов столицы и почти все газеты Петрограда, что позволяет дать более или менее полную картину борьбы с антисемитизмом, которая проводилась милицией и временными судами Петрограда весной — летом 1917 года.

Первой в борьбу с антисемитизмом в Петрограде в марте 1917 г., как следует из выявленных документов, включилась НСК. 2 марта офицер привел в комнату № 43 Таврического дворца, где располагалась часть следователей НСК, рабочего Кожевенного завода (ул. Цветочная, д. 6) Василия Егоровича Егорова (Апраксин пер., д. 21, кв. 57) за антисемитские высказывания. Рабочий сознался в том, что «при прохождении Сенной мимо церкви Спаса раздался выстрел», и он «заметил своему товарищу <...> стреляют жида». Комиссия приняла решение Егорова освободить и учредить за ним «надзор соседей и рабочих». Кроме этого, было решено направить протокол о его задержании депутату Совета от этого завода¹⁴. 6 марта в НСК Павлом Максимовичем Кубаревым (Большая Охта, ул. Тарасова, д. 7, кв. 9) был доставлен кучер Антон Терентьевич Мишин (Митин¹⁵). Кубарев показал: «Кучер <...>, когда я агитировал, крикнул толпе: “Не слушайте жидов-provокаторов”». Кубарев попросил привлечь кучера к ответственности за оскорбление. Свидетель Константин Осипович Осипов (Большая Охта, Большеохтинский пр., д. 122, кв. 12) подтвердил показания Кубарева. После опроса и составления протокола, Мишин (Митин) был освобожден. В делопроизводстве НСК указывалось, что его предлагалось привлечь «за оскорбление в суд»¹⁶. Начиная с 7 марта 1917 г., антисемитские дела передавались во временные суды. Не исключено, что и кучер Мишин (Митин) оказался перед Временным судом. Широкою известность по-

лучило дело Белянина. По сообщению газет, уполномоченный дома № 110 по Невскому проспекту заявил в местный Комиссариат, «что проживающий в этом доме некий Белянин ведет погромную агитацию». Белянина пригласили в Комиссариат, где «показаниями свидетелей виновность его была установлена». Из Комиссариата агитатора-погромщика отправили во Временный суд¹⁷.

Можно утверждать, что в марте 1917 г. борьба с погромной агитацией в столице велась НСК, милицией и временными судами. Подчеркнем, что столичная «улица» остро реагировала на антиеврейские оскорбления и призывы, обеспечивая следственные, милиционные и судебные органы работой по борьбе с антисемитизмом. Вместе с тем количество антисемитских дел, по которым следственные, правоохранные и судебные органы принимали соответствующие меры, было невелико.

В суточных рапортах подрайонных комиссариатов содержатся сведения об антисемитских проявлениях (выступлениях), начиная с апреля 1917 года. Так, 16 апреля Э. Н. Музыкантов явился в III Спасский подрайонный комиссариат и подал заявление, в котором обвинил Е. Федоренко в том, что тот нанес ему оскорбление «в еврейской национальности». Дело было направлено в IX временный суд¹⁸. 21 апреля в I Московский подрайонный комиссариат поступило заявление Сонкина «о призыве Давыдовым публики к национальной вражде». По заявлению в Комиссариате был составлен протокол, направленный во Временный суд¹⁹. Заметим, что не все дела доходили до Временного суда, как бы того хотели заявители. Так, 21 апреля Геллер подал заявление в этот же Комиссариат о продаже, как он указал в заявлении, «погромной литературы под заглавием “Еврейка” В. Шульгина²⁰». Насколько можно понять из суточного рапорта, по заявлению было начато дознание²¹. Каких либо записей в последующих рапортах о передаче этого дела во Временный суд нет.

В рапорте о происшествиях за 4 и 5 мая 1917 г., составленном в I Казанском подрайонном комиссариате, содержится запись о явке в Комиссариат Я. Б. Стуринского (ул. Большая Конюшенная, д. 7, кв. 8) со своим квартирным хозяином, на которого и подал жалобу. В ней Стуринский обвинил его в том, что «он не выдает ему с 1-го апреля с[его] г[ода] хлебных карточек, а также и сахарных и[,] кроме того[,] хочет его выселить из квартиры лишь за то, что Стуринский еврей, в то время как все прочие жильцы [–] православные». По жалобе Стуринского в Комиссариате был составлен протокол, а дело предполагалось направить в VIII временный суд²². 25 мая 1917 г. во II Нарвском подрайонном комиссариате был составлен протокол по обвинению Евдокии Степановны Милевой

(11 рота, д. 4. кв. 36) «в оскорблении еврейской нации». Протокол направлен в XV временный суд²³.

Рассуждая о борьбе с антисемитизмом в апреле-мае 1917 г., отметим, что в эти весенние месяцы во временные суды было направлено из милицеских комиссариатов незначительное количество дел. Вместе с тем необходимо подчеркнуть, что в апреле-мае, согласно милицеским документам, в борьбу против антисемитизма начала втягиваться еврейская часть «улицы» столицы. Евреи подавали жалобы в комиссариаты на проявления антисемитизма — преследование по национальной принадлежности и распространение литературы, оскорблявшей их национальные чувства.

3 июня в III Петроградском подрайонном комиссариате было принято заявление с обвинением Акима Александровича Распутина (Апраксин пер., д. 21/19, кв. 140) и Ивана Марковича Меркушина, которые, находясь в трамвае, призвали «к погрому евреев». В этот же день заявление было отправлено во Временный суд²⁴. 21 июня 1917 г. в 17 час. 30 мин. группой граждан в I Александро-Невский подрайонный комиссариат был доставлен «по обвинению в контрреволюции и натравливание против инородцев» Анастасий Ушаков. В милиции на него был составлен акт, препровожденный во Временный суд²⁵. Антисемитская агитация, набиравшая силу в июне 1917 г., в конечном счете, вылилась в погромы, об одном из которых сообщала «Петроградская газета». 26 июня 1917 г., по словам газеты, обыватели, проходя по Апраксину переулку, заметили, как из магазина Симона Ароновича Гинзбурга-Левита (Апраксин пер., д. 9) «выносили ящики с товаром и укладывали на подводу». Заподозрив в этом «мародерство», толпа избила комиссионера и вывела из магазина жену торговца Розалию Исидоровну Гинзбург-Левит. Милиции удалось вырвать из рук озверевшей толпы комиссионера, который вместе с извозчиком и Р. И. Гинзбург-Левит был доставлен в Комиссариат, где был составлен протокол, переданный во Временный суд²⁶. 27 июня 1917 г. во II Спасский подрайонный комиссариат был приведен штаб-капитан 171-го пехотного запасного полка Федор Федорович Шлейдер, который, увидев на углу Невского пр. и Садовой ул. торговлю портретами А. Ф. Керенского, сказал, по словам одних свидетелей, «жиды торгуют Керенским», по словам же других — «вокруг жиды, а по середине их жид Керенский». В Комиссариате был составлен акт с указанием адресов всех свидетелей, отправленный в этот же день в IX временный суд²⁷. Это первое упоминание в милицеских протоколах антисемитского офицера, открыто высказывавшего свои взгляды. То есть антисемитская «улица» столицы в июне 1917 г. включала в себя не только, говоря

словами Ф. Степуна, «мещанскую толщу» Петрограда, но и отдельных офицеров. Можно также уточнить вывод Б. И. Колоницкого, который, пишет: «Первое известное нам определенное упоминание о “Керенском-еврее” также относится к июлю». Колоницкий ссылается на письмо солдата-фронтовика комиссару 7-й армии, датированное им «не ранее 12 июля»²⁸. Теперь можно утверждать, что впервые Керенский был назван жидом 27 июня в Петрограде, и сделано это было не солдатом, а офицером. Рост антисемитизма в Петрограде в июне 1917 г. был замечен в правоохранительных органах. Прокурор Петроградской судебной палаты Н. С. Каринский в рапорте на имя министра юстиции выступил с предложением издать особый закон, направленный против «призывов к погромам, убийствам, грабежам» и отдавать антисемитов под «гласный суд народной совести»²⁹. Предложение это реализовано не было, антисемитские дела продолжали рассматриваться во временных судах.

Таким образом, в июне 1917 г. произошел рост антисемитских настроений в столице, расширился состав антисемитской части столичной «улицы» за счет включения в нее отдельных офицеров, впервые в истории революционного Петрограда погромная агитация вылилась в еврейские погромы, в которых, несомненно, приняли участие и уголовники.

В июле 1917 г. в условиях и в связи с развитием политического кризиса антисемитизм в Петрограде и борьба с ним достигает пика своего развития по сравнению с предыдущими месяцами. 3 июля 1917 г. во II Рождественском подрайонном комиссариате был составлен протокол о солдате 1-го пехотного запасного полка Николае Смирнове, который, находясь в нетрезвом состоянии, призывал «толпу расправиться с евреями». В этот же Комиссариат была доставлена София Гринблат по обвинению в оскорблении солдата Смирнова. Протокол о Смирнове и Гринблат был направлен в XIX временный суд³⁰. 6 июля 1917 г. во II Лесном подрайонном комиссариате был составлен протокол по обвинению милиционера этого же Комиссариата Крылова «в распространении антисемитских убеждений». Протокол был направлен в суд³¹. В этот же день был задержан и доставлен в I Александро-Невский подрайонный комиссариат Егор Романов «за призыв на улице во время стрельбы к погрому». В Комиссариате на него был составлен акт, направленный во Временный суд, а Романов — освобожден³². 7 июля «за агитацию и призыв к погрому» был задержан и доставлен в тот же Комиссариат Василий Жегуров. По распоряжению помощника комиссара Осипова задержанный был препровожден во Временный суд³³. В 12 час. дня 12 июля 1917 г. в I Коломенском подрайонном комиссариате был составлен протокол

на Веру Кинзуль (ул. Канонерская, д. 15, кв. 14) за то, что «стоя в очереди за маслом» в магазине (Английский пр., д. 50), «когда кончилась продажа[,] начала кричать и ругаться по адресу хозяина с угрозами разбить жидов». Протокол направлен в IX временный суд³⁴. В тот же день в III Спасском подрайонном комиссариате был составлен протокол «об антисемитской пропаганде и призывах к насилиям над евреями Василия Александрова и Ивана Павлова». Обвиняемые вместе с протоколом были препровождены в XX временный суд³⁵. 13 июля Александр Иванович Гуревич (ул. Большая Зеленина, д. 34, кв. 10) доставил в Новодеревенский районный комиссариат милиции Анну Михайловну Комарову (Забалканский пр., д. 22, кв. 16) за призывы к еврейскому погрому. В Комиссариате был составлен протокол, направленный в XV временный суд³⁶. 14 июля 1917 г. в I Адмиралтейском подрайоне комиссариате был составлен протокол о задержании в вагоне трамвая А. А. Афанасьева, проживавшего на станции Славянка (ул. Сепаратная, д. 1), который находясь в нетрезвом виде, «проводил агитацию погромного характера». Афанасьев до вытрезвления был отправлен в Арестный дом, а протокол в тот же день направлен в XXI временный суд³⁷. 25 июля 1917 г. в том же Комиссариате по заявлению юнкера Павловского училища С. П. Дарлидера был составлен протокол о том, что «кондукторша трамвая маршрута № 7, лич[ный] № 4377 произносила по отношению к публике слова погромного характера». В этот же день протокол был направлен в XXI временный суд³⁸.

Подчеркнем, что в июле 1917 г. некоторые дела, связанные с насилием против евреев, во временные суды не передавались. Так, 12 июля 1917 г. в III Спасский подрайонный комиссариат были доставлены избитые толпой неизвестных «лица иудейского вероисповедания Шрейн, Хонновер, Волынский, Высокер и Явич». Тогда же явились в Комиссариат пострадавшие от действий погромщиков П. Я. Зуппе и депутат IV Государственной думы граф А. А. Орлов-Давыдов. В Комиссариате был составлен протокол, а пострадавшим в Обуховской больнице оказана необходимая помощь³⁹. В суточном рапорте II Рождественского подрайонного комиссариата с 12 час. дня 24 июля до 12 час. дня 25 июля 1917 г. в графе «Случаи, имеющие общественное значение» указывалось, что на углу 8 Рождественской и Мытнинской ул. собралась толпа граждан «в связи с недостачей хлеба» в Рождественском районе. Вскоре в толпе появились «лица, агитировавшие против евреев и буржуазии, как виновников продовольственного кризиса, так и войны». Прибывшая милиция агитаторов-погромщиков не задержала, так как они успели скрыться. Комиссару удалось уговорить толпу разойтись⁴⁰. Судя по все-

му, протокол о происшествии составлен не был. Можно предположить, что комиссариаты не отправляли протоколы во временные суды, а в некоторых случаях даже и не составляли их, по той причине, что милиционерам не удалось задержать лиц, участвовавших в еврейских погромах или призывавших к ним.

В июле 1917 г. значительно расширилась антисемитская часть столичной «улицы» за счет включения в нее некоторых солдат и милиционеров, трамвайных служащих и домохозяек, недовольных продовольственными трудностями. В связи с этим необходимо указать, что местами проведения антисемитской агитации стали общественный транспорт (трамвай) и очереди в магазинах. Евреи Петрограда и в июле боролись с проявлениями антисемитизма, обращаясь с соответствующими заявлениями в милицию. В некоторых случаях они и сами оказывались в милиции, где на них составлялись протоколы, передаваемые затем во временные суды. Происходило это из-за того, что они, препятствуя погромной агитации, срывались на оскорбления в адрес погромщиков. Несомненно, что агитаторам-погромщикам противостояла и часть русской столичной «улицы», но активность ее в июле по милицейским протоколам и материалам прессы проследить трудно.

Укажем, что милицейские протоколы не содержат сведений о том, какие приговоры и постановления выносили временные суды, рассматривая антисемитские дела, не выявлено и делопроизводство временных судов по этим делам. Вместе с тем некоторые сведения о том, какие наказания понесли лица, оказавшиеся по антисемитским делам перед временными судами, присутствуют на страницах петроградских газет 1917 года. Так, Л. Кин в статье «Суд просит!» рассказал о том, как один рабочий зашел в магазин отдать в починку часы, а часовщик «попросил на четвертак больше, чем следовало, по мнению заказчика». Тогда рабочий «взъерепенился и начал кричать “о еврейском засилии” и о том, что “били евреев, да мало”». В магазине находились и другие покупатели, которые «позвали милиционеров». Вскоре «виновный в дебоше оказался перед Временным судом», который приговорил его к 7 дням ареста⁴¹. Широко освещалось в прессе дело барона Н. А. Штромберга, обвиненного в проведении погромной агитации⁴². Возникло оно следующим образом. Видимо, 7 марта на Владимирской пл. обвиняемый останавливал солдат и «призывал их бить евреев». Солдаты задержали агитатора-погромщика и доставили его в один из комиссариатов Московского района. При допросе Штромберг «категорически отрицал возводимое на него солдатами обвинение». При личном обыске у него в кармане нашли письмо, в котором шла речь о деле Бейлиса. В нем говорилось «о прокуратуре [О. Ю.] Вип-

пере и известном киевском студенте [В. С.] Голубеве». По утверждению «Современного слова», «автор письма предлагает не беспокоиться, раз дело в таких верных руках». Комиссариат счел необходимым произвести обыск по месту жительства Штромберга. Выяснилось, что он живет в крохотной комнатке в мансарде, нигде не работает и живет на средства, которые выдает ему через швейцара его брат в размере 50 руб. в месяц. По словам газеты, семья давно отказалась от Н. А. Штромберга «в виду его дурного поведения». 8 марта XIII временный суд рассмотрел дело барона Н. А. Штромберга и приговорил его к шести месяцам тюремного заключения⁴³. 23 марта «Речь» опубликовала письмо опекуна Н. А. Штромберга — А. А. Штромберга, который просил дать в газете опровержение, сославшись на справку, выданную ему председателем XII временного суда. В ней указывалось, что барон Н. А. Штромберг освобожден из под стражи. По словам барона А. А. Штромберга, состоявшийся приговор Временного суда, объяснялся тем, что Н. А. Штромберг «проявляет признаки умственного расстройств и в предшествовавшее время неоднократно был помещен родственниками в лечебницы для душевнобольных»⁴⁴. Судя по всему, барон А. А. Штромберг в своем опровержении не все договаривает. Думается, что по делу Н. А. Штромберга была подана поднадзорная жалоба на имя министра юстиции, в результате которой приговор XIII временного суда был отменен, а дело передано в XII временный суд, который и снял обвинения с барона Н. А. Штромберга как с лица душевнобольного. Вместе с тем, публикации в газетах сведений об этом деле позволяют утверждать, что временные суды по делам о погромной агитации приговаривали обвиняемых к шестимесячному тюремному заключению. В связи с этим приведем слова председателя Петроградского столичного мирового съезда В. В. Меншуткина, который заявил корреспонденту «Вечернего времени»: «<...> сурово карались призывы к погрому»⁴⁵.

Приведенный материал позволяет выделить 4 периода развития антисемитизма и борьбы с ним в Петрограде в 1917 году — март, апрель-май, июнь, июль — каждый из которых имел свои отличительные черты. Не касаясь всех черт, укажем лишь важнейшие из них. В марте 1917 г. борьбу с антисемитизмом вели НСК, милиция и временные суды, а также столичная «улица». Среди борцов с антисемитизмом мы видим офицера, солдат, уполномоченного дома и его жильцов. Всего в марте 1917 г. произошло 5 антисемитских выступлений, по которым были приняты решения НСК (2), составлены милицейские протоколы и рассмотрены дела во временных судах (3). Начиная с апреля 1917 г. борьбу против антиеврейских выступлений вели милиция и временные суды, т. к.

НСК прекратила свою деятельность в конце марта 1917 года. Столичная «улица», борющаяся с антисемитизмом, пополнилась евреями, причиной чему явилось законодательное приобретение ими равноправия. В апреле и мае по антисемитским проявлениям было составлено по два протокола, которые были переданы во временные суды. В июне 1917 г. антисемитская агитация вылилась в еврейские погромы. Всего за июнь 1917 г. комиссариаты милиции составили 4 протокола, переданные затем во временные суды. Часть столичной «улицы» активно противодействовала призывам к еврейским погромам, но остановить их самостоятельно не смогла. В свою очередь другая часть «улицы» пополнялась новыми элементами — офицерами, настроенными антисемитски, а также и уголовниками, принимавшими участие в погромах. В июле 1917 г. происходило дальнейшее укрепление и расширение антисемитской части петроградской «улицы». Другая ее часть продолжила борьбу с антисемитизмом, привлекая к этому милицию, которая проводила задержания агитаторов-антисемитов, составляла на них протоколы. Подчеркнем, что наибольшее количество протоколов, переданных комиссариатами милиции во временные суды, относится именно к июлю 1917 года. По нашим подсчетам, через временные суды за этот месяц прошло 9 дел. Всего же за март — июль НСК и временные суды рассмотрели 22 дела, по которым проходили лица, обвиненные в антисемитской агитации или участии в еврейских погромах. Временные суды выносили наказания от ареста на 7 дней за антисемитские высказывания и до тюремного заключения на 6 месяцев за призывы к еврейским погромам. Необходимо отметить, что периодическая печать не уделяла должного внимания показу борьбы с антисемитизмом. Она крайне редко публиковала на своих страницах информацию о деятельности милиции в этом вопросе. Еще реже газеты сообщали читателям о том, какие приговоры вынесли по антисемитским делам временные суды.

¹ Бейзер М. Петроградская еврейская община в 1917 году // Исторические судьбы евреев России и СССР. Начало диалога / Отв. ред. И. Крупник. М., 1992. С. 165–174. Определенный интерес представляет его указание на то, что среди жертв Февральской революции было четыре еврея (Там же. С. 167).

² Будницкий О. В. В чужом пиру похмелье: евреи и русская революция // Евреи и русская революция. Материалы и исследования / Ред.-сост. О. В. Будницкий. М.; Иерусалим, 1999. С. 16. Будницкий ссылается на американское издание мемуаров Ф. Степуна: Степун Ф. Бывшее и несбывшееся. Нью-Йорк, 1956. Т. 1. С. 113.

³ Постановление «Об отмене вероисповедных и национальных ограничений» принято на заседании Временного правительства, начавшемся 20 марта в 22 час. 20 мин. и окончившемся 21 марта в 00 час. 30 мин. (Архив новейшей истории России. Серия «Публикации». Т. VII. Журналы заседаний Временного правительства: Март–октябрь 1917 года. В 4-х т. Т. 1. Март–апрель 1917 года / Отв. ред. тома Б. Ф. Додонов. Сост.

- Е. Д. Гринько и О. В. Лавинская. М., 2001. С. 140, 142–146, 151). См. также: Об отмене вероисповедных и национальных ограничений // Собрание узаконений и распоряжений правительства, издаваемое при Правительствующем Сенате. Отдел первый. 1917. № 70. 29 марта. Стб. 400.
- ⁴ Будницкий О. В. В чужом пиру... С. 17.
- ⁵ Колоницкий Б. И. Александр Федорович Керенский как «жертва евреев» и «еврей» // Международный исследовательский центр российского и восточноевропейского еврейства [Электронный ресурс]. URL: <http://www.crjs.ru/resources/articles.php?parentid=1&artid=4> Статья опубликована: Колоницкий Б. И. Александр Федорович Керенский как «жертва евреев» и «еврей» // *Jews and Slavs. Jerusalem, 2006. Vol. 17: The Russian Word in the Land of Israel, the Jewish Word in Russia.* P. 241–253.
- ⁶ Лебедева-Каплан В. Евреи Петрограда в 1917 г. // Вестник Еврейского университета в Москве. М.; Иерусалим, 1993. № 2. С. 4–19.
- ⁷ Там же. С. 9.
- ⁸ Там же. С. 10.
- ⁹ Там же. С. 12.
- ¹⁰ Там же. С. 14.
- ¹¹ С 6 марта 1917 г. — Следственная комиссия при Государственной думе.
- ¹² См. подробн.: Николаев А. Б. Низшая следственная комиссия // Государственная дума Российской империи: 1906–1917: Энциклопедия. М., 2008. С. 409–410.
- ¹³ Николаев А. Б. Из истории временных судов (Петроград, 1917 г.) // Известия высших учебных заведений. Правоведение. 2009. № 2. С. 227, 234.
- ¹⁴ Николаев А. Б. Революция и власть: IV Государственная дума 27 февраля — 3 марта 1917 года / Научн. ред. Б.Д. Гальперина. СПб., 2005. С. 543; РГИА. Ф. 1279. Оп. 1. Д. 10. Л. 34.
- ¹⁵ Николаев А. Б. Революция и власть. С. 543; РГИА. Ф. 1279. Оп. 1. Д. 3. Л. 11.
- ¹⁶ РГИА. Ф. 1279. Оп. 1. Д. 3. Л. 11; Д. 4. Л. 6.
- ¹⁷ Арест агитатора / Происшествия // Биржевые ведомости. 1917. 29 марта (утр. вып.); Арест погромного агитатора / Аресты // Петроградская газета. 1917. 29 марта; Арест погромного агитатора / Происшествия / Хроника // Речь. 1917. 29 марта.
- ¹⁸ ЦГА СПб. Ф. 131. Оп. 1. Д. 220. Л. 3.
- ¹⁹ Там же. Д. 115. Л. 11.
- ²⁰ В РНБ выявлено одно издание этого рассказа, опубликованное отдельной брошюрой: Шульгин В. В. Еврейка. Харьков: типография «Мирный труд», 1908. 60 с.
- ²¹ ЦГА СПб. Ф. 131. Оп. 1. Д. 115. Л. 11.
- ²² Там же. Д. 70. Л. 16.
- ²³ Там же. Д. 135. Л. 39 об.
- ²⁴ Там же. Д. 135. Л. 43.
- ²⁵ Там же. Д. 32. Л. 43 об.
- ²⁶ Самосуд в Апраксином пер[еулке] Толпа безжалостно избивала комиссионера // Петроградская газета. 1917. 27 июня. Напомним, что В. Лебедева-Каплан, сославшись на «Еврейскую жизнь» (1917. № 23. Стб. 38), сообщает еще об одном погроме, произошедшем в 20-х числах июня 1917 г., в котором приняли участие «хулиганы, одетые в солдатское платье» (См.: Лебедева-Каплан В. Указ. соч. С. 14).
- ²⁷ ЦГА СПб. Ф. 131. Оп. 1. Д. 216. Л. 21.
- ²⁸ Колоницкий Б. И. Александр Федорович Керенский...
- ²⁹ Борьба с погромной агитацией // День. 1917. 2 июля.
- ³⁰ ЦГА СПб. Ф. 131. Оп. 1. Д. 202. Л. 36.
- ³¹ Там же. Д. 99. Л. 84.
- ³² Там же. Д. 32. Л. 58. В суточном рапорте указано время — 17 час. 20 мин. Видимо, это время доставки задержанного Романова в Комиссариат (Там же).

- ³³ ЦГА СПб. Ф. 131. Оп. 1. В суточном рапорте указано время — 22 час. Видимо, это время доставки задержанного Жегурова в Комиссариат (Там же).
- ³⁴ ЦГА СПб. Ф. 131. Оп. 1. Д. 82. Л. 64.
- ³⁵ Там же. Д. 220. Л. 70.
- ³⁶ Там же. Д. 147. Л. 44.
- ³⁷ Там же. Д. 16. Л. 56.
- ³⁸ ЦГА СПб. Ф. 131. Оп. 1. Д. 16. Л. 65.
- ³⁹ Там же. Д. 220. Л. 47.
- ⁴⁰ Там же. Д. 202. Л. 58.
- ⁴¹ Кин Л. Суд просит! // Современное слово. 1917. 17 марта. См. также: Николаев А. Б. Рабочие перед Временным судом (Петроград, 1917 год) // Революция 1917 года в России: новые подходы и взгляды. Сб. научн. ст. / Ред. кол.: А.Б. Николаев (отв. ред. и отв. сост.) и др. СПб., 2011. С. 109.
- ⁴² Барон — погромный агитатор / Судебные вести // Новое время. 1917. 16 марта; Кто ведет погромную агитацию? // Речь. 1917. 16 марта.
- ⁴³ Кто ведет погромную агитацию? // Современное слово. 1917. 16 марта.
- ⁴⁴ Штротберг А. А., бар. Письмо в редакцию // Речь. 1917. 23 марта.
- ⁴⁵ Вес И. Судьба временных судов // Вечернее время. 1917. 17 мая.

В. В. Борисов

(С.-Петербург, Российская Федерация)

РОССИЙСКИЕ ЕВРЕИ В ПЕРИОД ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ (1918–1920 гг.)

Гражданская война в России оказала глубокое влияние на ход российской истории и в значительной мере предопределила дальнейшее развитие страны и развитие международных отношений в последующий период. Гражданская война была для страны крупнейшей социальной драмой и во многом определила дальнейшее поведение и действия политических руководителей и граждан страны и менталитет российского общества. Гражданская война в России была тесно связана с событиями Первой мировой войны и российской революции 1917 г.

Для адекватного восприятия событий Гражданской войны и отказа от устойчивых стереотипов по отношению к еврейскому населению в период Гражданской войны и для дальнейшего переосмысления этих событий в контексте исторического опыта XX века необходимо привлечение новых источников. Это должно способствовать пересмотру традиционалистского подхода, помочь оценить имеющиеся результаты, определить новый концептуальный подход и наметить дальнейшую перспективность исследований в данном направлении.

На сегодняшний день практически не изучена тема участия евреев в Белом движении, политика руководства белых по отношению к евреям и «еврейский вопрос» в идеологии Белого движения. Причины и обстоятельства еврейских погромов периода Гражданской войны, а также роль различных противоборствующих сил в осуществлении еврейских погромов исследованы на сегодняшний день не в полном объеме. Недостаточно изучена и роль «еврейского вопроса» в Гражданской войне, который необходимо рассматривать в контексте русской революции и Гражданской войны и участия российских евреев в политических процессах того периода, а также участие российских евреев в военном противостоянии между основными участниками вооруженного конфликта.

Национальный вопрос занимал в политике и идеологии южнорусского Белого движения довольно значительное место. Белое движение начало формироваться на Дону, куда прибыли генералы Алексеев, Корнилов, Деникин и ряд других. Ключевой идеей Белого движения стал общеимперский национализм. Обостренный национализм играл большую роль в формировании идеологии Белого движения и предопределил появление лозунга «За Единую, Неделимую Россию». Однако национализм Белого движения не предполагал этнической исключительности. Лозунг «За Единую, Неделимую Россию» не означал «Россия для русских».

Формирование южнорусского Белого движения проходило на территориях с исключительно пестрым этническим составом населения и в период «национальных революций», когда национальные окраины бывшей Российской Империи начали отделяться от единого великорусского центра, при этих условиях национальная политика для Белого движения выходила на первый план.

Лозунг «За Единую, Неделимую Россию» стал для Белого движения основополагающим. Сепаратизму окраин, на которых и происходило формирование Добровольческой армии, противопоставлялась концепция государственного единства России, проводником которого на тот момент выступала Добровольческая армия.

Интернационализму большевиков противопоставлялся государственный национализм, ставший ключевой идеей Белого движения. Лозунг государственного единства России и испытанное после подписания мирного договора большевиков с Германией и ее союзниками чувство национального позора и унижения, а также необходимость национального реванша могли привлечь в тот момент в ряды Добровольческой армии новых добровольцев и придать Белому движению массовый характер.

Организация Добровольческой армии, первого вооруженного формирования Белого движения, проходила в Новочеркасске, столице дон-

ского казачества, и Ростове-на-Дону, городе с довольно многочисленным и влиятельным еврейским населением. В 1918 г. численность еврейской общины Ростова, с учетом беженцев, прибывших за период Первой мировой войны с территории Украины, Белоруссии и Польши, составляла 18 тыс. чел.¹

Южнорусское Белое антибольшевистское движение начиналось при материальной поддержке и личном участии некоторых деятелей еврейского происхождения. Круги ростовского еврейства, имевшие антибольшевистский настрой, были готовы поддержать и казачье движение, а несколько позднее и Белое движение. Известен факт организации сбора и передачи Альпериным 13 декабря 1917 г. 800 тыс. руб. атаману Войска Донского Каледину на организацию казачьих партизанских отрядов. Кроме того, Альперин принимал и личное участие в казачьих вооруженных формированиях. Он был начальником отдела пропаганды в казачьем партизанском отряде генерала Семилетова, часть отряда которого состояла из еврейской молодежи. Также Альперин стал заместителем председателя Донского общества помощи казакам, открывшего два лазарета и организовавшего несколько санитарных отрядов. В середине декабря 1917 г. крупный донской предприниматель Парамонов передал руководителю Добровольческой армии генералу Алексееву денежные средства в количестве 500 тыс. руб., собранные частью ростовских предпринимателей на антибольшевистскую борьбу. Из этой суммы 200 тыс. руб. были предоставлены представителем еврейской ростовской буржуазии Гордоном. В дальнейшем он также оказывал материальную помощь Добровольческой армии в виде посылок табака и папирос².

Факты предоставления денежных средств от еврейских общин на нужды антибольшевистских вооруженных формирований на территории Сибири и Урала были зафиксированы и на дальнейшем этапе Гражданской войны. Еврейские общины поддерживали материально армию, открывали лазареты и собирали средства. Современные исследователи приводят следующие факты. Известно, что в мае 1919 г. еврейская община Уфы передала адмиралу Колчаку 100 тыс. руб. Также в мае 1919 г. Томский еврейский совет отправил на нужды армии адмирала Колчака 100 тыс. рублей, а Томскому отделу внешкольного образования и воспитания в войсках 50 тыс. рублей. В июле 1919 г. еврейское население Томска пожертвовало на нужды армии еще 25 тыс. рублей. Екатеринбургский еврейский общинный совет образовал бюро по сбору среди евреев средств на помощь армии. В сентябре 1919 г. Омский еврейский общинный совет решил открыть на свои средства лазарет и для этой цели провести сбор средств. В Мариинске осенью 1919 г.

местная еврейская община устроила лазарет. Осенью 1919 г. атаман Семенов получил от представителя еврейской дальневосточной промышленной семьи Скидельского чек на 100 тыс. руб. на приобретение теплых вещей для казаков³.

Вопрос об участии евреев в Белом движении практически не изучен. На сегодняшний день мы располагаем лишь отрывочными сведениями о евреях, принимавших участие в вооруженной борьбе с большевиками в составе антибольшевистских вооруженных формированиях (казачьи партизанские отряды, студенческий батальон Добровольческой армии)⁴.

Участие в Добровольческой армии евреев, как офицеров, так и солдат, в целом было незначительным. Это было связано с проявлениями крайнего антисемитизма в армейской среде. Несмотря на многочисленные попытки еврейской молодежи поступить в Добровольческую армию, случаи зачисления евреев в ее ряды были немногочисленными. Вместе с тем для еврейской политической элиты, сочувствующей Белому движению, вопрос зачисления евреев в Добровольческую армию носил принципиальный характер, так как участие евреев в Добровольческой армии предоставило бы им гарантию безопасности со стороны добровольцев, кроме того, отождествлять евреев с большевиками не было бы повода. Шехтман, указывая на усиление «активной тяги» в Добровольческую армию в «известных еврейских кругах» в июне-июле 1918 г., отмечал следующий факт, что уже в это время евреев часто перестают принимать не только на офицерские должности, в качестве врачей, но и рядовыми. В сентябре 1918 г. Альперин специально приехал в Екатеринбург, где тогда находилась ставка белых, чтобы обратить внимание генерала Алексева на факты непринятия евреев в армию и на другие проявления антисемитизма в Добровольческой армии⁵.

Более значительно проблема зачисления евреев-офицеров в ряды Добровольческой армии возникла летом 1919 г., когда Добровольческая армия вступила на территорию Харьковского района, — первого района со значительным еврейским населением, занятого Добровольческой армией, — и когда офицеры-евреи были уволены из собранного в Харькове офицерского отряда. Это исключение евреев-офицеров из армии не ограничивалось Харьковом и прилегающими районами, а вскоре приобрело повсеместный характер⁶.

26 июля 1919 г. в Таганроге еврейская делегация из представителей еврейских общин Екатеринослава, Харькова, Ростова-на-Дону и Таганрога на встрече с генералом Деникиным просила вернуть офицеров-евреев в полки. На встрече генерал Деникин настаивал на том, что на-

строение армии не допускает появления офицеров-евреев в своей среде, и указал на тяжкие последствия для этих офицеров в случае принудительного зачисления их в воинские части⁷.

На позицию адмирала Колчака по «еврейскому вопросу» оказывал влияние тот фактор, что «еврейский вопрос» являлся частью большой политики, в которую были вовлечены страны Европы и США. На заседании комитета еврейских делегаций, в ходе Парижской мирной конференции, созданного в марте 1919 г. по инициативе Всемирной сионистской организации (ВСО), обсуждался «еврейский вопрос» в России. Правительство адмирала Колчака рассчитывало получить финансовую помощь от состоятельных американских евреев. Этими же причинами можно объяснить и отправку адмиралом Колчаком 6 июня 1919 г. специальной телеграммы в Париж на имя министра иностранных дел Сазонова, где адмирал Колчак выступал в роли Верховного правителя России, который определяет политику по отношению ко всему еврейскому населению. Осенью 1919 г. в связи с приездом в Сибирь Розенבלата, уполномоченного еврейской благотворительной организации «Джойнт», и председателя американского эмиграционного общества Мейсона, со стороны Адмирала Колчака и его правительства было сделано заявление по поводу «еврейского вопроса». Адмирал Колчак подтвердил неизменность своей позиции по отношению к еврейскому населению и сохранение запретов агитации против евреев. В беседе с Розенבלатом адмирал Колчак убеждал в отсутствии опасности для евреев в Сибири, в отличие от остальной части России. Для адмирала Колчака «еврейский вопрос» представлялся как часть общероссийской проблемы, и его урегулирование представлялось для него в решении общеполитических задач⁸.

В период гражданской войны ситуация для еврейского населения в Сибири ухудшилась, произошло усиление антисемитизма на территории Сибири, но положение еврейского населения не носило катастрофического характера, как на Юге России. Правительство адмирала Колчака рассматривало «еврейский вопрос» как часть общеполитических и национальных проблем, признавало гражданское равенство евреев, и не препятствовало их самоорганизации⁹.

Для большевиков «еврейский вопрос» сводился к двум основным проблемам: установлению контроля на «еврейской улице» и пресечению антисемитизма среди своих сторонников. Для работы с еврейским населением, которое очень часто не знало русского языка и в силу этого не могло воспринимать большевистскую пропаганду, 19 января 1918 г. в Петрограде при Наркомнаце был образован Еврейский комиссариат (Евком). Официально было объявлено о том, что Евком займется дела-

ми, связанными с евреями — военнопленными и беженцами. На самом деле главной задачей Евкома было распространение коммунистических идей среди еврейского населения на идише и борьба против некоммунистических еврейских партий и организаций. Другой задачей Евкома было использовать настроение пострадавших от погромов евреев на отошедших от Советской России западных территориях для экспорта революции и в конечном итоге для расширения границ страны. Третьей задачей Евкома было создание коммунистических организаций взамен демократической общины и Всероссийского еврейского съезда. Для достижения этих целей необходимо было ликвидировать еврейские общины, сионистские организации и еврейские социалистические партии¹⁰.

В ночь с 26 на 27 октября 1917 г. II Всероссийским съездом Советов было принято «Постановление о борьбе с контрреволюцией», в котором местным советам поручалось принять меры к недопущению еврейских погромов. В марте 1919 г. для массового распространения Ленин записал на грампластинку речь «О погромной травле евреев», в которой упор делался на классовый характер антисемитизма¹¹.

26 июля 1918 г. правительство по указанию Ленина и при его непосредственном участии разослало по телеграфу всем губисполкомам декрет «О пресечении в корне антисемитского движения». Вопрос о борьбе с антисемитизмом был рассмотрен на заседаниях Оргбюро ЦК РКП(б) 26 апреля 1919 г. и совместном заседании Полит- и Оргбюро ЦК 2 июня 1919 г. С августа 1919 г. по март 1920 г. при Внешкольном отделе Наркомпроса функционировал комитет по борьбе с антисемитизмом. Весной 1918 г. Наркомат по делам национальностей и ВЧК разработали специальную программу конкретных мер борьбы с еврейскими погромами. В июне-июле 1920 г. по инициативе Евкома и при финансовом содействии еврейской благотворительной организации «Джойнт» был создан «Еврейский общественный комитет помощи пострадавшим от войны, погромов и стихийных бедствий» (Евобщестком)¹².

10 марта 1919 г. Коллегия Комиссариата по Еврейским национальным делам приняла решение о ликвидации Сионистской организации в России (СОВР) и роспуске Центрального Совета Союза еврейских общин (ЦЕВААД) и местных общинных советов. Это объяснялось стремлением нанести удар по позициям сионистской партии, которая имела большинство в общинных правлениях. 11 апреля 1919 г. проект решения Еврейского комиссариата был утвержден наркомом по делам национальностей Сталиным. Благотворительные функции и проведение культурной политики переходили в ведение государства, денежные средства общин поступали в фонд Еврейского комиссариата¹³.

В июне 1919 г. руководство Сионистской организации в России (СОВР) попыталось добиться от советской власти подтверждения ее легального статуса. В это же время председатель ЦБ ЕС Диманштейн направил в президиум ВЧК депешу о том, что, согласно постановлению последней конференции еврейских коммунистических секций и комиссариатов, утвержденному ЦК РКП(б), сионистские организации подлежат ликвидации. Большевицкое руководство, учитывая международное признание сионистского движения, с одной стороны, а с другой — несовместимость сионистской идеологии с коммунистической, приняло компромиссное решение принять тактику негласной борьбы с Сионистской организацией в России (СОВР) путем тайных арестов ее лидеров, административных репрессий и финансового давления. Для этого 27 июня 1919 г. при секретном отделе ВЧК был образован «еврейский стол». Официально 21 июля было принято постановление ВЦИК, в котором сионистам было разъяснено, что нет оснований для принятия специального акта о юридической легальности их организации и что советские органы не будут чинить препятствий культурно-просветительной деятельности сионистов¹⁴.

Что касается проблемы взаимоотношений большевиков с еврейскими социалистическими партиями — Бундом, Поалей-Цион и Фарейнигте (Объединенная еврейская социалистическая рабочая партия), то до конца 1918 г. эта проблема не была для большевиков столь острой, так как массовая база еврейских социалистических партий находилась в пределах бывшей черты оседлости, на оккупированных территориях Украины, Белоруссии и Прибалтики¹⁵.

¹ Будницкий О. В. Российские евреи между красными и белыми (1917–1920). М., 2006. С. 181–182; Он же. Евреи Ростова-на-Дону на переломе эпох (1917–1920 гг.) // Российский сионизм: история и культура. М., 2002. С. 243.

² Будницкий О. В. Российские евреи... С. 183–184; Он же. Евреи Ростова-на-Дону... С. 250.

³ Нам И. В., Наумова Н. И. Еврейская диаспора Сибири в условиях смены политических режимов (март 1917–февраль 1920 гг.). Красноярск, 2003. С. 168; Романова В. В. Власть и евреи на Дальнем Востоке России: История взаимоотношений (вторая половина XIX в.–20-е годы XX в.). Красноярск, 2001. С. 151.

⁴ Будницкий О. В. Российские евреи... С. 192–195; Он же. Евреи Ростова-на-Дону... С. 250.

⁵ Шехтман И. Б. Погромы Добровольческой армии на Украине (К истории антисемитизма на Украине 1919–1920 гг.). Берлин, 1932. С. 54–55.

⁶ Там же. С. 55–57; Штиф Н. И. Погромы на Украине (Период Добровольческой армии). Берлин, 1922. С. 73–74.

⁷ Шехтман И. Б. Указ. соч. С. 278–279; Штиф Н. И. Указ. соч. С. 73–74.

⁸ Нам И. В., Наумова Н. И. Указ соч. С. 123–124, 127–128.

⁹ Там же. С. 169.

¹⁰ Бейзер М. Евреи Ленинграда, 1917–1939 гг. Национальная жизнь и советизация. М.; Иерусалим, 1999. С. 55–56.; Будницкий О. В. Российские евреи... С. 107–109.

¹¹ Костырченко Г. В. Тайная политика Сталина: власть и антисемитизм. М., 2003. С. 55–56.

¹² Далгатов А. Г. Правительственная политика по отношению к этноконфессиональным меньшинствам: «еврейский вопрос» в жизни советского общества (окт. 1917-го — начало 1930-х годов). СПб, 2002. С. 48–51.

¹³ Там же. С. 57.

¹⁴ Костырченко Г. В. Указ. соч. С. 67–68; Бейзер М. Указ. соч. С. 142.

¹⁵ Будницкий О. В. Российские евреи... С. 118.

С. В. Струнец

(Брест, Республика Беларусь)

ЕВРЕИ В ОРГАНАХ СОВЕТСКОЙ ВЛАСТИ В ЗАПАДНОЙ БЕЛАРУСИ (1939–1941 гг.)

Осенью 1939 г. в сфере национально-кадровой политики на территории западных областей БССР практически одновременно началось и параллельно развивалось несколько процессов, которые в разных областях социально-политической и экономической жизни протекали с различной степенью интенсивности вплоть до начала Великой Отечественной войны.

Первой массовой политической кампанией, где были реализованы советские принципы национально-кадровой стали выборы в Народное Собрание в октябре 1939 г. Для реализации выборной кампании было организовано 929 окружных комиссии и 6 109 участковых. Абсолютное большинство членов комиссий составили белорусы — 68,2%. Поляков было — 15,9%, евреев — 6,4%, русских — 5,2%. Тем не менее, стоит учитывать региональную специфику на низовом уровне. Так, на территории будущей Белостокской области численность белорусов в комиссиях была самой низкой — 36%, а евреев — самой высокой — 10% по сравнению с аналогичными показателями этих национальностей в остальных регионах¹. Отметим, что представительство евреев в городах и местечках в силу традиционной демографической мозаики было значительно выше, чем в сельской местности. Так, в Белостоке евреи составляли около 33% членов избирательных комиссий², в Пинске более 70%³.

В результате выборов было избрано 926 депутатов, из которых 67,1% составили белорусы, 13,7% поляки, 7,8% евреи, 5,7% украинцы, 4,6% русские, 1,1% прочие⁴. Опять-таки эти данные необходимо анализировать с учетом региональной специфики. Так, по неполным данным, поляками было около 35% кандидатов Белосточкины. Здесь же был наименьший процент кандидатов-белорусов — 54,2% и наибольший процент кандидатов-евреев — 9,8%. На Полесье белорусами было 67,2% кандидатов, поляками — 2,1%, евреями — 8,6%, русскими — 8,6%, прочие — 13,3%. На Виленщине был выдвинут всего один поляк, белорусами было около 85% кандидатов, евреями — 7,2%, русскими — 7,8%. На Новогрудчине белорусы составили около 89% кандидатов, поляки — 2,2%, евреи — 6,6%⁵.

Количество евреев среди депутатов примерно соответствовало либо было несколько ниже процента еврейского населения Западной Беларуси. В то же время, за исключением Белостокской области, их членство в избирательных комиссиях было практически в 2 раза ниже пропорции евреев среди жителей региона. Это обстоятельство не исключало того, что евреи более значительно представлялись в избирательных комиссиях городов и местечек, где удельный вес еврейского населения был высоким.

Одновременно с процессом выдвижения местных жителей на различные выборные и административные должности происходил массовый наплыв работников из восточных областей СССР. Среди прибывших из восточных областей СССР преобладали белорусы, составляя около 45%. Однако их число было не намного выше, чем русских (от 32 до 38%). При этом среди членов партии в областных городах русских было больше, чем белорусов. В некоторых сферах, например, в партийных организациях НКВД, НКПС, также доминировали русские. Количество евреев-«восточников» в целом по областям колебалось в пределах от 11 до 14%, при этом их численность в городских учреждениях (особенно в областных центрах) была выше (около 20%). Евреи не были представлены в ряде сфер социально-экономической жизни, а в других их представительство опять-таки было выше среднего уровня.

Большую роль «восточники» сыграли и в проведении выборов в Верховные Совета СССР и БССР в марте 1940 г. В то же время это была очередная крупная политическая кампания, где было активно задействовано и местное население. Для выборов в Верховный Совет БССР было организовано 202 одномандатных округа. Среди избранных было 67,3% белорусов, 16,3% русских, 7,4% поляков, 6% евреев, 2% украинцев, 1% прочих⁶.

Данные о национальном составе депутатов и членов избирательных комиссий на выборах в ВС БССР анализировать сложнее, чем аналогичные — в Народное Собрание Западной Беларуси. Значительная прослойка «восточников» на всех стадиях избирательной кампании марта 1940 г. не позволяет точно установить долю местных белорусов и евреев. В целом по региону среди депутатов и членов избирательных комиссий доминировали белорусы. Поляки, за исключением Белостокской области, почти не попали в депутаты. Также минимальным оказалось представительство местного еврейского населения. Зато выросло число русских среди депутатов, по всей вероятности за счет «восточников».

Так или иначе, можно утверждать, что в период весны — осени 1940 г. советская национальная политика в регионе была существенно скорректирована. Фактически руководством БССР признавались многочисленные недостатки при проведении кадровой политики. Предположительно, масштабы изменений национально-кадровой политики за счет выдвиженцев после осенних директив ЦК КП(б)Б не были значительными. Соответствующие отчеты отделов кадров обкомов датируются зимой 1941 г. Значит, на местах согласно новым указаниям работали примерно в течение одного квартала, что вряд ли могло принципиально изменить картину.

Увеличение еврейского населения в рядах советских «выдвиженцев» можно объяснить процессом национализации социально-экономических сфер, где традиционно было задействовано еврейское население. Это автоматически влекло их включение в состав данной категории населения. К тому же евреи, в силу традиционной многочисленности в городах и местечках, а также достаточно высокого образовательного уровня и статуса дискриминируемого меньшинства в Польше, стали «естественной» рекрутинговой базой для замещения вакансий административно-технического персонала многочисленных советских учреждений в городах и местечках. Исходя из сложившейся социально-профессиональной специфики, доля евреев в заготовительных, торговых организациях, учреждениях здравоохранения, образования была выше, чем их удельный вес среди жителей региона. Внешний эффект от этого усиливался тем, что большинство евреев как «восточников», так и выдвиженцев, попадали в статистику городов и местечек. Но в представительных органах, от Народного Собрания до местных советов, процент депутатов-евреев не превышал доли евреев в общей численности населения, а часто был ниже этого уровня. Хотя совокупное представительство евреев в органах власти стало выше, чем при польском управлении.

Отдельного внимания в этом плане заслуживает избирательная кампания по выборам в местные Советы, которая прошла под лозунгами активизации работы с местным населением. Это должно было проявиться во время выдвижения кандидатов, членов избирательных комиссий.

Динамику по соотношению различных «вспомогательных» групп — членов избирательных комиссий, агитаторов, доверенных — соотнести также достаточно сложно. Так, по сравнению с выборами в Народное собрание в ходе выборов в местные советы Вилейской области сократилось количество белорусов среди членов избирательных комиссий, а несколько увеличилась численность евреев и поляков. В свою очередь, в Барановичской области существенных изменений не произошло. Поляки традиционно относительно широко были представлены в Белостокской области, оказавшись на первом месте среди депутатов сельских советов. В остальной части региона в сельской местности доминировали белорусы (более 80%), в городах высоким был процент евреев, иногда составляя большинство в крупных городах, там так же высоким был процент русских.

Процент евреев среди депутатского корпуса был около 5% по всем областям региона. Это было результатом того, что евреев среди депутатов сельских советов было очень мало, в среднем около 3% по всем областям. В то же время процент евреев в областных, городских, поселковых советах был значительно выше. В областных советах насчитывалось около 7-8% евреев, наименьший процент был в Белостокском облсовете — 4,3%. Участие евреев в советах городов колебалось в среднем от 10% до 30%. Отметим, что процент депутатов-восточников в советах этих уровней колебался от 30 до 50%. Учитывая тот факт, что среди восточников в городах процент евреев среди восточников был выше, чем в среднем по региону, можно предположить, что процент местных евреев в депутатском корпусе был достаточно небольшим, по сравнению с количеством еврейского населения, проживавшего в городах и местечках Западной Беларуси. Тоже можно сказать и участие евреев среди категорий лиц, обеспечивавших проведение избирательной кампании.

В преимущественно сельском славянском регионе заметное участие евреев в мероприятиях советской власти накладывалось на традиционные антисемитские стереотипы о «жидокомунне», особенно на западе Белосточчины, а также традиционные социальные противоречия между городом и деревней. В то же время важным фактором стало обострение конкурентных отношений между сторонниками советской власти среди представителей различных национальных групп.

В целом за этот период власти не допустили сверхпредставительства евреев в местных законодательных органах. Повышение их количества в советских органах и учреждениях (по сравнению с польским периодом) во многом было обусловлено резким ростом бюрократического аппарата и централизацией социально-экономической сферы в СССР, что автоматически перевело большую часть еврейского населения в категорию «совслужащих».

¹ Okupacja sowiecka (1939–1941) w świetle tajnych dokumentów. Obywatele polscy na kresach północno-wschodnich II Rzeczypospolitej pod okupacją sowiecką w latach 1939–1941. Warszawa, 1996. S. 179.

² Gnatowski M. Zgromadzenie ludowe Zachodniej Białorusi: Fakty, oceny, dokumenty. Białystok, 2001. S. 82.

³ ГАБО. Ф. 2218. Оп. 1а. Д. 12. Л. 4–20.

⁴ Głowacki A. Sowietci wobec Polaków na ziemiach wschodnich II Rzeczypospolitej 1939–1941. Wydanie II. Łódź, 1998. S. 62.

⁵ Gnatowski M. Op. Cit. S. 249–312.

⁶ «Ты з Заходняй, я з Усходняй нашай Беларусі...». Верасень 1939 г. — 1956 г.: дакументы і матэрыялы. Кн. 1: Верасень 1939 г. — 1941 г. Мінск: Беларус. навука, 2009. С. 165.

ЕВРЕИ В НАУКЕ, КУЛЬТУРЕ И ОБРАЗОВАНИИ

Д. А. Эльяшевич

(С.-Петербург, Российская Федерация)

КНИГОИЗДАНИЕ НА ЯЗЫКАХ ИВРИТ И ИДИШ В РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ. ПРОБЛЕМЫ ИСТОРИОГРАФИИ

Книгоиздание на национальных языках являлось заметным явлением в жизни дореволюционной России. В стране в разное время печатались книги на украинском, белорусском, еврейских, арабском, прибалтийских, грузинском, армянском, польском, финском и других языках. В своей совокупности они составляли огромный пласт книжной культуры Российской Империи. Однако вплоть до сегодняшнего дня изученность истории национального книгоиздания остается явно недостаточной. В советское время было опубликовано относительно небольшое количество работ, посвященных этой теме¹. Ситуация несколько изменилась после распада СССР, когда изучение истории книгоиздания на языках «титულных» наций интенсифицировалось и стало в бывших советских республиках, так сказать, делом принципа. Но говорить о заполнении многочисленных серьезных лакун в истории национального книгоиздания в Российской Империи сегодня все еще не приходится. Одной из таких очевидных лакун является история книги на языках иврит и идиш. Без изучения истории еврейского книгоиздания представления о развитии отечественной книжной культуры оказываются неполными.

Книга, в более широком понимании — письменный текст, всегда играли совершенно исключительную роль в еврейской истории. Именно они во многом определяли еврейскую национальную идентичность. Вся религиозная жизнь еврея в традиционном обществе была неразрывно связана с изучением текстов Танаха, Мишны, Гемары и бесчисленных комментариев к ним, а его повседневное существование строго регламентировалось авторитетными сводами религиозных правил и раввинских постановлений («Арба Турим», «Шульхан Арух» и др.). Это обстоятельство объясняет широчайшее распространение сперва рукописных, а потом и печатных книг в еврейской среде и практически поголовную грамотность мужской части еврейского населения, для которой знакомство с Танахом и древнееврейским языком начиналось, как правило, в трехлетнем возрасте.

Еврейское книгоиздание становится частью многонациональной книжной культуры России в последней четверти XVIII в. В 1772 г. после первого раздела Польши к Российской Империи отошли белорусские земли, а вместе с ними — и многочисленные местные еврейские жители. В 1793 и 1795 гг. к ним прибавились евреи Литвы, Волыни и Подолии, в 1815 г. — Царства Польского. Таким образом, уже в начале XIX века в российском подданстве состояла большая часть еврейского населения планеты числом свыше миллиона человек². На территории России оказались десятки тысяч книг на языках иврит и идиш и свыше десяти еврейских типографий.

Еврейская книгопечатная культура стала первой среди хорошо развитых инациональных книжностей, с которыми пришлось столкнуться российским властям и российскому обществу. К моменту вхождения евреев в российское подданство история этой культуры насчитывала уже несколько веков. Свое начало она берет в 1469 г., когда в Риме была основана первая еврейская типография. До 1500 г. в Италии, Испании, Португалии и Византии действовало 15 еврейских типографий; на сегодняшний день известны 207 инкунабул на иврите³. Первая еврейская книга в Восточной Европе была напечатана Г. ха-Коемом в Праге в 1513 г. В 1534 г. еврейская типография была основана в Кракове, в 1549 г. — в Люблине, в 1692 г. — в Жолкиеве.

Несмотря на свою более чем двухвековую историю и насыщенность фактами и событиями, история книгоиздания на языках иврит и идиш в Российской Империи на сегодняшний день остается мало исследованной. Сказанное, однако, не означает, что она не изучалась вовсе. Существующие работы могут быть условно разделены на несколько основных групп. Подобно историографии истории русской книги, первые сведения о развитии книгопечатания на языках иврит и идиш также появились в трудах библиографического характера. Произошло это во второй половине XIX века. В работах «Bibliotheca Judaica» Ю. Фюрста и «Оцар ха-сфарим» И. Бен-Якова содержалась разрозненная информация об особенностях конкретных экземпляров и еврейских типографиях Восточной Европы⁴. В XX в. эта традиция была продолжена в изданных в Израиле фундаментальных ретроспективных библиографических указателях «Бейт экед сефарим» Х. Д. Фридберга и «Оцар ха-сефер ха-иври» Й. Винограда⁵. Очень важным является также недавно появившийся указатель хасидской литературы Й. Эльштейна, позволяющий довольно наглядно проследить развитие хасидского типографского дела в России⁶. К библиографической группе историографии примыкает также и знаменитый

четырёхтомный «Лексикон идишской литературы, прессы и филологии» Залмана Рейзена, содержащий бесценный материал по истории печати на идише⁷. Основное значение библиографических работ заключается, прежде всего, в том, что они воссоздают репертуар еврейского книгопечатания в Российской Империи. Что же касается собственно историко-книжных сведений, то таковые в них, естественно, скудны и второстепенны⁸.

Публикации, которые следует отнести ко второй историографической группе, весьма далеки от науки, однако они зачастую содержат значительные массив информации по истории еврейского книгопечатания. Речь идет о поистине безбрежной в количественном отношении апологетической литературе, посвященной раввинам и цадикам, а также отдельным населенным пунктам Восточной Европы, значимым с точки зрения истории иудаизма. Авторами этих публикаций являлись и являются представители ортодоксального лагеря. Описывая жизнь и деятельность тех или иных духовных лидеров, они всегда много внимания уделяют их литературному творчеству, а также истории издания и распространения их трудов. Особенностью работ этой группы выступает отсутствие надежной источниковой базы (в качестве таковой в них, чаще всего, фигурируют передаваемые из поколения в поколение устные предания и рассказы, так называемые «майсес») и часто полуполюгендарный характер повествования. Однако и преуменьшать значение этих работ было бы ошибкой, поскольку именно «майсес», за неимением других источников, являются во многих случаях единственными свидетельствами о деятельности небольших типографий. В качестве примера работы, принадлежащей к данной группе, можно привести трехтомник «Охель Рахель» Х. Либермана, долгие годы бывшего библиотекарем последнего Любавичского ребе М.-М. Шнеерсона⁹.

Выше мы уже указывали на совершенно исключительную роль книги в еврейской истории. Однако исторических работ по еврейскому книжному делу, которые можно считать научными в традиционном понимании этого слова, вплоть до сегодняшнего дня парадоксальным образом создано очень немного. Это утверждение особенно актуально в отношении истории еврейского книгопечатания в Российской Империи. В 1887 г. появилась статья М. Г. Моргулиса «Судьба еврейской письменности в России», ставшая первой в этой области работой на русском языке. В ней на основе единственного источника — Свода законов — давался краткий очерк русского законодательства о еврейских типографиях с 1790 по 1862 год¹⁰. Годом позже была опубликована работа П. С. Мар-

ка «Из истории еврейского типографского дела в России», содержащая много ошибок и даже легенд в своей историко-книжной части, но весьма ценная благодаря описанию механизма так называемой «внутренней», или духовной, еврейской цензуры¹¹. Наибольшее внимание отечественных исследователей всегда привлекала история хасидского книгопечатания, главным образом, деятельность типографии семьи Шапира. Эти вопросы рассматриваются в основывающихся на архивных источниках публикациях крупных русско-еврейских историков Ю. И. Гессена и С. Я. Борового¹². Роли книги в хасидском обществе и деятельности принадлежавших хасидам типографий уделено определенное место в классической работе С. М. Дубнова «История хасидизма», использующей еврейские письменные источники, сегодня уже, в основном, утраченные¹³. Интересные, преимущественно количественные, данные о еврейских типографиях 10-х — 20-х гг. XIX в., почерпнутые из записок крещеных евреев Зандберга и Фоделло, были в свое время опубликованы Ю. И. Гессеном¹⁴. Отрывочные сведения о наиболее раннем периоде истории еврейского книгопечатания в России содержатся в обзорной статье филолога-гебраиста А. Я. Гаркави «Из истории культуры русских евреев»¹⁵.

В 1993 г., в период ренессанса исследований еврейской тематики в России и странах бывшего СССР, вышла в свет небольшая брошюра литовского историка-любителя Г. Аграновского «Становление еврейского книгопечатания в Литве». В ней на материале найденных автором документов Центрального государственного исторического архива Литвы в Вильнюсе достаточно подробно воссоздается история возникновения и развития типографий семьи Ромм и Нахимовичей в период с конца XVIII в. по 1836 г. Г. Аграновский приводит обширную статистику еврейского книгопечатания и сообщает множество важных фактических сведений. Недостатком этой работы является рассмотрение истории еврейского книжного дела вне контекста общей истории евреев в России, в первую очередь, истории религиозного раскола, Хаскалы и государственной политики в еврейском вопросе¹⁶.

Отрывочные данные по истории еврейского книгопечатания содержатся в сравнительно обширной и восходящей к последней четверти XIX в. отечественной литературе, посвященной истории распространения Хаскалы среди евреев России, а также истории еврейской литературы и периодической печати. Объясняется это тем, что книга и книгопечатание играли существенную роль как в идеологической борьбе внутри еврейского общества, так и в отношениях евреев и царской администрации. К такой литературе могут быть отнесены разно-

плановые сочинения И. Л. Цинберга, П. С. Марека, А. В. Белецкого, Л. М. Брамсона, С. В. Познера, И. М. Черикова и других исследователей¹⁷.

К истории еврейского книгопечатания на языках иврит и идиш в Российской Империи обращались, естественно, и иностранные авторы. Среди них, в первую очередь, следует назвать библиографа Х. Д. Фридберга, перу которого принадлежит обширное и, в целом, не устаревшее сочинение «История книгопечатания на иврите в Польше». Под «Польшей» в данном случае понимаются и некоторые регионы, вошедшие в состав Российской Империи, вследствие чего данная работа имеет принципиальное значение. Х. Д. Фридберг, имевший колоссальный опыт библиографирования еврейских изданий, сосредотачивается в ней на изучении конкретных изданий тех или иных типографий, попутно воссоздавая (правда, не всегда последовательно и документированно) общую картину развития ивритоязычного типографского дела¹⁸. Еще одним автором, внесшим заметный вклад в изучение истории еврейской книги в России, был А. Яари; в его работах на основе библиографических данных и некоторых «майсес» рассматриваются обстоятельства возникновения и развития еврейского книгопечатания в Шклове, Бердичеве, Могилеве, Миньковцах и некоторых других населенных пунктах¹⁹. Самые общие и очень краткие обзоры истории еврейской книги в Российской Империи содержатся в публикациях эмигрировавшего из СССР в 1930 г. крупного историка С. Гинзбурга, а также М. Маркса и Б. Вейнруба²⁰. Несколько ивритоязычных статей, опубликованных на протяжении XX в. и носящих, в основном, библиографический характер, рассматривают издательскую деятельность семьи Ромм; к их числу относятся миниисследования Ш. Ш. Фейгензона, П. Кона и Х. Либермана²¹. Искусству еврейской книги, традиционным приемам книгооформления, особенностям титульных листов и эмблемам типографов — в том числе, и на материале ивритских и идишских изданий Восточной Европы XVIII–начала XX вв. — посвящены работы уже упоминавшегося А. Яари, а также А. М. Хабермана, А. и К. Шуберт²². В 2001 г. в университете Бар-Илан была защищена магистерская диссертация Х. Коэн «В книжной лавке. Еврейская книжная торговля в Восточной Европе во второй половине XIX в.», в которой на основе изучения повествовательных источников не без успеха реконструируется репертуар и повседневный быт традиционного еврейского книжного магазина черты оседлости²³.

Существенный вклад в изучение истории еврейского книгопечатания внес современный израильский исследователь, профессор уни-

верситета Негев в Беер-Шеве З. Грисес. На сегодняшний день итогом его работы в этой области является монография «Книга в еврейском мире, 1700–1900». Основывающаяся на поистине колоссальном историографическом материале и посвященная таким проблемам, как история галахической и кабалистической литературы, роль библиотек и библиографов в распространении секулярной культуры, литературная критика в ивритской печати и целый ряд других, монография эта, однако, не может рассматриваться в качестве работы по истории еврейского книгопечатания. Правильнее будет сказать, что она посвящена истории еврейского читателя Восточной Европы и его отношению к печатному слову, а также роли ивритской и идишской книги в постепенной трансформации традиционного еврейского общества²⁴.

Наконец, в качестве еще одной историографической группы могут быть выделены работы историко-цензурного содержания. Внимание исследователей истории цензуры еврейской печати к проблемам производства и распространения книжной продукции вполне закономерно, поскольку именно она длительное время являлась единственным предметом заботы цензоров; периодические издания на иврите и идише появились в Российской Империи достаточно поздно, и их систематическое цензурирование началось только во второй половине XIX в. Работ, относящихся к этой группе, насчитывается немного. Уже в наиболее ранних публикациях дореволюционные исследователи уловили коренное отличие цензуры русских сочинений от цензуры сочинений еврейских. «Первая уловляла вольные мысли, вторая, наоборот, вторгалась в еврейское мирозерцание с целью найти там отсталые мысли, — писал П. С. Марек. — Там цензура боялась света, здесь она делала вид, что рассеивает тьму»²⁵. Пионером среди этих публикаций стала статья Ю. И. Гессена «Возникновение цензуры еврейских книг», посвященная цензурированию еврейских изданий в Рижском цензурном комитете в 1798–1801 гг.²⁶ Еврейская цензура николаевской эпохи рассматривается в опубликованном В. В. Стасовым отрывке из материалов комиссии барона М. А. Корфа, подготовленных еще в 50-е гг. XIX века²⁷. В 1923 г. была напечатана обзорная работа ивритоязычного журналиста Б. Каца, содержащая, среди прочего, воспоминания о некоторых еврейских цензорах Главного управления по делам печати²⁸. Монография М. Кармилли-Вайнбергера «Цензура и свобода слова в еврейской истории» посвящена, в основном, «внутренней» цензуре еврейских изданий, осуществлявшейся религиозными авторитетами и общественными деятелями; однако в ней имеются и некоторые сведения

и по истории еврейского книжного дела²⁹. Большой массив историко-книжной информации, почерпнутой из архивных источников, содержится в наших публикациях по истории цензуры еврейских изданий в Российской Империи, прежде всего, в нашей монографии «Правительственная политика и еврейская печать в России, 1797–1917. Очерки истории цензуры»³⁰. Однако историко-книжный материал не являлся для нас — как, впрочем, и для других авторов, занимавшихся изучением цензуры — приоритетным; он рассматривается нами не обособленно, а в контексте развития и изменений цензурной практики. Нельзя, вместе с тем, не признать, что историко-цензурное направление в изучении истории еврейского книжного дела Восточной Европы является одним из наиболее плодотворных и перспективных, поскольку именно оно в наибольшей степени обеспечено содержательно разнообразными и количественно обширными источниками.

Подводя итог всему сказанному в этом кратком историографическом обзоре, можно сделать следующие выводы. Имеющиеся исследования не дают целостной картины развития книгопечатания на языках иврит и идиш в дореволюционной России. Все они посвящены или частным проблемам и эпизодам истории еврейской печати, или используют ее в качестве вспомогательного материала. В подавляющем большинстве существующих работ история еврейской книги рассматривается в полном отрыве от реалий общерусского книжного дела, истории законодательства о печати и истории России в целом, в качестве своеобразной «вещи в себе». Главный же вывод, следующий из анализа литературы, таков: ни одного обобщающего научного труда, посвященного непосредственно истории еврейского книгопечатания в Российской Империи, на сегодняшний день не существует. Представляется, что одной из основных — если не главной — причиной, повлекшей такую ситуацию, являются серьезные проблемы, связанные с возможной источниковой базой подобного исследования.

¹ См., например: Бабаян А. Армянская книга. Ереван, 1956; Ишханян Р., Аревшатыан С. С. Армянская книга. Ереван, 1978; Лабунцаў Ю. Пачатае Скарынам: Беларуская друкаваная літаратура эпохі Рэнесансу. Пер. з рускамоўн. арыг. С. Шулы. Мінск, 1990; История книги, книжного дела и библиографии в Белоруссии. Минск, 1986; Абрамишвили А. З. Из истории грузинского книгопечатания за пределами Грузии (Рим, 1629–1800 гг., Москва, 1705–1917 гг.) // Книга: Исслед. и мат.-лы. Вып. 3. М., 1960. С. 251–299; Огієнко І. Історія українського друкарства. Т. I: Історично-бібліографічний огляд українського друкарства XV–XVIII вв. Львів, 1925; Книга і друкарство на Україні. Київ, 1965; Петров С. О. Книги громадянського друку, видані на Україні. XVIII — перша половина XIX століття. Харків, 1971; Каганов І. Я. Українська книга кінця XVI–XVII ст. Харків, 1959; Запаско Я. П. Мистецтво книги на Україні в XVI–XVIII ст. Львів, 1971, і др.

- ² Статистические данные о численности еврейского населения в этот период, естественно, носят приблизительный характер. Для 1788 г. С. М. Дубнов без ссылки на источник приводит цифру 617 032 человека. Более правдоподобен Т. Чацкий, который увеличивает ее как минимум до 900 тыс. человек обою пола; см.: Dubnov S. M. History of the Jews in Russia and Poland from the Earliest Times until the Present Day. Vol. 1. Philadelphia, 1916. Pp. 263–264; Czacki T. Rozprawa o żydach. Wilno, 1807. S. 216.
- ³ О ранней истории еврейского книгопечатания см.: Якерсон С. М. Еврейская средневековая книга: Кодикологические, палеографические, и книговедческие аспекты. М., 2003; Berliner A. Über den Einfluß des ersten hebräischen Buchdrucks auf den Cultus und die Kultur der Juden. Berlin, 1896, и др.
- ⁴ Fuerst J. Bibliotheca Judaica. Bd. 1–3. Leipzig, 1863; Ben-Yaakov I. Otzar ha-sforim. Vilna, 1880.
- ⁵ Friedberg H. D. Beit eked sefarim. Vol. 1–4. Tel Aviv, 1951–1956; Vinograd Y. Ozar ha-sefer ha-ivri. Reshimat ha-sefarim she-nidpesu be-ot ivrit me-reshit ha-defus ha-ivri bi-shenat 229 (1469) ad shenat 623 (1863). Yerushalaim, 1993.
- ⁶ Elstein Y. Bou Litkon. A Bibliography of Hasidic Literature in Alphabetical, Chronological, and Genealogical Order // Maaseh Sippur. Studies in Jewish Narrative. Ramat Gan, 2006. Pp. 447–536.
- ⁷ Reyzen Z. Leksikon fun der yidisher literatur, prese un filologye. Bd. 1–4. Vilna, 1926–1929.
- ⁸ Полный свод сведений о библиографиях еврейских книг, изданных до начала 70-х гг. XX в. приводится в работах: Shunami Sh. Bibliography of Jewish Bibliographies. Jerusalem, 1969; Shunami Sh. Bibliography of Jewish Bibliographies. Supplement. Jerusalem, 1975. Более поздние библиографии уже ничего не прибавляют к репертуару еврейской книги Восточной Европы.
- ⁹ Liberman H. Ohel Rahel. Vol. 1–3. N. Y., 1980–1984.
- ¹⁰ М. М. [Моргулис М. Г.]. Судьба еврейской письменности в России // Восход. 1887. Кн. 12. С. 3–18. Единичные фрагментарные сведения о еврейском печатном деле имеются также в фундаментальном и чрезвычайно тенденциозном сочинении кн. Н. Н. Голицына по истории русского законодательства о евреях, но они не представляют научного интереса; см.: Голицын Н. Н., кн. История русского законодательства о евреях. Т. 1. СПб., 1886. (Труды Высшей комиссии для пересмотра действующих о евреях в империи законов).
- ¹¹ Марек П. С. Из истории еврейского типографского дела в России // Восход. 1888. Кн. 4. С. 76–91; Кн. 9. С. 83–94.
- ¹² Гессен Ю. И. Хасиды брата Шапира на пути в Сибирь // Еврейская летопись. Сб. 2. Пг., 1923. С. 96–101; Боровой С. Я. Нариси з історії єврейської книги на Україні // Бібліографічні вісті. 1925. № 1/2 (8/9). С. 41–59; 1926. № 1 (10). С. 15–29. Перу С. Я. Борового принадлежит также статья о неудачной попытке известного еврейского писателя и просветителя И. Аксеновского организовать типографию в Одессе: Borovoy Sh. Aksefelds pruv tzu grindn a drukera y in odes // Bibliologischer zamlbukh. Kiev, 1930. S. 35–42.
- ¹³ Dubnov Sh. Toldot ha-hasidut. Tel Aviv, 1974.
- ¹⁴ Ю. Г. [Гессен Ю. И.]. К истории еврейских типографий. Крещенные евреи Зандберг и Фоделло // Еврейская старина. 1909. Т. 2. С. 251–255.
- ¹⁵ Гаркави А. Я. Из истории культуры русских евреев // Сборник в пользу начальных еврейских школ. СПб., 1896. С. 101–109.
- ¹⁶ Аграновский Г. Становление еврейского книгопечатания в Литве. М.; Иерусалим, 1993.
- ¹⁷ Цинберг И. Л. Исаак-Бер Левинзон и его время. СПб., [1911]; его же, История еврейской печати в России в связи общественными течениями. Пг., 1915; его же, The Haskalah Movement in Russia. Cincinnati; N.Y., 1978. (A History of Jewish Literature. Vol. XI); Марек П. С. Очерки по истории просвещения евреев в России. (Два воспита-

- ния). М., 1909; Белецкий А. В. Вопрос об образовании евреев в царствование императора Николая I. СПб., 1894; Брамсон Л. М. К истории начального образования евреев в России. СПб., 1896; Познер С. В. Евреи в общей школе. (К истории законодательства и правительственной политики в области еврейского вопроса). СПб., 1914; Чериковер И. М. История Общества для распространения просвещения между евреями в России. (Общественно-культурные течения в русском еврействе). Т. 1. СПб., 1913.
- ¹⁸ Friedberg H. D. Toldot ha-defus ha-ivri be-polanyah. Tel Aviv, 1950.
- ¹⁹ Yaari A. Ha-defus ha-ivri be-berditshev // Kiryat sefer. 1944–1945. № 21. Pp. 100–114; он же, Ha-defus ha-ivri be-shklov // Kiryat sefer. 1945–1946. № 22. Pp. 50–62; он же, Ha-defus ha-ivri be-minkovits // Kiryat sefer. 1942–1943. № 19. Pp. 267–276; он же, Ha-defus ha-ivri be-mogilev // Kiryat sefer. 1946–1947. № 23. Pp. 312–313; см. также: Yaari A. Mehkarei sefer. Yerushalaim, 1958.
- ²⁰ Ginzburg Sh. Tzu der geshikhte fun yidishen drukvezen in rusland // Tzukunft. 1932. Oktober. S. 589–594; Marx M. Zur Geschichte des hebräischen Buchdruckes in Russland und Polen // Festschrift für Aron Freimann zum 60. Geburtstag. Berlin, 1935. S. 91–96; Weinryb B. Zur Geschichte des Buchdruckes und der Zensur bei den Juden in Polen // Monatsschrift für Geschichte und Wissenschaft des Judentums. Bd. 77. 1923. S. 273–300.
- ²¹ Feigensohn S. Sh. Le-toldot defus rom // Yahadut Lita. Vol. 1. Tel Aviv, 1960. Pp. 268–302; Kohn P. Al devar ha-defus shel rom be-vilna // Kiryat sefer. 1933–1934. № 10. Pp. 249–250; Он же. Le-korot beth ha-defus shel rom be-vilna // Kiryat sefer. 1935–1936. № 12. Pp. 109–115; Lieberman H. Al defus ha-almanah ve ha-ahim rom // Kiryat sefer. 1959. № 34. Pp. 527–528.
- ²² Yaari A. Diglei ha-madpism ha-ivriyim. Yerushalaim, 1944; Haberman A. M. Shaarei sefarim ivrim. Safed, 1969; Schubert U., Schubert K. Omanut ha-sefer ha-yehudit. Tel Aviv, 1994.
- ²³ Cohen H. Be-hanuto shel mokher ha-sefarim. Ha-nuyot sefarim yehudiyot be-mizrah eiropa bamahatsit ha-sheniya shel ha-meah ha-tesha-esreh. Master's thesis. Bar-ilan universitah. Bar-Ilan, 2001.
- ²⁴ Gries Z. Ha-sefer ke-sokhen tarbut. Ba-shanim 460–660 (1700–1900). Tel Aviv, 2002; см. также английский перевод: Gries Z. The Book in the Jewish World, 1700–1900. Oxford–Portland (Or.), 2010.
- ²⁵ Марек П. С. Очерки... С. 26.
- ²⁶ Гессен Ю. И. Возникновение цензуры еврейских книг // Гессен Ю. И. Евреи в России: Очерки общественной, правовой и экономической жизни русских евреев. СПб., 1906. С. 409–430.
- ²⁷ Цензура в царствование императора Николая I. Ч. X: Цензура еврейских книг // Русская старина. 1903. Т. 114. № 6. С. 658–671; интересные подробности об этой публикации см.: Добровольский Л. М. Библиографический обзор дореволюционной и советской литературы по истории русской цензуры // Труды Библиотеки АН СССР и Фундаментальной библиотеки общественных наук АН СССР. 1961. Т. V. С. 246.
- ²⁸ Kats B. Le-toldot ha-tenszurah shel ha-sifrut ha-yisraelit. Reshamim ve-zikhronot // Ha-Toren. 1923. № 9. Pp. 41–48; № 10. Pp. 43–51; № 12. Pp. 48–60.
- ²⁹ Carmilly-Weinberger M. Censorship and Freedom of Expression in Jewish History. N. Y., 1977.
- ³⁰ Эльяшевич Д. А. Правительственная политика и еврейская печать в России, 1797–1917: Очерки истории цензуры. СПб.; Иерусалим, 1999.

Е. Г. Певзнер

(С.-Петербург, Российская Федерация)

ШКОЛЬНОЕ ДЕЛО У ЕВРЕЕВ И ПРОБЛЕМЫ ИНОРОДЧЕСКИХ ШКОЛ В РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ В НАЧАЛЕ XX в.

В отчете министра народного просвещения за 1909 год сообщалось, что к 1 января 1910 г. в Российской Империи числилось 920 еврейских училищ и 7 743 хедера. В начальных училищах к 1 января 1910 г. обучалось 181 944 учащихся, из них 143 210 мальчиков и 38 734 девочки¹.

Эти цифры могут показаться значительными, но на самом деле еврейское школьное дело находилось далеко не в блестящем состоянии. Так, в Лепельском уезде Витебской губернии в 6 населенных пунктах было 60 хедеров, 3 мужских казенных еврейских училища, одно женское народное училище в Лепеле и женская смена при Чашническом еврейском народном училище. Только 10% девочек школьного возраста получали начальное образование². В казенных еврейских училищах преподавали русский язык, арифметику, а еврейским предметам не уделяли должного внимания³. В Бобруйске в 1909–1910 гг. 69,2% всех еврейских детей школьного возраста не посещали школы⁴, а в Могилевской губернии вне школы оставалась почти половина детей школьного возраста⁵.

Уровень преподавания в хедерах был низкий, плохо преподавались древнееврейский язык и идиш⁶. Помещались хедеры большей частью в синагогах или на частных квартирах, не отвечавших требованиям гигиены⁷.

В 1909–1910 гг. Общество для распространения просвещения между евреями в России субсидировало 47 начальных школ. Из них было 15 мужских, 21 женская и 11 смешанных. В них обучалось 7 906 учащихся⁸. Почти половина учащихся (49,9%) обучалась бесплатно⁹. Процент выбывших до окончания школы составил 14% в 1909–1910 учебном году¹⁰.

Большинство преподавателей имели звание начального учителя¹¹. Из общих предметов преподавали русский язык, арифметику, географию, естествознание, рисование, чистописание, пение, гимнастику и рукоделие¹². А из еврейских предметов в программу входили древнееврейский язык, Библия, молитвы, еврейская история и идиш¹³.

Проблемы с начальным образованием были не только у евреев. Рассмотрим, как обстояли дела у других народов России.

Из отчета по Кавказскому учебному округу за 1911 год число обучавшихся в начальных школах составляло 471 230 человек из 880 000 детей школьного возраста, т. е. около 46% детей школьного возраста оставались без обучения¹⁴. Ингушских и чеченских школ почти не было. Было только две так называемые горские школы: в Грозном и Назрани, и 2–3 начальные школы, открытые в начале XX века. В Осетии тоже было мало школ. Не было русских школ у кумыков Хасан-Юртовского округа, у караногайцев. Не хватало школ и у черкесов Кубанской области¹⁵. У калмыков Малого Дербента на сотню жителей приходилось 0,6 ученика или один ученик приходился на 29,5 семей¹⁶.

Закавказье значительно хуже было обеспечено школами, чем Северный Кавказ. Там обучалось только 22% детей школьного возраста¹⁷.

В Бессарабии в Бендерском земстве в 1911 г. за порогом школы осталось 11 000 детей, а в Хотинском уезде — более 17 000¹⁸.

В Курмышском уезде Симбирской губернии на 200 000 населения имелось 45 школ, из них 13 для инородческого населения (10 для чувашей, 2 для мордвы и 1 для татар). В уезде ежегодно 4/5 детей школьного возраста оставались за порогом школы¹⁹.

В 1907 г. в Кокчетавском уезде Акмолинской губернии учащихся в киргизских школах значилось 4 569 мальчиков и 1 244 девочки, что составляло по отношению к общему числу мальчиков школьного возраста примерно 56,8%, девочек — 15,35%, а в целом — 36%²⁰.

В Эстляндии, Северной части Лифляндской губернии, во многих местах, населенных эстонцами, свыше 24% населения было неграмотным²¹.

Сложности начального образования у туркмен были связаны с кочевым образом жизни²². Начальные школы назывались мактабами, устраивались обычно при мечетях. Школы помещались в обычных зданиях, предназначенных для жилья, в которых было прохладно, сыро и темно. Учителем в мактабе был священник местной мечети или его помощник. В случае, если приходилось искать учителя, то обычно в учителя шли какие-то неудачники, люди с физическими пороками. Не было программы образования, не было экзаменов, дети выходили из школы большими и малограмотными²³.

К 1 января 1908 г. в сельских школах Киевской губернии училось 136 382 ребенка — 39,5% детей школьного возраста. Остальные 60,5% оставались без обучения²⁴.

Для киргизского населения Уральской области имелось 60 начальных учебных заведений — русско-киргизских школ. Из них 31 с интернатами. В них обучались дети киргизов — 1 632 мальчика и 41 девочка²⁵.

Детей школьного возраста было 43 052. Вне школы оставалось 41 379 детей или 96,11% детей школьного возраста²⁶. Кроме того, что не все дети школьного возраста могли обучаться в школах, не все ученики оканчивали полный курс школы, некоторые выбывали до окончания, что было связано чаще не с неспособностью детей к учебе, а с тем, что, в связи с бедностью родителей, они должны были помогать им по хозяйству²⁷.

Так, в 1911 г. число выбывших из бессарабских школ до окончания составило 13 597, а окончили школы 4 570 человек²⁸. Процент выбывших до окончания курса в Курмышском уезде Симбирской губернии был довольно большим — 16,17%²⁹.

Не все школы имели свои собственные помещения. Чаще школы устраивались в съемных помещениях. Например, в 1911 г. в Карсской области из 92 начальных училищ в собственных зданиях помещались 42³⁰. Часто эти помещения не соответствовали требованиям школьной гигиены, располагались в тесных, душных, сырых, холодных, плохо освещенных помещениях³¹. Из 45 начальных школ Курмышского уезда Симбирской губернии собственные здания имели 38³².

Учителями часто были случайные люди, не имевшие специальной педагогической подготовки, не обладавшие достаточным уровнем знаний.

Из 127 учителей начальных школ Курмышского уезда Симбирской губернии только 2 имели специальную педагогическую подготовку, часть учителей получила неполное образование в средних учебных заведениях, 19 окончили низшие учебные заведения³³.

В начальных школах Киевской губернии число лиц, выдержавших испытание на звание начального народного учителя или учительницы, составляло 56,48% общего числа учителей и учительниц, окончивших средние учебные заведения было 21,24%. Только 11,99% учителей окончили учительские семинарии³⁴.

Учителя калмыцких школ Малого Дербента сами плохо владели русским языком, а от учеников требовали, чтобы через 1,5–2 месяца с начала учебы они пользовались только русским языком³⁵.

В мусульманских начальных школах преподавали муллы, не имевшие педагогического образования³⁶.

Не все дети национальных меньшинств Российской Империи могли получить начальное образование. Национальные школы испытывали нехватку подготовленных учителей. Школьные помещения зачастую не отвечали гигиеническим требованиям. Не хватало учебников и учебных пособий. Большие сложности были с изучением как русского, так и родного языков. Особенно большие проблемы были у народов, не имевших своей письменности.

Таким образом, мы видим, что хотя дела в еврейском начальном образовании шли далеко не блестяще, они выглядели все же лучше, чем у большинства других народов империи. Значительно больше детей (особенно — мальчиков) посещали школы, преподавали в них люди, имевшие хоть какую-то профессиональную подготовку. И если мнение о поголовной грамотности евреев и не вполне соответствует истине, понятно, что грамотность еврейского населения по сравнению с большинством инородцев действительно была высокой.

- ¹ Евреи в общих и еврейских учебных заведениях. Из всеподданнейшего отчета Министра Народного Просвещения // Вестник Общества для распространения просвещения между евреями в России (ВОРПЕ). 1912. № 11. С. 44.
- ² Паткин А. Л. Материалы по еврейскому школьному делу в Лепельском уезде Витебской губернии // ВОРПЕ. 1910. № 1. С. 48.
- ³ Там же. С. 60.
- ⁴ Адека. Материалы по еврейскому школьному делу в Бобруйске // ВОРПЕ. 1911. № 3. С. 62–63.
- ⁵ Б. Э. и М. П. Материалы по еврейскому школьному делу // ВОРПЕ. 1911. № 7. С. 61.
- ⁶ Там же. С. 62.
- ⁷ Там же.
- ⁸ Еврейские школы в цифрах // ВОРПЕ. № 10 (1911, декабрь). С. 3, 5.
- ⁹ Там же. С. 10.
- ¹⁰ Там же. С. 13.
- ¹¹ Там же. С. 19.
- ¹² Там же. С. 23.
- ¹³ Там же. С. 26.
- ¹⁴ Малиновский Н. П. Из хроники по Кавказскому и Киевскому учебным округам за 1911 год // Русская школа (РШ). 1912. № 12. С. 60.
- ¹⁵ Баранов Е. Школьный голод на Кавказе // Для народного учителя (ДНУ). 1911. Кн. 16. С. 21.
- ¹⁶ Фарфоровский С. В. Воспитание детей у калмыков Северного Кавказа // РШ. 1912. № 1. С. 60.
- ¹⁷ Фарфоровский С. В. Народное образование в Карской области // Журнал Министерства Народного Просвещения (ЖМНП). 1913. № 12. С. 222.
- ¹⁸ Безперстов М. Народное образование в Бессарабии (по данным Бессарабской школьной выставки 1912 года) // ДНУ. 1912. Кн. 18. С. 11.
- ¹⁹ Безперстов М. Народное образование в Курмышском уезде Симбирской губернии // ДНУ. 1912. Кн. 20. С. 6.
- ²⁰ Саламатова П. Воспитание и обучение детей у киргизов // РШ. 1913. Кн. 1. С. 94.
- ²¹ Школьное дело в Лифляндии // Школа и жизнь. 1 апреля 1913 г. С. 2.
- ²² Бедрицкий Л. Школа туркмен // ЖМНП. 1911. № 4. С. 162.
- ²³ Там же. С. 168–171.
- ²⁴ Акимов А. А. Народное образование в Киевской губернии (до 1912 года) // ЖМНП. 1913. № 11. С. 162.
- ²⁵ Миронов П. М. Очерк о русско-киргизских школах Уральской области // ЖМНП. 1910. № 6. С. 182–183.
- ²⁶ Там же. С. 189.
- ²⁷ Там же. С. 192.
- ²⁸ Безперстов М. Народное образование в Бессарабии... С. 11.

- ²⁹ Безперстов М. Народное образование в Курмышском уезде... С. 7.
- ³⁰ Фарфоровский С. В. Народное образование... С. 226.
- ³¹ Там же.
- ³² Безперстов М. Народное образование в Курмышском уезде... С. 6.
- ³³ Там же. С. 7.
- ³⁴ Акимов В. В. Указ. соч. С. 182.
- ³⁵ Фарфоровский С. В. Воспитание детей... С.59–60.
- ³⁶ П. З. Н. Развитие начальных школ-медресе среди башкир Екатеринбургского уезда // РШ. 1910. № 1. С. 63.

И. В. Земцова

(С.-Петербург, Российская Федерация)

ФИНАНСОВОЕ ПОЛОЖЕНИЕ СТУДЕНТОВ-ЕВРЕЕВ В ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМИИ ХУДОЖЕСТВ

Первые студенты-евреи появляются в Академии Художеств лишь во II половине XIX в. Первые десятилетия количество их в стенах Академии было крайне невелико. Среди причин такого положения дел важную роль играла и финансовая несостоятельность евреев-абитуриентов. Первые художники-евреи обычно от двух до пяти лет находились на правах вольнослушателей. Финансовое положение их было особенно нелегким, поскольку для вольнослушателей существовала плата — 25 рублей в год. Для многих эта сумма была достаточно обременительной, но и возвращение домой было невозможно, поскольку собрать средства для новой поездки в столицу было еще тяжелее¹. Примером дороговизны поездки в столицу на экзамены может служить письмо ученика Киевской рисовальной школы Авраама Маньлама, в котором он свидетельствует, что для поездки в Петербург на экзамены Киевский еврейский комитет вспомоществования выделил ему 75 рублей². Если учесть, что уровень жалования для молодого выпускника или стипендии студента в Петербурге колебался в пределах 10–25 рублей, то становится очевидным, насколько огромной была эта сумма для провинциала³. С гораздо меньшей суммой отправлялся в путь из Вильно М. Мане — ему меценаты смогли дать в дорогу только 3 рубля⁴.

Вольнослушатели-евреи вряд ли могли рассчитывать на серьезную материальную помощь из дома — разница между нищетою черты оседлости и дороговизной жизни в столице была слишком велика. Многим

помощь в оплате обучения оказывало Общество для распространения просвещения между евреями в России (ОПЕ). Была возможность получить такую помощь и от самой Академии Художеств. Дело в том, что там допускалась выдача до 10% бесплатных билетов на занятия для вольнослушателей, достаточно было представить удостоверение местной полиции о несостоятельности просителя. Не все рисковали иметь дело с полицией, однако такие свидетельства все же сохранились. Это свидетельства за подписями помощников обер-полицмейстера и градоначальника С.-Петербурга о бедственном положении братьев Моисея и Авраама Маныламов, в одном из которых сказано, что у просителя (Авраама) «нет имущества, кроме носимого платья» и живут оба тем, что занимаются снятием копий с картин⁵.

Привлекательность поступления в Академию Художеств в Петербурге складывалась как из наличия еврейских культурно-просветительных обществ с богатыми меценатами во главе, на чью помощь можно было рассчитывать, так и из тех льгот, которые предоставляла сама Академия. Поступление в Академию обеспечивало еврею определенную социальную защищенность, т. к. теперь она, как государственное учреждение, выступала в различных инстанциях в качестве ходатая за него, иногда напрямую обращаясь в Военное министерство или лично к министру внутренних дел. Академическое начальство само ходатайствовало по инстанциям о выдаче вида на жительство в С.-Петербурге ученикам, вело переписку об отсрочке от воинской повинности. Через защиту формальных прав своих питомцев Академия как учреждение и чиновники подтверждали значительность в том числе и своего статуса.

Студент-еврей мог рассчитывать на несколько видов финансовой помощи: пособие, премия за работу, стипендию, помощь студенческой кассы. В Академии всегда существовала какая-либо система премий за хорошие работы. Например, работы, удостоенные серебряных медалей на экзаменах, приобретались в академический фонд, а студент получал денежную премию: за малую серебряную медаль — 15 руб., за большую — 20 руб. В либеральное правление Александра II поддержка талантов, очевидно, распространялась и на вольнослушателей-евреев, поскольку первое же признание успехов и награждение малой серебряной медалью всегда совпадает с приемом их в число учеников. Когда медали отменили, с 1897 г. вводятся премии I разряда от 50 до 100 руб., выдававшиеся дважды в год. Сумма вполне приличная, если учесть, что зарплата дворника в той же академии составляла 20 руб. в месяц, а школьного учителя около 35 руб.

Кроме того, можно было получить единовременное пособие в 10–15 руб. от ректора. И хотя на таких просьбах евреев в Совет Академии о

пособии или стипендии часто стоит «отказать», но в приложенной к диплому выписке из личного дела ученика иногда обнаруживается, что через несколько дней (1–2 недели) пособие выдано (например, лично от ректора), либо назначена стипендия. Создается впечатление, что в своих официальных определениях Совет не решался выносить положительных решений относительно еврейских учеников, т. к., видимо, список этих решений просматривался великим князем Владимиром Александровичем, известным своей реакционностью и антисемитизмом. Таким образом, помощь евреям-студентам старались оказывать просто за его спиной. Например, когда Абрам Вигдорчик после смерти содержавшего его отца просит осенью 1901 г. стипендию, то после отказа Совета профессоров он получает, однако, пособие в 20 руб. от Художественного совета (и, возможно, стипендию от барона Гинцбурга); в 1902 г. Вигдорчик повторяет просьбу и вместе с резолюцией «отказать» получает престижную стипендию Долгорукова, которую дают лишь одному из студентов архитектурного отделения. Вигдорчик получает ее 2 года, а также, дополнительно, натуральное пособие на 6 месяцев (1-ю пол. 1904 г.)⁶. Однако, если даже пособие было получить непросто, стипендию (даже на год) намного труднее. В Академии Художеств существовало более 43-х стипендий, учрежденных на частные капиталы, как членов императорской фамилии, так и купцов-меценатов, художников, профессоров, просто по завещанию. Обычно это были проценты с капитала в 5–6 тысяч рублей. Такая стипендия составляла 300 руб. серебром в год, из которых стипендиат получал либо 25 руб. в месяц, либо 20 руб., с тем, чтобы остаток в 60 рублей выдавался ему при окончании курса с отличием или передавался достойному.

Еврейские ученики удаивались стипендий редко: стипендиатом кабинета Его Императорского Величества был М. М. Антокольский (29 руб. в мес.); стипендиатом на суммы Их Величеств Государя наследника Цесаревича и Государыни Цесаревны состоял Ф. Л. Миколаевский; Императорскую стипендию (в 350 руб. в год) получали Я. С. Гольдблат и Я. Кац; стипендию Московского генерал-губернатора князя В. А. Долгорукова — А. Вигдорчик; стипендию, созданную для бедных по духовному завещанию с капитала профессора академии А. Т. Маркова — М. С. Йоффе; стипендию, учрежденную в память художника барона Марка Гинцбурга Г. О. Гинцбургом — П. И. Геллер и Г. М. Зайденберг. Эта последняя стипендия задумывалась как помощь именно студентам-евреям, но президент Академии Художеств великий князь Владимир Александрович настоял, чтобы ее назначали без различия вероисповедания, так что ее первым стипендиатом в 1881 г. стал некто Н. Лосев. Стипендия была

учреждена в 1879 г., но понадобилось несколько лет, чтобы в инстанциях добиться опубликования правил стипендии, так что она до 1885 г. так и была неизвестна тем, кого особенно интересовала⁷.

Существовали также стипендии еврейских меценатов. Собственные стипендии выдавала семья баронов Гинцбургов: стипендиатом Евзеля Гинцбурга был М. М. Антокольский со своего приезда в Петербург в 1862 г. до 1872 г. (т.е. до получения звания академика), а также талантливый гравёр А. А. Грилихес, и даже И. Е. Репин; стипендиатами Горация Осиповича Гинцбурга были И. Я. Гинцбург (с 10 лет) и, по-видимому, А. Вигдорчик и М. Синявер. Стипендия Евзеля Гинцбурга была небольшая, всего 10 руб. в месяц, и выделялась из кассы вспомоществования нуждающимся евреям. Касса была настолько обременена бесчисленными выдачами, что большей помощи оказывать действительно не могла⁸. Менее известна стипендия С. С. Полякова — ее получал Ш. Х. Нисельсон. Иногда помощь оказывали и совсем небогатые люди. Например, П. Геллеру на протяжении всей учебы и даже после окончания курса оказывал материальную поддержку петербургский фотограф Константин Шапиро, а Антокольскому — друг юности Барель, который устроил ему обеды в кухмистерской Бройдо в Петербурге и сам их оплачивал⁹.

Небольшую, но существенную помощь евреям-студентам Академии оказывало ОПЕ. В основе финансов общества лежал капитал барона Е. Г. Гинцбурга, кроме того, половина доходов также вносилась им. В отчете ОПЕ за 1871–1872 гг. сказано, что в 1872 г. студентам Академии Художеств выдано 4 пособия, но из тех, кто в этот год учился в Академии, а впоследствии успешно ее закончил, только А. А. Грилихес являлся учеником, И. Аскназий числился только вольноприходящим. Вероятно, двое других просто не смогли доучиться. По ходатайству Комиссии по распределению пособий учащимся положено выдавать ученику Академии Художеств в течение года ежемесячно по 5 руб. из сумм общества и по 5 руб. от Товарища Председателя и члена казначея. Итого по 15 рублей. Кроме того, выдано одному из воспитанников 50 руб.¹⁰ Помимо этого ОПЕ помогало многим вольнослушателям оплачивать слушание лекций.

С материальной точки зрения успешное окончание учебы давало свои преимущества. Удостоенные звания художника получали права на чин от XIV до X класса при поступлении на государственную службу, исключались из податного сословия и получали право повсеместного жительства. Некоторые из академистов, чтобы увеличить впоследствии свои шансы на трудоустройство, заканчивали специальные педагогические курсы при Академии Художеств. На курсах давалось свидетельство о

праве преподавания в средних учебных заведениях черчения, рисования и чистописания. Но евреям нельзя было поступить учителем рисования в гимназию или реальное училище¹¹, поэтому несколько выпускников-евреев открыли собственные рисовальные школы и студии: Ю. Пен в Витебске, М. М. Маньлам в Одессе, Я. Кругер в Минске, И. А. Гринман, М. Д. Бернштейн, И. А. Пас и Я. С. Гольдблат в Петербурге.

¹ См. РГИА. Ф. 789. Оп. 11. 1881. Д. 88. Л. 11 (Личное дело. Пэн Ю. М.).

² РГИА. Ф. 789. Оп. 11. 1882. Д. 139. Л. 12 (Личное дело. Маньлам А. П. М.).

³ См., напр.: РГИА. Ф. 789. Оп. 8. 1873. Д. 173 (Личное дело. Миколаевский Ф. Л.).

⁴ Гинцбург С. М. М. Мане. Литературная летопись // Восход. 1897. № 9. С. 24.

⁵ РГИА. Ф. 789. Оп. 11. 1882. Д. 139. Л. 13. (Личное дело. Маньлам А. П. М.). См. так же: Ф. 789. Оп. 11. 1883. Д. 162. Л. 5. (Личное дело. Маньлам М. М.).

⁶ РГИА. Ф. 789. Оп. 12, 1897. Д. 28-«И». Л. 34–39, 49.

⁷ РГИА. Ф. 789. Оп. 10, 1879. Д. 198.

⁸ Марк Матвеевич Антокольский, его жизнь, творения, письма и статьи / Под ред. В. В. Стасова. СПб., М., 1905. С. XVI.

⁹ Там же. С. XIV.

¹⁰ РГИА. Ф. 821. Оп. 9. Д. 96. Л. 16 об., 17, 44.

¹¹ РГИА. Ф. 798. Оп. 11. 1883. Д. 162. Л. 32.

Е. А. Загорулько

(С.-Петербург, Российская Федерация)

ПРАВОВОЕ ПОЛОЖЕНИЕ УЧАЩИХСЯ ИУДЕЙСКОГО ВЕРОИСПОВЕДАНИЯ В ВУЗАХ САНКТ-ПЕТЕРБУРГА В 1907–1914 гг.

Количество учащихся лиц иудейского вероисповедания в вузах Петербурга на протяжении периода с 1907 по 1914 гг. все более сокращалось. Причиной этого было правовое положение евреев, обучающихся в вузах. Для лиц иудейского вероисповедания, согласно циркуляру министра народного просвещения от 26 сентября 1908 г. за № 25160 «О приеме евреев в высшие учебные заведения», была подтверждена процентная норма приема в высшие учебные заведения: 3% для государственных учебных заведений, находящихся в столице, 5% для находящихся в прочих местностях империи вне черты оседлости и 10% — в районе оседлости¹. Об убывании пребывавших в Петербургских вузах евреев сви-

детельствуют следующие данные: в 1907 г. их доля составляла от 18 до 10%, в 1912 г. — около 7%, а в 1913/1914 учебном году в Университете и в Горном институте — 3,6 и 3,81%².

Но количество молодых людей иудейского вероисповедания, желающих получить высшее образование, не сокращалось. Высшее образование предоставляло право на жительство в любом городе империи и право службы по любому ведомству.

Право на государственную службу влекло за собой приобретение классного чина в чиновной иерархии. Университетский устав 1884 г. провозгласил, а «Правилами» и «Положениями» по отдельным высшим учебным заведениям были определены права на получение чина X класса — окончившим с дипломом I степени или со званием кандидата, и XII класса — окончившим с дипломом II степени или со званием действительного студента³.

Что же послужило причиной установления процентной нормы? И всегда ли политика в области обучения евреев характеризовалась ограничениями?

В начале XIX в. правительственная политика в области образования евреев была направлена на их интеграцию в российское общество. «Положение для евреев», которое вступило в силу в 1804 г., дало право евреям обучаться в любых учебных заведениях империи⁴, с целью повышения культурного уровня. Уже в 1835 г. еврейские дети обучались в черте оседлости, но после окончания гимназии могли поступать в любой вуз империи, с получением степени приобретая потомственное почетное гражданство⁵.

Если в 60-х годах XIX века министр народного просвещения заявлял, что государство желает привлечь евреев в общие учебные заведения, а не локализовать обучение их в особых училищах, то уже в 1880-х годах Министерство народного просвещения становится на противоположную точку зрения. Евреев объявили агитаторами беспорядков учащихся.

Александр III в 1883 г. учредил комиссию для пересмотра действующих законов о евреях. Министр просвещения И. Д. Делянов писал во всеподданнейшем отчете за 1886 г.: если ранее считалось, что евреи стремятся получать образование без корыстных целей, то теперь они поступают в вузы, большей частью, не для приобретения научных знаний, а для уклонения от воинской повинности и получения права повсеместного жительства⁶.

По циркуляру от 10 июля 1887 г., «признано нужным ограничить число учеников из детей евреев в местностях, входящих в черту по-

стоянной оседлости, 10%, в других местностях, вне этой черты, 5%, а в Санкт-Петербурге и Москве 3% всего числа учеников, подлежащих приему в начале каждого учебного года⁷. Нормы вступили в силу с начала 1887/1888 учебного года.

В 1906 году Николай II на предложение Совета министров отменить процентные нормы ответил: «Еврейский вопрос должен быть рассмотрен..., когда я признаю это благовременным»⁸.

Помимо этого, каждый год нужно было получать вид на жительство, которое давало право проживания в Петербурге и его окрестностях. Но для евреев имелось примечание, по которому они при получении вида на жительство не могли его получить в городах придворного ведомства⁹.

На практике, чтобы поступить в вуз, для евреев установилась необходимость получения золотой медали в гимназии. Но медалистов оказывалось слишком много, и они не все могли поступить в вузы.

После 1907 г., повсеместно профессорские коллегии пытались игнорировать процентные нормы. Но любые ухищрения профессоров обойти нормы пресекались. В результате возникали коллизии нестыковки решений учебной администрации и министерских, что в свою очередь затягивало дело. Абитуриенты забрасывали Министерство народного просвещения прошениями с целью получить сверхкомплектное место в высшей школе. Но всегда получали отказ. Не имело значения даже, что средний бал абитуриента-еврея был равен 4,9¹⁰.

Университеты были заинтересованы в студентах, стремящихся к знаниям. А. Н. Шварц, министр просвещения в 1908–1910 годах, замечал, что постоянному нарушению процентных норм способствовал циркуляр, «предоставлявший начальствам учебных заведений самим заполнять евреями почему-либо не занятые христианами места»¹¹.

Правительство продолжало идти по пути ограничений. При министре Л. А. Кассо, сменившем в 1910 году Шварца, 11 марта 1911 года был подписан закон, распространивший процентные нормы на евреев, сдающих экзамены в гимназиях в качестве экстернов, исчисляемые по отношению к общему количеству экстернов¹².

В конце марта того же года Кассо издал циркуляр, который предписывал представлять свидетельства о политической благонадежности всем лицам, которые не поступили непосредственно из средней школы в университет; было предложено исчислять процентную норму не к количеству принятых, а к количеству подавших заявления о желании подвергнуться испытаниям на поступление в гимназию — за счет этого процентная норма снижалась.

Кроме того, Кассо в циркуляре от 7 февраля 1914 года сожалел, что руководство университетов использует разные критерии для отбора студентов при приеме. Чтобы устранить несправедливый элемент случайности, министр распорядился «зачислять евреев в студенты университета в счет установленной нормы, не иначе, как по жребию»¹³. Тем самым Кассо хотел исключить конкурс аттестатов, который обусловливал прием в студенты только евреев-медалистов и пятерочников. Они, естественно, становились наиболее успевающими студентами. По мнению Кассо, применение принципа «выживания наиболее приспособленных» к еврейским ученикам в русской школе было недопустимым.

Альтернативой обойти процентную норму у евреев было немного. Можно было либо удовлетвориться статусом вольнослушателя, т. е. посещать лекции на «птичьих правах», либо же перейти в православие.

Чтобы попасть в вузы, еврейская молодежь шла на ухищрения. Бытовало даже так называемое «фальшивое крещение», т. е. получение за мзду свидетельства о «священном крещении»¹⁴.

Но важно, что не для всех вузов Петербурга действовала одинаковая процентная норма. В отношении лиц иудейского вероисповедания высшие учебные заведения делились на три категории: не ограниченные процентной нормой (в творческих учебных заведениях процентная норма не вводилась); с установленной для евреев процентной нормой; учебные заведения, в которые лица иудейского происхождения вообще не принимаются¹⁵.

Даже если евреям удавалось попасть в «процентную норму», по указу 11 августа 1904 г. достигшие двадцатипятилетнего возраста студенты-евреи подлежали удалению из столицы¹⁶. Но, видимо, удаление это действовало так же, как и соблюдение процентной нормы.

В некоторые годы прием евреев в отдельные вузы вообще не производился. Так в 1907 г. в Политехнический институт прием был закрыт, так как установленный для них комплект уже был закрыт¹⁷.

П. М. Кауфман, покинув пост министра народного просвещения, писал: «Еврейская молодежь... вступала в жизнь с чувством обиды и вражды к государственной власти. Этими озлобленными элементами пополнялась и поддерживалась революционная партия»¹⁸.

Политику правительства в отношении к высшему образованию евреев как нельзя лучше отражают слова А. Н. Шварца: «Необходимо неуклонно отстранять всякие притязания инородцев на какую бы то ни было обособленность и национализацию школы. Руководящим началом должна быть единая русская школа на всех ее ступенях и для всех без

исключения инородцев империи... Во всех учебных заведениях должно неуклонно и строго последовательно проводиться образование и воспитание в духе любви к русской народности и русским делам...»¹⁹.

Благотворное влияние включения еврейской молодежи в российское общество путем получения высшего образования, было ликвидировано правительственной идеей «иудейской опасности», в виде множества ограничений, из которых «процентная норма» являлась основным шлагбаумом, ограничивающим возможности получения высшего образования.

¹ Журнал Министерства народного просвещения. 1908. Ноябрь. С. 26.

² Всеподданнейший отчет министра народного просвещения за 1910 г. СПб., 1912. С. 10; Отчет о состоянии и действиях Горного института имп. Екатерины II за время с 1 июня 1908 г. по 19 июня 1909 г. // Горный журнал. 1913. № 4.

³ ПСЗ. Собр. 3. Т. 4. № 2404; Положение о Санкт-Петербургском Политехническом институте. СПб., 1910. С. 144.

⁴ ПСЗ. Собр. 1. Т. 28. № 21547.

⁵ ПСЗ. Собр. 2. Т. 10. № 8054.

⁶ ПСЗ. Собр. 3. Т. 5. № 3034; Сборник постановлений по Министерству народного просвещения. СПб., 1894. Т. 10. № 198. Стб. 330–332; Извлечение из всеподданнейшего отчета министра народного просвещения за 1886 г. СПб., 1891. С. 31.

⁷ Познер С. В. Евреи в общей школе. К истории законодательства и правительственной политики в области еврейского вопроса. СПб., 1914. С. 83.

⁸ РГИА. Ф. 733. Оп. 153. Д. 315 [Резолюция Николая II на «мемории» Совета министров]. Л. 4об.; ПСЗ. Собр. 3. Т. 28. № 31008; Т. 29. № 32501.

⁹ Города придворного ведомства: Гатчина, Царское Село, Красное Село, Петергоф (Студенческий справочник на 1910/1911 академический год. СПб., 1911. С. 29.).

¹⁰ Прошение абитуриента Гордона Л. И. министру народного просвещения о приеме в университет // РГИА. Ф. 733. Оп. 154. Д. 36 [Об евреях]. Л. 352; Свидетельство об успеваемости абитуриента Минца С. Л. // Там же. Л. 377; Отказ департамента народного просвещения Гордону Л. И. и Минцу С. Л. // Там же. Д. 37 [Об евреях]. Л. 331, 332.

¹¹ Шварц А. Н. Моя переписка со Столыпиным. Мои воспоминания о Государе. М., 1994. С. 33.

¹² ПСЗ. Собр. 3. Т. 31. № 34900.

¹³ Гимпельсон Я. И. Законы о евреях. Систематический обзор действующих законоположений о евреях с разъяснениями Правительствующего Сената. СПб., 1915. С. 548–550.

¹⁴ Иванов А. Е. Еврейское студенчество в Российской Империи начала XX века. Каким оно было? М., 2007. С. 62.

¹⁵ ПСЗ. Собр. 3. Т. 28. № 31008; Речь. 1908. 31 июля.

¹⁶ Запрос попечителя С.-Петербургского учебного округа в департамент министерства народного просвещения // РГИА. Ф. 733. Оп. 154. Д. 27 [Об ограничении приема евреев в учебные заведения и о праве жительства евреев]. Л. 14–14об.

¹⁷ Речь. 1908. 1 июля.

¹⁸ Специальная «записка» П. А. Кауфмана // РГИА. Ф. 733. Оп. 153. Д. 304: О процентном соотношении числа студентов евреев к общему числу студентов других вероисповеданий. Л. 49об.

¹⁹ Иванов А. Е. Указ. соч. С. 76.

В. В. Левченко
(Одесса, Украина)

ЕВРЕЙСКИЕ УЧЕНЫЕ-ИСТОРИКИ В НАУЧНОЙ ЖИЗНИ ОДЕССЫ В ПЕРВОЙ ТРЕТИ XX в.

За более чем двухсотлетнюю историю существования Одесса утвердилась в статусе значимого научного центра¹. Этому способствовало своеобразие социокультурной среды полиэтничной научной интеллигенции с ярко выраженной ориентацией междисциплинарных интересов². Среди представителей интеллектуального социума, плодотворно внесших свою лепту в формирование статуса Одессы как научного центра, были и евреи.

Их процесс вхождения в научное сообщество города и укоренения в нем на протяжении XIX в. был затянут из-за значительных правовых ограничений³. Это отражалось в количественном ограничении при поступлении в высшие учебные заведения и ведении научно-педагогической деятельности (преподаватели иудейского вероисповедания не допускались к работе в государственных вузах)⁴. На рубеже XIX–XX вв. в научной среде Одессы лишь sporadически встречаются имена евреев-математиков, как правило, принявших христианство. Например, в Императорском Новороссийском университете (ИНУ), лишь только после изменения вероисповедания, должности приват-доцентов получили историк М. И. Мандес (1894)⁵ и математик Б. Ф. Каган (1897)⁶. Математик С. О. Шатуновский, который, не изменяя вероисповедания и не имея оконченого высшего образования, но благодаря научным изысканиям и поддержке ведущих профессоров, только в возрасте 45 лет (1904 г.) был допущен к сдаче магистерского экзамена, а в 46 лет в качестве приват-доцента получил право на чтение лекций в ИНУ⁷. Представительство же евреев-гуманитариев в ИНУ и Одесском обществе истории и древностей, как основных институциональных формах междисциплинарных научных исследований в гуманитарной области, в Одессе не выявлено.

Радикальные изменения в этом аспекте произошли в период 1917–1920 гг., когда Одесса оказалась одним из центров еврейской культуры и, соответственно, одним из основных сосредоточений ее носителей — ученых. Этому способствовал тот факт, что в те годы в Одессе оказались энергичные силы еврейства⁸, и таким образом возникла атмосфера, которая благоприятствовала их творческой работе. Что, в свою очередь, количественно и качественно отразилось на научной жизни.

Основным местом работы большинства ученых-историков в 1920-е гг. был Одесский институт народного образования (ОИНО, 1920–1930), который являлся преемником ИНУ (реорганизован в 1920 г.) и предшественником Одесского государственного университета (воссоздан в 1933 г.)⁹. Преподавательский состав ОИНО насчитывал 22 историка-еврея (из них 7 профессоров), большинство из которых имели высшее образование, полученное в вузах России и Европы. Базовым вузом для многих являлся ИНУ. Его историко-филологический факультет в разное время окончили К. Б. Бархин, О. Л. Вайнштейн, М. И. Мандес, И. М. Троцкий. В этом же университете начинал учиться в будущем известный историограф Н. Л. Рубинштейн, но после реорганизации системы высшей школы в 1920 г. диплом о высшем образовании получил в ОИНО (1922). Вузы Санкт-Петербурга в разное время окончили С. А. Семенов-Зусер (археологический институт в 1913 г.) и Ю. Г. Оксман (университет в 1917 г.). Четыре историка (А. О. Бужевич, Э. Г. Оксман, И. Д. Сероглазов, Т. М. Хаит) являлись выпускниками ОИНО¹⁰.

Политические и социально-экономические события на рубеже 1910–20-х гг. привели к изменениям во всех сферах жизни, в том числе и науке. На это время приходится трансформация организационных форм и содержания научно-исследовательских учреждений исторического профиля, что в свою очередь внесло разнообразие в научную ориентацию и детерминировало плюрализм исследовательской практики. Вследствие этого научная деятельность историков-евреев проходила в разных по форме учреждениях.

Одной из таких форм была Комиссия при губернском комитете КП(б)У (Истпарт), призванная создавать новые основы деятельности, принципов, методологии, проблематики, языка советской исторической науки¹¹. Основными задачами комиссий являлись сбор материалов, научная обработка и издание документов по истории революционного движения, истории коммунистической партии и местной парторганизации, организации историко-революционного архива. Среди многочисленных направлений исследований Истпарта, одним из аспектов была история евреев в период революционных событий. В Одесском истпарте (руководители Ю. Г. Оксман, И. А. Хмельницкий), в контексте изучения революционных событий 1905 г. в Одессе, его сотрудники Н. М. Осипович и С. А. Семенов-Зусер подготовили статьи об истории еврейских погромов: соответственно «Погромы в Одессе и Одессине в 1905 году», «О погромах и самообороне» и «Еврейские погромы в Одессе и Одессине в 1905 г.», «Погром в Одессе»¹².

26 августа 1923 г. была основана Одесская комиссия краеведения при Всеукраинской академии наук, которая на 1 апреля 1924 г. насчитывала 34 человека. Среди ее членов также были историки-евреи: А. С. Бориневич, А. О. Бужевич, О. Л. Вайнштейн, А. Г. Готалов-Готлиб, Л. Г. Гофман, М. И. Мандес, Э. Г. Оксман, Н. Л. Рубинштейн, И. А. Хмельницкий и др. В поле их научных интересов входили: история края (А. С. Бориневич, М. И. Мандес), история просвещения (А. Г. Готалов-Готлиб), история декабристского движения (Л. Г. Гофман) и др.¹³ Активная исследовательская и собирательская деятельность членов комиссии привела к быстрому накоплению этнографических материалов, что обусловило создание центра их хранения и изучения, а именно музея «Степова Україна». В создании музея принимали участие практически все члены этнографической секции, но отдельно следует отметить Э. Г. Оксмана. Его тема исследования была связана с мотивами украинского орнамента и жилищами Степной Украины.

В одесском Доме Ученых 7 марта 1925 г. была создана постоянная Пушкинская комиссия. Ее инициатором выступил М. П. Алексеев, под редакцией которого было издано три сборника одесских материалов о Пушкине¹⁴. Среди авторов очерков вошедших в сборник, также были еврейские ученые — Л. П. Гроссман и Ю. Г. Оксман.

К середине 1920-х гг. относится организация и открытие Музея еврейской культуры им. Менделе-Мойхер-Сфорима (6 ноября 1927 г.). Организация нового музея была поручена П. Сегалу, а за месяц до его открытия должность директора занял Б. М. Рубштейн. Научными сотрудниками стали А. И. Воробейчик и Л. Г. Стрижак¹⁵. Их задачей было наполнение фондов музея подлинными и уникальными экспонатами.

Еще одним научно-исследовательским учреждением, организованным по инициативе и с участием историков-евреев, была Одесская секция научно-исследовательской кафедры еврейской культуры ВУАН при ОИНО (1928–1930). Секция (руководитель Я. Е. Мерзон) состояла из четырех комиссий: исторической, социально-экономической, педагогической, литературно-лингвистической. К середине 1929 г. на заседаниях секции было прочитано пять научных докладов¹⁶.

На рубеже 1920–30-х гг. в период утверждения тоталитарной системы происходило обострение борьбы большевистской власти с академическими институтами в целом и историко-научным сообществом в частности. Вследствие изменения общего курса науки происходила реорганизация научно-исследовательских учреждений. С середины 1930-х гг. начался процесс их ликвидации, а к концу 1930-х гг. практически все они были закрыты¹⁷.

Личные составы всех научных учреждений Одессы были подвергнуты «чисткам», а их работа определялась «вредной», «враждебной» и в контексте «буржуазно-националистического влияния». Вследствие этого в период политических репрессий 1930-х гг. многие евреи-историки стали их жертвами: Л. Г. Гофман, А. М. Мерхер, Т. Я. Молчадский, Э. Г. Оксман, И. Д. Сероглазов, Л. Г. Стрижак, М. Б. Тункельройт и др.

Тема роли и научного наследия еврейских ученых-историков в Одессе в первой трети XX в. ждет дальнейшего комплексного исследования.

¹ Історія Одеси / Голов, ред. В. Н. Станко. Одеса, 2002. С. 179–184.

² Попова Т. Н. Проблемно-дисциплинарная структура исторических исследований в Новороссийском университете // Российские университеты в XVIII–XX веках. Воронеж, 2004. Вып. 7. С. 31.

³ Раскин Д. И. «Еврейский вопрос» в документах высших государственных учреждений Российской Империи XIX — начала XX в. // История евреев в России. Проблемы источниковедения и историографии. СПб., 1993. С. 60–77; Бэкон Г. Положение евреев в России после разделов Польши // Главы из истории и культуры евреев Восточной Европы. Тель-Авив, 1995. С. 248–253; Гончаров В. В. Правовое положение еврейского меньшинства в Украине к XIX — н. XX вв. // Етнічна історія народів Європи: Національні меншини. Етноархеологія. К., 1999. С. 19–23 и др.

⁴ Иванов А. Е. Высшая школа России в конце XIX–начале XX века. М., 1991. С. 228.

⁵ Березин С. Е. Новороссийский университет на правом фланге идеологического фронта гражданской войны. Пролог: конец XIX века // Новик: труды по военной истории. Одесса, 2009. Вып. II. С. 166.

⁶ Ноткіна О. Ю. Каган Веніамін Федорович (Беніамін Фалькович) // Професори Одеського (Новоросійського) університету. Одеса, 2005. Т. 3. С. 6.

⁷ Нечаев А. П. Шатуновський Самуїл Йосипович // Професори Одеського (Новоросійського) університету. Одеса, 2005. Т. 4. С. 409.

⁸ Боровой С. Я. Воспоминания. М.-Иерусалим, 1993. С. 84–86.

⁹ См.: Левченко В. В. Історія Одеського інституту народної освіти (1920–1930 рр.): позитивний досвід невдалого експерименту. Одеса, 2010. С. 98–99.

¹⁰ См.: Левченко В. В. Евреи в профессорско-преподавательском составе Одесского института народного образования (1920–1930): ретроспективный анализ // Материалы Семнадцатой Ежегодной Международной Междисциплинарной конференции по иудаике. М., 2010. Ч. 2. С. 245–260.

¹¹ Очерки истории исторической науки в СССР. Т. 4. М., 1966. С. 528–556.

¹² ГАОО. Ф. 2. Оп. 1. Д. 8. Л. 40; Д. 11. Л. 1.

¹³ Вісник Одеської комісії краєзнавства при Всеукраїнській Академії Наук. 1924. № 1; 1925. № 2–3.

¹⁴ А. С. Пушкин. Статьи и материалы / Под ред. М. П. Алексеева. Одесса, 1925–1927. Вып. 1–3.

¹⁵ ГАОО. Ф. Р-134. Оп. 1. Д. 1643. Л. 19.

¹⁶ ГАОО. Ф. Р-39. Оп. 1. Д. 76. Л. 9–10.

¹⁷ См.: Левченко В. В. Становление иудаики в Одессе в 1920–30-е гг.: центры, персоналии, традиции // «Мама городов израилевых...»: Сборник статей по итогам факультатива по иудаике и израилеведению ОНУ имени И. И. Мечникова. Одесса, 2011. С. 79–86.

И. А. Лапина

(С.-Петербург, Российская Федерация)

ЕВРЕЙСКИЕ ЖЕНЩИНЫ В СОВЕТСКОЙ ПЕДАГОГИКЕ. 1917–1930-е гг.

Роль еврейских женщин в становлении советской педагогики, как педагогики социальной, в широком смысле этого слова, трудно переоценить. Чисто статистические данные, которые бы демонстрировали еврейскую активность вообще, и активность девушек в частности, в создании новой системы образования и воспитания, не могут быть точными. Для большинства еврейской молодежи первых десятилетий советской власти была характерна т. н. негативная идентичность, следствием которой стал разрыв со средой, традиционной культурой и переход на позиции пролетарского интернационализма. Но, отказываясь от своих корней, а часто и от имен, евреи не переставали быть носителями определенного типа сознания. Поэтому гораздо более эффективным в исследовании этого вопроса является биографический метод. В качестве примера предлагаются биографии людей, чья деятельность так или иначе оказалась связанной с Герценовским институтом, который на протяжении многих лет считался флагманом советской педагогики — П. О. Эфрусси (1876–1942), З. О. Мичник (Эфрусси) (1878–1942), Р. Г. Лемберг (Лившиц) (1883–1975), Д. А. Лазуркиной (Клебановой) (1884–1974) и Н. И. Стриевской (1897–1983).

Обращает на себя внимание похожесть их судеб. Это были девушки из состоятельных семей, стремившихся дать дочерям хорошее светское образование. И сами они высоко ценили образование как путь к утверждению человеческого достоинства. Сестры Эфрусси родились в Кишиневе. Перл училась в Берлинском университете, в Бреслау и в Геттингенском университете, где работала в лаборатории экспериментальной психологии. Ее сестра Зинаида закончила медицинский факультет Берлинского университета. Раиса Лившиц, родившаяся в Одессе, также слушала курсы медицины, философии, естествознания в Берлине. Дора Клебанова, уроженка Новозыбкова, закончила естественно-географические курсы П. Ф. Лесгафта в Петербурге. Возможности у всех были разные, а времена — беспокойные. Образование Нины Стриевской было не столь блестящим как, например, у ее знаменитой двоюродной сестры Лины Штерн — физиолога и биохимика, получившей звание профессора в Женевском университете. Но она до 1913 г. обучалась в женской гимназии в

Гродно, кроме русского и идиша владела немецким и французским языками. Уже в 1928–1931 гг. она закончила научно-педагогические курсы и аспирантуру Института методических работников.

Все эти женщины принимали самое деятельное участие в революционном движении или культурно-просветительной работе в пролетарской и полупролетарской среде. Р. Г. Лемберг включилась в создание социал-демократических организаций на юге России, оставив Берлинский университет. Она много переводила, публиковала пропагандистские брошюры, писала художественную прозу (которую публиковала под псевдонимами)¹. Д. А. Лазуркина преподавала в рабочих воскресных и вечерних школах, а после поражения первой русской революции, живя в Петербурге, поддерживала связь Ульяновых со столицей². З. О. Мичник организовала первую консультацию для грудных детей при роддоме в созданном в 1912 г. в Петербурге убежище «Помощь матерям»³. Н. И. Стриевская с 1915 г. работала учительницей, с началом гражданской войны ушла на фронт вслед за мужем, занималась агитпроработой в политотделе 18-й дивизии 6-й армии, а в передышках вела дивизионную школу⁴. В революции эти люди видели нравственное начало, а стремление выполнять просветительную миссию красной линией проходит через всю их жизнь.

После 1917 г. наши героини работали в системе Наркомпроса и Наркомздрава. П. О. Эфрусси в 1918 г. вместе с Луначарским стала одним из учредителей Курсов художественного слова, где вела курс психологии речи и мышления. Ее младшая сестра З. О. Мичник возглавляла отдел материнства и младенчества Петроградского Совета, в 1918–1920 гг. состояла членом Совета охраны материнства и младенчества при Наркомздраве Северного края. Она разработала методику санитарно-просветительного патронажа, принятую впоследствии во всех детских консультациях. В 1917 г. организовала первую в России консультацию для беременных, а в 1919 г. создала юридическую консультацию по вопросам охраны материнства и младенчества⁵. Р. Г. Лемберг тоже была членом Петроградского Совета, занималась организацией клубного дела в Петрограде и стала одним из первых организаторов школ рабочей молодежи и Внешкольного института. Д. А. Лазуркина вместе с В. М. Величкиной (Бонч-Бруевич) создавала приюты, детские сады и летние детские колонии в Петербурге, а после переезда в Москву — образцовый детский дом в Замоскворецком районе. Н. И. Стриевская устраивала детский дом в Басманном районе Москвы. Вспоминала, что создавались детские дома в то время просто: «вот тебе дети, вот особняк, который предстояло взять приступом». Потом была заместителем заведующего

культотделом Ленинградского губкома профсоюза работников просвещения⁶. Вся их деятельность была отчетливо связана с выполнением программы пролетарской культуры.

Общественная активность и организаторские способности этих женщин использовались в деле реформирования науки и образования и создания новой педагогической школы. П. О. Эфрусси была одним из первых психологов-экспериментаторов, она внесла большой вклад в развитие школьной психологии, дефектологии⁷. З. О. Мичник была научным руководителем дома малютки и детской консультации созданного в 1925 г. Института охраны материнства и младенчества, а с 1929 г. доцентом на кафедре социальной гигиены женщины и ребенка в будущем Педиатрическом институте. Р. Г. Лемберг с 1924 г. читала студентам ЛГПИ им. А. И. Герцена курс «Трудовая школа», а с 1928 г. заведовала кафедрой методики начального обучения. С 1929 г. она состояла членом научно-педагогической секции Государственного ученого совета при Наркомпросе РСФСР⁸. Д. А. Лазуркина в октябре 1928 г. была назначена директором ЛГПИ им. А. И. Герцена. Таких, как она, называли «красными директорами». Не имея ученых степеней и званий, они должны были в кратчайшие сроки осуществить перестройку вузов и создать слой преданной социализму интеллигенции. Лазуркина рассматривала будущих педагогов как «социальных инженеров»: доказывала значимость педологических дисциплин, рационализировала программы и учебные планы, создавала условия для расширения научно-исследовательской работы выдвиженцев из рабочей среды, пыталась организовать коллективную жизнь и оживить культурно-просветительную работу в институте, поддерживая деятельность студенческого клуба, организовывала борьбу за новый быт⁹. Н. И. Стриевская в 1928 г. работала в школьном отделе «Учительской газеты», а в конце 1929 г. по приглашению Н. К. Крупской стала секретарем Общества педагогов-марксистов, основанного при Коммунистической Академии¹⁰. В сентябре 1934 г. она была назначена директором областного пединститута им. А. С. Бубнова, а после его объединения с институтом им. М. Н. Покровского в 1936 г. — институтом им. А. И. Герцена. Содержание организаторской, преподавательской, методической и просветительской деятельности наших героинь отражена в их собственных публикациях и в воспоминаниях благодарных учеников.

Удивительным было их физическое и творческое долголетие и негибкость под ударами судьбы. Р. Г. Лемберг в 1930-е гг. отправилась вместе с дочерью в ссылку в Казахстан и ...создала кафедру педагогики в Казахском педагогическом институте в Алма-Ате¹¹. Муж Д. А. Лазуркиной — Михаил Семенович Лазуркин - директор ЛГУ — был арестован в

1937 г. и погиб во время следствия. Она же, после арестов и ссылок, несмотря ни на что, продолжала верить в светлый идеал социалистической культуры. Это она на правах старой большевички на XXII съезде партии заявила о необходимости выноса тела Сталина из мавзолея. Н. И. Стриевская и ее муж А. К. Стриевский в 1937 г. проходили по разным делам: он — по «делу Тухачевского», она — по «делу Бубнова». Начальник противовоздушной обороны Кронштадта был расстрелян, а Нина Исааковна, пережив мужа на 46 лет, в годы «оттепели» стала председателем секции по изучению наследия Н. К. Крупской при Педагогическом обществе РСФСР, составителем нескольких ее тематических сборников, редактором собрания сочинений. Сестры Эфрусси не пережили войну: в 1942 г. они эвакуировались из Ленинграда на Северный Кавказ и там были расстреляны немцами.

Еврейские женщины были очень значимой частью той новой советской интеллигенции, которая стала движущей силой и социальной опорой культурной революции. Они внесли большой вклад в формирование инфраструктуры просвещения и образования и его содержания, в разработку дидактических и методических принципов советской педагогики. И стали своего рода «мостом», обеспечив преемственность между деятельностью сложившихся еще в дореволюционные годы еврейских просветительных учреждений и системой советского образования и просвещения.

¹ Законодательные акты Франции, декларации прав человека и гражданина. Конституции 1791, 1793, 1848, 1875 годов / Перевод и пред. Р. Г. Лемберг. СПб., 1905; Верова Р. Закон о социалистах в Германии, его возникновение и падение. СПб., 1906; Клейнпетер Г. Теория познания современного естествознания: На основе воззрений Маха, Сталло, Клиффорда и др. / Пер с нем. Р. Г. Лемберг; под ред. П. С. Юшкевича. СПб., 1910; Григорьев Р. На ущербе: Роман. СПб., 1913; Ее же. Накануне: Роман. СПб., 1916.

² Губанков А. Штрихи к жизнеописанию «образцовой коммунистической пары» // Дайджест прессы «Страницы истории». 1988. Январь–июнь. Л.: Лениздат, 1989. С. 256–260.

³ Мичник З. О. Убежища для матерей как охрана материнства и младенчества // Призрение и благотворительность. 1914. № 8–10. С. 1105–1118.

⁴ Волков Б. Революция в сердце // Учительская газета. 1987. 23 июня. С. 2.

⁵ Мичник З. О., Антонов А. Н. Мать и ребенок. Л., 1925; Мичник З. О., Слуцкий М. Я. Методические положения и инструкции по работе учреждений охраны материнства и младенчества Ленинграда. Л.: Биомедиздат, 1935.

⁶ Фонды Музея РГПУ им. А. И. Герцена: Л-2 (Д. А. Лазуркина), С-50 (Н. И. Стриевская).

⁷ Эфрусси П. О. Персеверация, как фактор нормальной психической жизни. СПб., 1910; Она же. Успехи психологии в России. Итоги съезда по психоневрологии в Москве 10–15 янв. 1923 г. Пг.: Начатки знаний, 1923; Она же. Очерки по психологии ребенка школьного возраста. М.: Госиздат, 1928; Она же. Профилактика хулиганства в школе. М.: Госиздат, 1928; Она же. Психология раннего детства. Пособие для педвузов и медвузов. М.; Л., Огиз–Госиздат, 1931.

⁸ Лемберг Р. Г. Школа рабочей молодежи // Внешкольное образование. 1919. № 6–8. С. 29–36; Она же. Летняя работа с детьми (Задачи летней школы) // Трудовая шко-

ла. 1922. № 2. С. 1–2; Она же. Школа и клуб // Жизнь рабочей школы. 1924. № 6–7. С. 42–50; Лемберг (ред.). Горн.: Сб. 1–6. Л., 1925; Лемберг Р. Г. (ред.). Трудовая школа: Пед. сб. Лен. гор. отдела народного образования. 1922–1924. № 1–6/7; Содержание и методы работы педтехникума // Педагогическое образование: Из опыта работы пед. школы / Под ред. Г. И. Левина и Р. Г. Лемберг. М.; Л.: Госиздат, 1927 и др.

⁹ Лазуркина Д. А. Основные задачи дошкольного воспитания в новых формах общественной жизни // Первый Всероссийский съезд по дошкольному воспитанию. М., 1921; Она же. Новые задачи // За педкадры. 31 декабря 1931. С. 1; Ахоян А. А. Красный директор // Советский учитель. 1974. № 6. 20 февраля 1974. С. 2–3.

¹⁰ Архив РАН. Ф. 350 (Ком. Академия). Оп. 1. Д. 414, Л. 1–76; Д. 884. Л. 1–19; Оп. 2. Д. 587. Л. 1–50; Д. 621, Л. 1–55; Оп. 3, д. 315, Л. 183–186об.

¹¹ Роботова А. С., Романенчук К. В. Педагогика как судьба. Очерки жизни и деятельности Раисы Григорьевны Лемберг. СПб.: Изд. РГПУ им. А. И. Герцена, 2010; Лемберг Р. Г. Дидактические очерки. Алма-Ата: Казучпедгиз, 1960 и др.

Т. М. Смирнова

(С.-Петербург, Российская Федерация)

ЛЕНИНГРАДСКИЙ ЕВРЕЙСКИЙ ВОКАЛЬНЫЙ АНСАМБЛЬ (по материалам ЦГАЛИ СПб)

Объединенный фонд национальных домов просвещения Ленинграда в Центральном государственном архиве литературы и искусства Санкт-Петербурга (Ф. 258) содержит богатейший материал по Еврейскому Домпросвету (опись 3). В составе Домпросвета в 1930-е гг. было два профессиональных художественных коллектива — Еврейская театральная студия и Еврейский вокальный ансамбль (Евоканс).

Одно из первых упоминаний Евоканса относится к началу 1932 г.: приказом по ДПР с 1 января композитор М. А. Мильнер освобождался от руководства хоровым кружком и назначался художественным руководителем еврейского государственного вокального ансамбля. Администратором ансамбля был назначен Карасик (уже в марте его сменил Гринблат), а делопроизводителем — Эпштейн¹. В 1931–1932 гг. в ансамбле пели А. Б. Рабинович, Т. Д. Ольшинская, Б. Баш, А. И. Каратыгина, Р. Гессен, Э. Я. Тургалина, О. Кудрявцева, О. В. Хмелева, Д. М. Люстерняк, В. П. Литвак, Р. М. Баркан, Л. Ю. Биндлер и др.². В 1934 г. штат ансамбля составлял 22 человека, в том числе 7 сопрано, 5 альтов, 5 теноров и 3 баса³. В марте 1935 г. в состав ансамбля были зачислены также музыканты — виолончелист Шафран и пианистка Мадорская⁴. С 1 октября

1934 г. в Евокансе появляется новая административная должность — заведующий ансамблем, им становится директор Домпросвета И. Е. Шпигельман⁵. С нового 1935 г. Евоканс стал самостоятельной хозрасчетной единицей со своим текущим счетом, но остался в ведении Дома просвещения. Средства ансамбля на год составляли 16 тыс. руб., в том числе 10 тыс. выделял Массовый отдел Ленсовета, а 6 тыс. — Домпросвет⁶.

Становление коллектива происходило непросто, поначалу была значительная текучесть кадров, но довольно скоро состав участников установился (См. списки ансамбля на 1 сентября и 1 ноября 1934 г., 1 января и 1 сентября 1935 г., 25 октября 1936 г., 1 сентября 1937 г.)⁷.

Дело 88 называется «Театральная студия Еврейского Домпросвета», но содержит личные карточки сотрудников Еврейского вокального ансамбля (Евоканса) 1935–1937 гг. — всего 23 человека. Карточки весьма информативны, учетными данными являются фамилия, имя, отчество; год рождения, национальность (большинство, естественно, евреи, но есть и четверо русских), партийность, член союза (профсоюза), дата поступления в ДПР, должность (в ДПР), место рождения, домашний адрес, оклад; для мужчин — отношение к воинской повинности.

Большинство участников Евоканса — хористы и хористки, работавшие в ансамбле по совместительству, их оклад колеблется от 40 до 125 руб. в месяц. Это:

Брун-Владимирова Ева Владимировна, 1896 г. р., беспартийная (б/п);
Бернштейн Зинаида Моисеевна, 1904 г. р., б/п;
Ельниковская Лидия Дмитриевна, 1906 г. р., б/п, русская;
Зеличенок Хая-Сара Залмановна, 1907 г. р., б/п;
Кац Цивья Иоахимовна, 1886 г. р., б/п;
Ласкер Иосиф Моисеевич, 1901 г. р., канд. ВКП(б);
Лис Генрих Танхимович, 1890 г. р., б/п, образование высшее;
Лис Янкель Танхимович, 1900 г. р., б/п;
Лис Сара Германовна, 1912 г. р., чл. ВЛКСМ;
Перельман Ида Евгеньевна, 1913 г. р. (партийность не указана);
Пресс Александр Борисович, 1889 г. р., б/п;
Рабинович Александра Борисовна, 1900 г. р., б/п;
Скловский Израил [так в тексте — Т. С.] Иосифович, 1893 г. р., б/п;
Шерель Ривека [так в тексте — Т. С.] Ефимовна, 1920 г. р., пионерка (!);
Школьник Нина Яковлевна, 1916 г. р., чл. ВЛКСМ;
Эрившан Двойра Григорьевна, 1913 г. р., б/п.⁸

У пяти человек не указана должность, но их оклады составляют 200 рублей, из чего можно сделать вывод, что их положение в коллективе чем-то выделялось. Это Титова Зинаида Федоровна, 1913 г. р., б/п,

русская, образование среднее, место работы — Мариинский театр; и студенты Консерватории Гросман Леонид Ефремович, 1909 г. р., б/п; Тарабрина Валентина Яковлевна, 1909 г. р., б/п, русская; Тихомирова Валентина Алексеевна, 1910 г. р., б/п.⁹

Постоянными сотрудниками ансамбля были всего несколько человек: хористка Лис Сара Борисовна, 1900 г. р., б/п, образование среднее; солистка Идельсон Анна Михайловна, 1890 г. р., беспартийная, педагог-певица с высшим специальным образованием; администратор Левина Ида Юльевна, 1894 г. р., беспартийная, образование среднее¹⁰. В декабре 1935 г. директором Евоканса был назначен З. М. Коршаков¹¹.

В списках значится также Лев Исаакович Мурский, 1897 г. р., беспартийный, из рабочих, служащий, режиссер, в ДПР работает с 1 декабря 1932 г., образование общее и специальное — среднее, «специальность — худ. руковод. Театр. мастерской»¹². В одном из дел имеется справка, датированная 23 апреля 1937 г.: «Дана сия тов. Моленскому-Мурскому Л. И. в том, что он работает в Еврейском Домпросвете им. Свердлова и является режиссером и художественным руководителем театральной студии. Работа эта является для т. Моленского-Мурского Л. И. его основной профессией. Справка дана для представления в Государственный Институт Театрального Искусства им. Луначарского, в Сектор Заочного Обучения»¹³.

Театральная студия и Евоканс, будучи самостоятельными хозяйственными единицами, в то же время административно являлись подразделениями Дома просвещения. Еврейская театральная студия с 1 января 1937 г. стала профессиональным коллективом и перешла непосредственно в ведение Отдела культпросветработы Ленсовета, но продолжала оставаться в составе ДПР до его ликвидации. На 1937 г. смета обоих коллективов — Теа-студии и Евоканса — была общей, в ней значились две должности художественных руководителей (их занимали, соответственно, М. А. Мильнер и Л. И. Мурский), но только одна должность директора — им был Л. И. Мурский¹⁴.

В декабре 1935–январе 1936 г. Евоканс с большим успехом гастролитовал в Еврейской АО, где дал 36 концертов для жителей Биробиджана и воинских частей Дальневосточного округа¹⁵. Поездка была организована «для популяризации Евоканса и проведения большой политрабты на Дальнем Востоке». Однако организация этой поездки оказалась непростым делом. Так, в протоколе заседания актива Еврейского ДПР от 9 сентября 1935 г. говорится о трудности изыскания средств на нее, в связи с чем следует подключить ЛенОЗЕТ¹⁶.

Из другого документа (рукописного и, к сожалению, неправленного и написанного неразборчиво, осень 1935 г.) можно узнать о сложностях

другого порядка: помощник художественного руководителя Евоканса композитор М. А. Мильнер не хочет ехать на гастролы в Еврейскую АО. Участники заседания актива ДПР высказывают разные точки зрения на этот поступок, говорится даже о каких-то «злоупотреблениях Мильнера», Коршаков предлагает повлиять на Мильнера через Союз композиторов, Гитлиц считает нужным провести «вроде общественного суда» и пр.¹⁷ Но в конце концов М. А. Мильнер в Биробиджан все-таки поехал, о чем свидетельствует статья «Привет нашему ансамблю! (На концерте еврейской музыкальной капеллы под руководством композитора Мильнера)» в газете «Биробиджанская звезда» от 27 декабря 1935 года. Автор статьи П. Идов высоко оценивает выступления ансамбля, называя его сплоченным, совершенствующимся музыкальным организмом, который обещает со временем вырасти «в крупную художественную величину в системе художественных коллективов страны»¹⁸.

С этой поездкой связана и авантюрная попытка отправить ансамбль в Биробиджан навсегда. Так, статья П. Идова из «Биробиджанской звезды» заканчивается следующим пассажем: «Отныне, согласно единогласному желанию артистов Ленинградского Еврейского ансамбля и его руководителя т. Мильнера, капелла зачислена в состав действующих художественных предприятий Биробиджана и носит звание «Государственный вокальный ансамбль Ев. А. О. Горячий привет нашему вокальному ансамблю!»¹⁹.

По возвращении ансамбля с гастролей в Ленинград появляется приказ по Еврейскому ДПР: «В связи с переездом Еврейского Вокального ансамбля в Еврейскую автономную область на постоянную работу по их собственному желанию [выделено мной — Т. С.], и согласно решению Облисполкома Евр. Авт. Области, считать ансамбль при Домпросвете ликвидированным со дня приезда в Ленинград 19 февраля 1936 г. с предупреждением за две недели»²⁰.

В противовес сказанному в цитированном приказе, большинство участников ансамбля все же не поехали из Ленинграда на Дальний Восток, и попытка отправить Евоканс в Еврейскую АО не увенчалась успехом. Но ансамбль, видимо, был распущен, а потом заново собран, о чем свидетельствует приказ заведующего Еврейским ДПР от 25 октября 1936 г. о зачислении в Евоканс 21 хориста, в том числе: 6 сопрано, 6 альтов, 5 теноров и 4 баса. Этим же приказом художественным руководителем Еврейского вокального ансамбля был зачислен М. А. Мильнер²¹.

В 1937 г. Евоканс планировал выпустить две новых программы, а текущих концертов должен был дать 40; ежемесячная учеба составляла 10 дней по 4 часа. В штате ансамбля числились худрук и 20 хо-

ристов²². Персонально на 1 сентября 1937 г. это были А. Ф. Гриднева, Л. Ю. Биндлер, В. Я. Тарабрина, И. Е. Перельман, С. М. Бутман, Р. М. Жукова, Б. М. Баш, В. А. Тихомирова, Б. Б. Литвин, Ф. Б. Банк, Б. И. Медрес, А. И. Раппопорт, Я. Г. Лис, Л. М. Фролов, С. И. Рейхсон, Б. И. Карнавский, В. А. Юршиц, Г. Я. Банк, И. Я. Гальперин, Е. Ю. Розенфельд (на последнего возлагались также обязанности технического работника ансамбля)²³.

В апреле 1937 г. Евоканс успешно выступал в Москве — концерты проходили в Колонном зале Дома Союзов и в Консерватории²⁴. С 15 октября 1937 г. решался вопрос о передаче Евоканса из состава Еврейского домпросвета в другую организацию, и его сотрудники до конца года оказались в вынужденном простое, оплаченном им в размере 50%, а художник М. А. Мильнер и совмещающий две должности Е. Ю. Розенфельд получили 100% зарплаты. Но 31 декабря 1937 г. был издан приказ № 13 по Еврейскому ДПП «в связи с прекращением работ еврейского домпросвета, бывший при нем еврейский вокальный ансамбль считать распущенным с 1 января 1938 г.». А Еврейская театральная студия была ликвидирована на основании приказа культпросветотдела Ленсовета от 4 марта 1938 г. за № 63/119825.

¹ ЦГАЛИ СПб. Ф. 258. Оп. 3. Д. 55. Л. 16 об., 19 об.

² Там же. Л. 2, 5, 17, 21 об., 22 об., 30–30 об.

³ Там же. Л. 33, 39 об., 40.

⁴ Там же. Д. 62. Л. 3.

⁵ Там же. Д. 55. Л. 41.

⁶ Там же. Д. 62. Л. 1.

⁷ Там же. Д. 55. Л. 39 об., 42 об.-43; Д. 62. Л. 1 об., 7 об., 13 об.; Д. 70. Л. 2 об.-3.

⁸ Там же. Д. 88. Л. 1–2, 4–5, 8–10, 12, 14–17, 19–20, 22, 26–28.

⁹ Там же. Л. 3, 23–25.

¹⁰ Там же. Л. 7, 11, 15.

¹¹ Там же. Д. 62. Л. 8 об.

¹² Там же. Л. 18.

¹³ Там же. Д. 23. Л. 45.

¹⁴ См.: Там же. Д. 71. Л. 1–2, 5 об.; Д. 70. Л. 2–2 об.

¹⁵ Ленинградский еврейский вокальный ансамбль // Трибуна. 1936. № 1. С. 21; ЦГА ИПД СПб. Ф. 25. Оп. 8. Д. 48. Л. 46, 48; Д. 76. Л. 38–39.

¹⁶ ЦГАЛИ СПб. Ф. 258. Оп. 3. Д. 12. Л. 9–9 об.

¹⁷ Там же. Л. 25.

¹⁸ Там же. Д. 16. Л. 3.

¹⁹ Там же.

²⁰ Там же. Д. 62. Л. 9.

²¹ Там же. Л. 13 об.–14.

²² Там же. Д. 71. Л. 5–5 об.

²³ Там же. Д. 70. Л. 2 об.–3.

²⁴ Еврейский вокальный ансамбль // Трибуна. 30.04.1937. № 8. С. 31.

²⁵ ЦГАЛИ СПб. Ф. 258. Оп. 3. Д. 70. Л. 3–4.

СПИСОК ОСНОВНЫХ СОКРАЩЕНИЙ

Архив ВИМАИВиВС	— Архив Военно-исторического музея артиллерии, инженерных войск и войск связи.
Архив РАН	— Архив Российской Академии Наук.
ГАБО	— Государственный архив Брестской области.
ГАОО	— Государственный архив Одесской области.
ГАРФ	— Государственный архив Российской Федерации.
ГАСО	— Государственный архив Смоленской области.
ГАТО	— Государственный архив Тульской области.
ГАУО	— Государственный архив Ульяновской области.
ГАЯО	— Государственный архив Ярославской области.
НИАБ	— Национальный исторический архив Беларуси.
ОАД РНБ	— Отдел архивных документов Российской национальной библиотеки
ОР РНБ	— Отдел рукописей Российской национальной библиотеки.
ПСЗ	— Полное собрание законов Российской Империи.
РГА ВМФ	— Российский государственный архив Военно-Морского Флота.
РГАДА	— Российский государственный архив древних актов.
РГИА	— Российский государственный исторический архив.
ЦГА ИПД РСО-А	— Центральный государственный архив историко-политической документации Республики Северная Осетия — Алания.
ЦГА ИПД СПб.	— Центральный государственный архив историко-политических документов С.-Петербурга
ЦГАЛИ СПб.	— Центральный государственный архив литературы и искусства С.-Петербурга
ЦГА РСО-А	— Центральный Государственный Архив Республики Северная Осетия — Алания.
ЦГА СПб.	— Центральный государственный архив С.-Петербурга.
ЦГИА СПб.	— Центральный государственный исторический архив С.-Петербурга.

АМЧИСЛАВСКИЙ Виктор Леонидович — магистр социально-экономического образования, аспирант кафедры русской истории факультета социальных наук Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена.

БОРИСОВ Владислав Викторович — старший преподаватель Исторического факультета Петербургского института иудаики, соискатель кафедры архивоведения исторического факультета Санкт-Петербургского государственного университета.

БОРОДКИН Александр Викторович — кандидат исторических наук, доцент, заведующий кафедрой менеджмента туризма Ярославского филиала Российской Международной академии туризма.

ВАСЬКИВ Николай Степанович — доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой журналистики Каменец-Подольского национального университета им. Ивана Огиенко; тел.: (+38097)9128132, (+3803849)38759; e-mail: myvaskiv@ukr.net .

ДЕМИРОГЛУ Хасан — доктор исторических наук, Отделение истории Факультета литературы Тракийского университета (Турция); тел.: +905327013777, e-mail: hasandemiroglu@gmail.com

ЗАГОРУЛЬКО Екатерина Александровна — магистр социально-экономического образования, аспирантка факультета истории Европейского Университета в Санкт-Петербурге.

ЗАХАРОВА Любовь Петровна — аспирантка Тульского государственного педагогического университета им. Л. Н. Толстого; e-mail: lkvinta@yandex.ru

ЗЕМЦОВА Ирина Валерьевна — кандидат искусствоведения, заведующая кафедрой гуманитарных и социально-экономических дисциплин Санкт-Петербургского института управления и права.

ЗЛАТИНА Мария Александровна — кандидат исторических наук, ассистент кафедры русской истории факультета социальных наук Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена; e-mail: zlatmari@yandex.ru

ЛАВРИНОВИЧ Дмитрий Сергеевич — кандидат исторических наук, доцент, декан факультета иностранных языков Могилевского государственного университета им. А. А. Кулешова; e-mail: lavrin-dmitrij@yandex.ru

ЛАПИНА Ирина Александровна — кандидат исторических наук, доцент кафедры истории Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена; e-mail: lapina_ir@inbox.ru

ЛЕВЧЕНКО Валерий Валерьевич — кандидат исторических наук, старший преподаватель кафедры «Украиноведение и иностранные языки» Одесского национального морского университета (Украина); e-mail: levchenkolav@yandex.ru

ЛЫЗЛОВА Татьяна Сергеевна — кандидат исторических наук, доцент кафедры общественных наук Смоленского филиала Российского государственного университета туризма и сервиса; e-mail: tanya-lyzlova@yandex.ru

ЛЮБЕЗНИКОВ Олег Анатольевич — младший научный сотрудник, аспирант Исторического факультета Санкт-Петербургского государственного университета; e-mail: oleglubeznikov@mail.ru

НАЛИВКИН Леонид Александрович — кандидат исторических наук, научный сотрудник Государственного мемориального музея обороны и блокады Ленинграда, докторант Санкт-Петербургского государственного университета, член-корреспондент Академии военно-исторических наук, член Петровской академии наук и искусств.

НИКОЛАЕВ Андрей Борисович — доктор исторических наук, профессор кафедры русской истории Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена, почетный работник высшего профессионального образования Российской Федерации.

НИКОЛЬСКАЯ Татьяна Кирилловна — кандидат исторических наук, старший преподаватель С.-Петербургского Христианского Университета, докторант С.-Петербургского Института истории РАН; e-mail: nikt@spbcu.ru

НОРКИНА Екатерина Сергеевна — аспирантка центра «Петербургская иудаика» Европейского Университета в Санкт-Петербурге; e-mail: enorkina@eu.spb.ru

ОСТРОВСКИЙ Александр Владимирович — доктор исторических наук, профессор кафедры истории Санкт-Петербургского государственного университета телекоммуникаций им. М. А. Бонч-Бруевича.

ПАВЛЕЕВА Елена Александровна — аспирантка Кафедры российских и восточноевропейских исследований Факультета социальных наук Карлова Университета в Праге (Чехия); e-mail: elena.pavleeva@seznam.cz

ПЕВЗNER Евгения Георгиевна — ведущий специалист отделов научно-справочного аппарата и компьютерных и информационных технологий Российского государственного исторического архива; e-mail: Rev2003@km.ru

ПИЛИПЕНКО Александр Николаевич — старший преподаватель Исторического факультета Петербургского института иудаики; тел.: +7 (911) 745-68-46, e-mail: pilipenkoan@rambler.ru

САХАРОВ Игорь Васильевич — кандидат географических наук, заслуженный работник культуры Российской Федерации, директор Института генеалогических исследований Российской национальной библиотеки, президент Русского генеалогического общества, член Геральдического Совета при Президенте Российской Федерации, Первый вице-президент Международной Академии Генеалогии; раб. тел.: +7 (812) 710-57-72; e-mail: sakharov@nlr.ru

СИВОПЛЯС Иван Эдуардович — научный сотрудник научно-исследовательского отдела Государственного Музея-Заповедника «Родина В. И. Ленина» (г. Ульяновск).

СМИРНОВА Тамара Михайловна — доктор исторических наук, профессор кафедры философии и культурологии Санкт-Петербургского Государственного университета аэрокосмического приборостроения.

- СТРЕНКОВСКИЙ Сергей Петрович — кандидат исторических наук, доцент, первый проректор, профессор кафедры управления и экономики образования Минского городского института развития образования; e-mail: sstrenkovskiy@mail.ru
- СТРУНЕЦ Сергей Владимирович — преподаватель кафедры истории славянских народов Брестского государственного университета им. А. С. Пушкина.
- ФЕДОТЪЕВ Дмитрий Сергеевич — аспирант кафедры истории Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена.
- ФЕЛЬДМАН Дмитрий Захарович — кандидат исторических наук, главный специалист Российского государственного архива древних актов; e-mail: dzfeldman@rambler.ru
- ХАЕШ Анатолий Ильич — научный сотрудник Петербургского института иудаики.
- ЦАРИКАЕВ Алан Тахирович — кандидат исторических наук, доцент Северо-Осетинского государственного университета им. К. Л. Хетагурова.
- ЦАРИКАЕВА Анжела Руслановна — студентка 5 курса Северо-Осетинского государственного университета им. К. Л. Хетагурова; e-mail: guldaeva.angel@yandex.ru
- ЧЕРНЫШЁВА Нина Сергеевна — научный сотрудник отдела библиографии и краеведения Российской национальной библиотеки, студентка 2 курса факультет социальных наук Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена; e-mail: nina93-93@mail.ru
- ЧОЧИШВИЛИ Давид Доментьевич — доктор исторических наук, ассоциированный профессор Горийского учебного университета (Грузия); e-mail: ch.daviti67@rambler.ru
- ЭЛЬЯШЕВИЧ Дмитрий Аркадьевич — доктор исторических наук, профессор, ректор Петербургского института иудаики, заведующий кафедрой библиографоведения и книговедения Санкт-Петербургского государственного университета культуры и искусств; e-mail: rector@pijs.ru